

**Курская митрополия
Историко-архивная комиссия
по изучению материалов о репрессированных
священно- (церковно-) служителях
Курской епархии**

**Материалы к проповеди 3 ноября
в день расстрела
священномученика Дамиана
и поминовения духовенства и мирян,
пострадавших в годы репрессий
в Курском крае**

**По благословению
митрополита Курского и Рыльского
Германа**

*Рассмотрено и рекомендовано
Историко-архивной комиссией по изучению материалов
о репрессированных священно- (церковно-) служителях
Курской епархии
(протокол № 5 от 13 октября 2012 года)*

Историко-архивная комиссия собрала для священнослужителей материалы, которые могут быть использованы для подготовки проповеди 3 ноября в день расстрела священномученика Дамиана, архиепископа Курского и Обоянского, и поминовения духовенства и мирян, пострадавших в годы репрессий в Курском крае.

Оглавление

<u>Проповеди</u>	6
<i>Святейший Патриарх Московский и всея Руси Кирилл.</i>	
Проповедь в день Собора новомучеников, в Бутове пострадавших.....	7
<i>Святейший Патриарх Московский и всея Руси Алексей II.</i>	
Двадцатое столетие – особое время в жизни Русской Церкви.....	11
<i>Митрополит Антоний Сурожский.</i>	
Память новомучеников и исповедников Российских.....	14
<i>Митрополит Антоний Сурожский.</i>	
Слово в день памяти новомучеников и исповедников Российских...	16
<i>Архимандрит Иоанн (Крестьянкин).</i>	
Слово в праздник Собора новомучеников и исповедников Российских.....	18
<i>Священник Сергей Свешников.</i>	
Память святых новомучеников и исповедников Российских.....	28
<i>Священник Сергей Свешников.</i>	
Память святых новомучеников и исповедников Российских.....	30
<i>Священник Сергей Свешников.</i>	
Память святых новомучеников и исповедников Российских.....	32
<i>Протоиерей Валерий Захаров.</i>	
Собор святых новомучеников и исповедников Российских.....	35
<i>Священник Константин Кобелев.</i>	
Праздник Всех святых, в земле Российской просиявших.....	38

Священник Н.

Собор Новомучеников и Исповедников Российских.....42

Деяния Архиерейского Юбилейного Собора 2000 года....46

**Из материала: О соборном прославлении новомучеников
и исповедников Российских XX века**.....47

Митрополит Ювеналий.

О канонизации Царственных Страстотерпцев.....50

Игумен Дамаскин (Орловский).....55

Гонения на РПЦ в советский период.....56

Методология и практические особенности исследования
подвига новомучеников и исповедников Российских.....91

Архиепископ Лука (Войно-Ясенецкий) в период репрессий.....108

Сопоставление подвига мученичества святых древней Церкви
и новомучеников Российских.....120

1937 – год свидетельства о Христе.....144

**Курская митрополия: изучение истории пострадавших в
Курском крае духовенства и мирян в годы гонений**.....154

**Историческая секция Всероссийских Знаменских чтений:
Дамиановские чтения**.....155

**Историко-архивная комиссия по изучению материалов
о репрессированных священно-(церковно-) служителях
Курской епархии**.....157

Митрополит Курский и Рыльский Герман.

Заключительное слово на V Дамиановских чтениях.....159

Митрополит Курский и Рыльский Герман.

Слово на открытии VI Дамиановских чтениях.....161

Священник Владимир Русин

Куряне-новомученики.....163

Священномученик Онуфрий (Гагалюк)

и епископ Вениамин (Иванов).....167

Протоиерей Алексей Дяконов из Замостья (1863-19..?).....171

Священник Христофор Мартынов из Средних Опочек.....177

Изъятие церковных ценностей в одном, отдельно взятом, уезде.....182

Монахиня Иустина (Трофимова)

Образ православной семьи (на примере святых новомучеников Российских).....193

Проповеди

Святейший Патриарх Московский и всея Руси

Кирилл

Проповедь в день Собора новомучеников, в Бутове пострадавших

Во имя Отца и Сына и Святого Духа.

Христос Воскресе!

Это пасхальное приветствие мы сегодня обращаем друг к другу, а также ко всем, кто закончил здесь свою жизнь. Их бранные тела покоятся в этой земле, их святые души пребывают сегодня с Господом. Мы верим, что они вместе с нами прославляют Христа Воскресшего в Церкви торжествующей, в Церкви небесной.

Но всякий, кто приближается к этому месту скорби, не может не задуматься о причинах той страшной трагедии, которая постигла наш народ, о причинах невероятной жестокости, о причинах беспочвенных подозрений, преследований и казней. Невольно возникает мысль о том, где же предел человеку в его святости и его добре, в его злобе и его грехе; и как получается, что люди не просто совершают зло, но оправдывают – интеллектуально, логически, психологически, эмоционально – совершаемые ими преступления. Речь идет не только о тех, кто приводил в действие орудия казни, не только о тех, кто был палачом в прямом смысле слова, – речь идет о тех, кто принимал страшные решения об умерщвлении своего собственного народа, и о тех, кто поддерживал эти решения, кто им аплодировал, кто себя отождествлял с этими страшными казнями.

В сегодняшнем рядовом чтении (*Деян. 12, 1-11*) мы его, к сожалению, не прочитали, – удивительные смысловые совпадения с тем, что мы сегодня вспоминаем. В Деяниях святых апостолов говорится о том, как Ирод убивает апостола Иакова. Он приказывает отрубить ему голову, потому что полагает, что

эта казнь понравится многим. Желая понравиться тем, кто воздвиг гонения на юную христианскую Церковь, он совершает преступление и невинного человека отдает на смерть. В этом смысле вся последующая история Церкви, исполненная многими страданиями, ничем не отличается от первых дней существования христианства. Более того, в этой последующей истории Церкви запечатлевается образ Самого Бога, страдающего за род человеческий, Спасителя мира, что взошел на Крест без всякой видимой причины и без всякой вины – только потому, что злоба человеческая не принимала того, что Господь обратился через Сына Своего роду человеческому. И потом все те, кто продолжал это служение Божией правде, всегда рисковали. В некоторые эпохи рисковали жизнью – и мы сегодня вспоминаем таких свидетелей Божией правды. Но были и те, кто рисковал положением, репутацией, карьерой, жизненным спокойствием, благополучием, кто шел поперек общего течения, потому что течение было не к Богу, не к спасению, а в иную сторону.

В сегодняшнем Евангелии (*Ин. 8, 31-42*) содержатся слова, которые вскрывают смысл всей этой исторической драмы – почему на Христа, на Церковь постоянно обрушивались гонения, почему и в мирное время все, что совершает Церковь, окружается критикой, а иногда и просто наветами, клеветой, почему мир так снисходителен к своим собственным ошибкам и почему даже малый человеческий грех, если он совершается в ограде Церкви, представляется как некое огромное событие и вокруг него разворачивается целая общественная кампания. Вы понимаете, что я сейчас говорю не о стародавних, а о наших с вами временах.

А теперь о том, почему все-таки люди убивали здесь, на Бутовском полигоне, себе подобных. Потому, что они тем самым хотели приблизить построение справедливого общества, где все были бы равны и свободны. У любого нормального человека возникает вопрос: что же это за свобода, которая должна быть оплачена этими жестокими жертвами, этими убийствами, потерей всякой свободы? Так вот, разящие душу слова сегодняшнего Евангелия от Иоанна помогают нам понять и причину происшедшего в России в те страшные времена, и многое другое, что происходит с родом человеческим: Познаете истину, и

истина сделает вас свободными. И отвечают немедленно иудеи Спасителю: мы дети Авраама и никогда ни у кого не были в рабстве (см. *Ин. 8, 32-33*). Дети Авраама разделяли те стереотипы мышления, которые были присущи и им, и многим другим, которые присущи и нам сегодня, и многим человеческим обществам, – когда под свободой подразумевается исключительно политическая свобода: ни у кого не в рабстве – значит свободны.

Господь же говорит о другом: Познаете истину, и истина сделает вас свободными; и на возражение иудеев, настаивающих, что они никогда не были рабами, говорит: Истинно, истинно говорю вам: всякий, делающий грех, есть раб греха (*Ин. 8, 34*). В этих словах открывается нам глубинный смысл человеческого бытия и человеческой истории. Никакие внешние свободы не освобождают человека, никакие внешние декларации о свободе не делают человека свободным. Его легко закабалить, поработить его разум, воспитать его в стереотипах и предрассудках, направить его мышление и волю в нужную сторону, если он становится рабом греха, рабом своих страстей. Достаточно научиться управлять страстями, управлять грехом – и вы управляете миром. Сегодня научились управлять страстями, научились управлять грехом – и при всем том, что каждый говорит о свободе, мир закабаляется в рабство греху.

Не следует думать, что это нечто новое, присущее только нашей эпохе. Если было бы так, то Христос не произнес бы эти обжигающие разум слова о подлинной человеческой свободе. Так было всегда, и для того чтобы разрушить эту неправильную логику человеческой жизни, Господь и приходит на землю, восходит на Голгофу и искупляет человеческий грех. Он несет миру правду Божию – ту истину, которая делает нас свободными. Во имя достижения такой свободы никогда не был убит ни один человек. А если некие преступления и совершались от имени Церкви, то они совершались не во имя этой свободы, а во имя власти – ложно понимаемой власти, проявление которой не имело к этой внутренней свободе никакого отношения. И те, кто убивал несчастных на Бутковском полигоне и по всему лицу нашей многострадальной земли, силой, оружием, казнями, кровью хотели добиться той самой свободы, которая является

не свободой, а новой – по отношению к той системе, с которой борется, – системой закабаления человека.

Мы должны ясно понимать, что есть свобода человека. Те, кто погибал в Бутово, кому стреляли в затылок, кого сбрасывали в ров, кто становился жертвой этой страшной машины уничтожения, кровавой и безрассудной, – те самые люди и были свободны. В голову не могло придти исполнителям казней, что их жертвы подлинно свободны. Они были свободны от страха смерти, они не пошли на предательство, не пошли на то, чтобы, спасая себя, погубить других. Они мужественно вставали у этих рвов и уходили к Господу как ангелы, обретая через это полную, окончательную и абсолютную свободу в Боге.

Все, что произошло с нами, с нашей Церковью, с нашим народом, никогда не должно быть забыто. Мы должны научиться сопротивляться всем тем искушениям мира сего, которые управляют человеческими страстями и человеческим грехом, закабаляют человека, подталкивая его ко греху, делая его рабом греха, мешая его свободе. И если мы эту внутреннюю христианскую свободу соединим с правильным устройением общества и государства – чтобы не было структур угнетения, чтобы не было того, что подавляет человеческую личность, – мы построим великую цивилизацию.

Не знаю, дано это будет нам или нет. Может быть, это просто мечта; может быть, это просто надежда. Но в любом случае всегда в роде человеческом и в Церкви Христовой будут люди, которые не подчинятся власти греха и человеческого инстинкта. Всегда будут те, кто сохранит эту внутреннюю свободу. И дай Бог нам всем, вспоминая о жертвах Бутова, думать о настоящем и о будущем, устрояя жизнь нашу в соответствии с величайшими Божественными словами, произнесение которых совпало с нашей общей молитвой в Бутове: *«Познаете истину, и истина сделает вас свободными. Аминь.»*

26 августа 2011 года

Источник: *Пресс-служба Патриарха Московского и всея Руси // <http://mission-center.com/ru/home/1279-patriarh-butovo>*

Святейший Патриарх Московский и всея Руси

Алексий II

Двадцатое столетие – особое время в жизни

Русской Церкви

Двадцатое столетие – особое время в жизни Русской Церкви.

Это – эпоха невиданных гонений за веру, по своим масштабам, циничности, коварству и жестокости превосходящих всё, что когда-либо выпадало на долю последователей Христовых.

В XX веке одна Россия дала миру больше мучеников и исповедников, чем вся предыдущая история всей христианской Церкви. Однако кровавый Армагеддон, устроенный «красным драконом», унёсший миллионы безвинных жертв, вопреки нечестивым ожиданиям богоборцев не смог погубить Святую Русь. XX век стал Великим Днём Господним в России.

Множество мучеников и мучениц всех возрастов и сословий, принесших свою жизнь в жертву Христу Богу, стали свидетельством господства духа над плотью и тлением; стали явлением христианской идеи и жизни, стали фактом непобедимости христианского терпения и мужества. Свидетельством господства духа, – потому что эти люди не захотели сохранить жизнь или приобрести блага мира во вред своей душе, ибо душа человеческая больше, ценнее всего мира. Они были служителями животворящего Духа. Явлением расцвета христианской жизни, – ибо заповеди и повеления Божии были для них не отвлеченными истинами, а насущным хлебом их повседневной духовной жизни. Без исполнения заповедей их жизнь была бы пуста и бессмысленна. Святая и совершенная воля Божия была навсегда неистребимо написана на скрижалях их сердец.

Фактом непобедимости христианского терпения и мужества, незыблемого стояния в любви Божией, – ибо сильна, как смерть, любовь и даже сильнее

смерти. Никто и ничто – ни смерть, ни теснота, ни гонения, ни голод, ни опасность, ни меч – не могли отлучить их от любви Божией. Но всё это они преодолевали силою возлюбившего их Бога (*Рим. 8, 35-37*). Их жизнь и смерть были убедительнейшей проповедью истинности и неразрушимости Христова дела. Кровь мучеников, по словам Тертуллиана, всегда была семенем, из которого вырастал новый народ Божий. Мученики и исповедники совершили нетленный подвиг, страдания перенесли со славою, были превознесены Богом и сделались похвалою Церкви. Как это перекликается с настроением, мирочувствием и подвигом первых христиан! Достаточно вспомнить апостольского мужа св. Игнатия Богоносца, отдавшего в руки мучителей, и спешившего принести себя в чистую жертву Христу Богу, умоляя христиан не препятствовать этому. «Никакой пользы не принесут мне удовольствия мира, ни царства века сего. Лучше мне умереть за Иисуса Христа, нежели царствовать над всею землею ... Его ищущего, за нас умершего, Его желаю, за нас воскресшего ... Хочу быть Божиим: не отдавайте меня миру. Пустите меня к чистому свету: явившись туда, буду человеком. Дайте мне быть подражателем страданий Бога моего» (*Послание св. Игнатия к Римлянам, IV*).

«Ради Христа я несу на себе узы, этот духовный жемчуг, в котором желал бы я воскреснуть» (*Его же послание к Ефесянам, XI*).

«Я пишу церквам и всем сказываю, что добровольно умираю за Бога, если только вы не воспрепятствуете мне. Умоляю вас: не оказывайте мне неблагоприятной любви. Оставьте меня быть пищею зверей и посредством их достигнуть Бога. Я пшеница Божия, пусть измельют меня зубы зверей, чтобы я сделался чистым хлебом Христовым» (*Его же послание к Римлянам, IV*).

«Теперь только начинаю быть учеником. Ни видимое, ни невидимое, ничто не удержит меня придти к Иисусу Христу. Огонь и крест, толпы зверей, рассечения, расторжения, раздробления костей, отсечение членов, сокрушение всего тела, лютые муки диавола придут на меня, только бы достигнуть мне Христа» (*Его же послание к Римлянам, V*).

Духовная жажда подражания Христу, стяжания праведности и святости Христовой никогда не иссякала в России. «Не стоит город без святого и село

без праведника,» – говаривали в старину на Руси. И в XX веке, времени разгула безбожия и безнравственности, Промыслом Божиим в России воздвигались и сохранялись богобоязненные чистые люди, которые ставили целью своей жизни стараться быть подобными Христу в Его преданности и послушании воле Отца Небесного, незлобивости, милосердии, кротости, смирении, молитвенности и бескорыстной любви. Отец Дамаскин приводит в своём труде ряд убедительных подтверждений этому.

Источник: Фонд «Память мучеников и исповедников Русской Православной Церкви XX столетия» // <http://www.zavet.ru/kalendar/novm/002.htm>

Митрополит Антоний Сурожский

Память

новомучеников и исповедников Российских

Во имя Отца и Сына и Святого Духа.

Мы празднуем сегодня день святых новомучеников и исповедников Российских, праздник, который только что установлен Архиерейским Собором Русской Церкви. Слава церковная – ее мученики, потому что мученики веры – это люди, которые оказались настолько укоренены в любви к Богу и в любви к ближнему, что они были готовы быть свидетелями перед всем миром о Божественной любви. И не только любовь к Богу они проявили; это было личной их любовью. Но и любовь к миру они проявили тоже, потому что они отдали свою жизнь для того, чтобы иметь возможность всем людям, всем, кто только мог услышать их глас, всем, кто мог услышать об их подвиге, засвидетельствовать о том, что Бог есть Бог любви, и что у Него есть на земле свидетели, настолько убежденные в Его правде и в любви Его, что они готовы отдать и всю жизнь свою во свидетельство тому.

И поэтому мы сегодня с глубочайшим трепетом будем впервые совершать этот молебен в нашем храме. Мы всех упомянуть не можем; но мы упомянем тех, которых Русский Собор выдвинул как светочей, как первых, которые пострадали до крови, до мученичества, и открыли путь этот, кровавый и спасительный, для тысяч и тысяч других свидетелей Христа и любви Божией к людям. Мы будем вспоминать патриарха Тихона, митрополита Киевского Владимира, который был первой жертвой революционных убийц, митрополита Вениамина Петроградского и Гдовского, вместе с его сподвижниками, из которых только двое будут упомянуты, но который был окружен множеством других, с ним пострадавших. И, наконец. Великую Княгиню Елисавету Феодоровну с монахиней Варварой, которые пострадали и отдали свою жизнь во свидетельство своей веры и во свидетельство того, что они любят народ свой, неразлучны с

ним и готовы ему свидетельствовать, перед ним свидетельствовать до крови о том, что Бог есть, и что Он есть любовь, и что Богу можно довериться не только жизнью, но и смертью своей.

Они нам должны служить примером; с нас никто не требует сейчас кровавой жертвы, но каждый из нас может отдать свою жизнь Богу и отдать свою жизнь ближнему; и порой эта жертва – тяжкая. Мне вспоминается один из русских епископов, Владыка Фотий, который мне сказал: «С тех пор, как Каин убил Авеля, все Каины земли стремятся уничтожить всех Авелей; но Авели научились одному: что они должны хоть немножко остаться живыми для того, чтобы пронести факел веры, зажечь другие души, и тогда умереть».

Многие так умирали; мне вспоминаются не только взрослые, не только подвижники, имена которых мы знаем; но мне вспоминается ребенок, 11-летний мальчик, который в 30-ые годы сказал своим родителям, что он услышал зов Божий, который ему повелевает уйти в одиночество, в лес, для того, чтобы молиться о спасении России. И мальчик ушел, и навсегда исчез; он был встречен один только раз крестьянином, который в лес пошел рубить дрова; стоял перед ним мальчик лет 12-13, который ему сказал: «Батюшка, найди мне пару сапог! Я уже три года стою в зимнюю пору с ногами во снегу – и мне это так тяжело!» Этот крестьянин ему принес сапоги, мальчик исчез и никогда не вернулся. Но он стоит перед Богом теперь и молится за родную землю, за которую Господь его поставил молитвенником.

Будем сегодня молиться от всей души, чтобы благодать Господня сошла на нашу Русскую землю, чтобы свет веры на ней просиял, чтобы верность, не только на словах, но во всех путях жизни в ней проявилась, чтобы Русь наша стала Домом Животворящей Троицы. И мы должны принести и свой вклад – верностью Богу, верностью Родине, верностью друг другу, готовностью отдать свою жизнь для того, чтобы другой человек зажегся верой, радостью, надеждой. Аминь.

2000 год

Источник: *Электронная библиотека «Митрополит Антоний Сурожский»* // <http://www.mitras.ru/archive/060204.htm>

Митрополит Сурожский Антоний

Слово в день памяти новомучеников и исповедников Российских

Мы празднуем сегодня один из самых великих дней жизни нашей родной Русской Церкви – день, когда вспоминаются все мученики, исповедники современности, герои духа, все те, кто на нашей земле не только жизнь посвятил служению Богу, но остался верен до смерти, жизнь и смерть отдал в Его славу.

Мученики, исповедники Российские являются славой русской земли перед лицом Божиим, свидетелями того, что в самые страшные, темные годы нашей истории, издревле и до сих пор, были сонмы людей, мужчины, женщины, дети, которые так Ему поверили, так отдали себя в Его руку на служение, что до смерти остались Ему верными.

Сонм древних и новых мучеников и исповедников сияет перед лицом Божиим как свидетельство о том, что наша русская земля не погибла во тьме веков. И как мы должны быть благоговейно благодарны за их подвиг, за величие их души, за дерзновение их жизни, но каким вызовом является их жизнь для нас. Мы живем жизнью серой, часто без подвига внутреннего, и, конечно, без внешнего подвига.

Но можем ли мы удовлетвориться тем, что мы живем под покровом Божией Матери, под защитой Христа, Который Свою жизнь отдал за нас?

Так ли мы отвечаем на любовь Божию?

Подумайте, подумайте, что это значит: *Бог так возлюбил мир, что Он Своего Сына Единородного отдал на смерть для того, чтобы мы поверили в Его любовь, поверили в Его учение, последовали за Ним и стали достойными себя самих и той любви, которую Бог нам подарил.*

Отдать Своего собственного Сына на смерть для другого человека – это самое великое, что человек может совершить. И вот таков наш Бог.

И наша русская земля ответила на эту любовь Божию, отдав себя. Тысячи и тысячи людей жили достойно этой любви, и тысячи и тысячи людей умерли достойно этой любви. Их память мы сегодня совершаем. И их память мы должны совершать не только тем, чтобы ликовать о них, чтобы дивиться на них, а тем, чтобы, взглянув в их жизнь, стать подобными им, отдать свое сердце, отдать свою жизнь для служения Тому Богу, Который нас научил такой любви, о которой я только что упомянул.

Перед тем как я дам благословение, мы посередине церкви совершим молебен новомученикам Российским, страдальцам Российским, и вместе с этим будем вспоминать и тех, имена которые нам неизвестны. Тысячи и тысячи людей.

По подсчету одного ученого, шестьдесят миллионов русских погибло в лагерях и на войне за последние пятьдесят лет. Имена их неизвестны, мы не знаем даже, были ли они верующие в том героическом смысле, к которому новомученики нам указывают путь. Но мы можем о них думать, что они по любви к Родине, по любви к родным, по любви к правде отдали свою жизнь. И это Господь наш принимает как жертву веры, веры в человека, в которого Он так поверил, что Своего Сына отдал на смерть ради его спасения.

Поэтому соберемся через несколько мгновений на середину церкви, воспоем славу героев духа, которые являются оправданием и славой нашей родной земли, будем молиться о том, чтобы они нас не оставили своими молитвами и покровом, и положим начало жизни, достойной тех людей, которых мы так почитаем. Аминь.

Источник: *Ежедневное интернет-СМИ «Православие и мир». Архив «Митрополит Сурожский Антоний»* // http://www.pravmir.ru/author/user_361/

Слово в праздник

Собора новомучеников и исповедников Российских

Во имя Отца и Сына и Святаго Духа!

«И когда Он снял пятую печать, я увидел под жертвенником души убиенных за слово Божие и за свидетельство, которое они имели. И возопили они громким голосом, говоря: доколе, Владыка Святый и Истинный, не судишь и не мстишь живущим на земле за кровь нашу?

...и сказано им, чтобы они успокоились еще на малое время, пока и сотрудники их и братья их, которые будут убиты, как и они, дополнят число» (Откр. 6, 9-10, 11).

Други наши, сегодня праздник молитвенной памяти святых, начало которому было положено тогда, когда они, эти люди, еще жили и только стояли на пороге предлежащего им подвига. И они сами, не ведая того о себе, но пророчески предзря будущее России, на всероссийском Соборе Русской Православной Церкви в 1917-1918 годах объявили: «Установить по всей России ежегодное поминовение молитвенное в день 25-го января или в следующий за ним воскресный день (...) всех усопших в нынешнюю лютую годину гонений исповедников и мучеников».

Они не знали о себе, но Дух Святой, в Церкви почивающий и Церковь ведущий, их устами изрек явно будущее народа Божия на Руси на длительный период ее истории, и назвал его «годиной лютой».

И на этом Всероссийском Соборе, восстановившем Богом данной властью на Руси Патриаршество, еще воочию была видна древняя церковная слава России. Но там же ей, этой славе, уже противопоставилось надвигающееся будущее – непримиримая, враждебная сила, ненавидевшая христианство и Крест и обещавшая русской Церкви подвиг мученичества и исповедничества, доселе редко являвшийся в ней.

Непрекращающиеся гонения, в которых рождалась Вселенская Церковь, казалось, обошли Россию. Русь приняла христианство готовым, выстраданным другими, из рук своего правителя – Великого равноапостольного князя Владимира – и вросла в него весьма малыми жертвами. Но могла ли Русская Церковь миновать общий всем христианам путь, начертанный Христом? «...Возложат на вас руки и будут гнать вас, предавая... в темницы, и поведут пред... правителей за имя Мое...» (Лк.21,12). Это Божие определение о Церкви открылось со всей очевидностью еще с апостольских времен.

А для России час испытания ее веры, час подвига за Христа пришел в XX веке. Ибо не без России Вселенская Церковь должна была достигнуть полноты духовного возраста и совершенства. Почти через тысячелетие после принятия христианства с небывалой силой на Русскую Православную Церковь обрушилось гонение, движимое активным богоборчеством, целью которого было стереть Церковь с лица земли и изгладить само воспоминание о Боге в сердцах россиян. И цель оправдывала средства. В относительно короткий период – за семьдесят лет – земная Русская Церковь пополнила Небесное Отечество множеством русских святых мучеников и исповедников.

И сегодня второй год мы прославляем всех тех, кто пронес подвиг веры до исповедничества и мученичества в этот новый период истории государства Российского и его Святой Церкви.

Только через семьдесят пять лет постановление, прозвучавшее на Соборе 1917 года, ожило и стало деянием. И в этот день мы совершаем молитвенное поминовение тех, кто пострадал за веру и правду: был расстрелян, замучен, убит, умер от болезней и холода в лагерях – принял мученическую кончину за веру Христову. Сегодня мы называем только восемь имен – восемь первых мучеников, канонизированных Русской Православной Церковью в 1992 году. Это:

- священномученик Владимир, митрополит Киевский и Галицкий;
- священномученик Вениамин, митрополит Петроградский и Гдовский;
- священномученик архимандрит Сергей;
- мученик Юрий;
- мученик Иоанн;

- преподобномученица Великая княгиня Елисавета;
- преподобномученица инокиня Варвара.
- И только Патриарх Тихон был прославлен ранее, в 1989 году.

Но за ними, поименованными, стоит бесчисленное множество клириков, мирян, имена коих знает один Бог, и кои свидетельством своим о вере Христовой «даже до смерти» стали молитвенниками и предстателями пред Престолом Божиим за нас, за землю Русскую.

Первый период кровопролитных массовых гонений на Церковь Христову начался после декрета об изъятии церковных ценностей и опубликования в печати списка «врагов народа», первым в котором был Патриарх Тихон, а вслед за ним епископы, священники – вся лучшая часть российского духовенства. На конец 1922 года было расстреляно по суду 2691 человек из белого духовенства, 1962 монаха, 1447 монахинь и послушниц. Это перечень лишь тех, чьи «судебные» дела сохранились, а сколько их, безвестных, убиенных без суда и следствия, предстало пред Богом в убеленных страданием победных ризах.

Первый, кто стал во главе новомучеников Российских, – это Патриарх и отец – Святейший Тихон. Это он своим первосвятительским благословением указал чадам Церкви Российской единственно верный путь в «новой» жизни: «А если нужно будет и пострадать за дело Христово, зовем вас, возлюбленные чада Церкви, зовем вас на эти страдания вместе с собою...Если нужна искупительная жертва, нужна смерть невинных овец стада Христова, – благословляю верных рабов Господа Иисуса Христа на муки и смерть за Него», – звучит голос отца.

Таков путь Христа, таков путь Его Святой Церкви. Таков путь каждого, кто стал христианином. И Церковь Божия, и подвижник Христов свободно идут на крест и взойдут на него. В свободе – и сила подвига, и его ценность.

Принимая патриарший посох в 1918 году, митрополит Тихон знал предлагающий ему путь и не отрекся от крестного подвига. «Ваша весть об избрании меня в Патриархи является для меня тем свитком, на котором было написано: «Плач, и стон, и горе...» Отныне на меня возлагается попечение о всех церквях

Российских и предстоит умирание за них, во вся дни», – сказал Владыка Тихон в день своего избрания. И его умирание началось с первых дней.

Против христианства, вооруженного лишь крестом и молитвой, ополчились власть и вся сила зла в безумном порыве уничтожить, растоптать в нем Христа. И Россия во главе со своим Патриархом вступила на свою Голгофу.

Патриарх Тихон в сонме мучеников Российских, казалось, был лишен радости мученического венца, но по силе страданий он стал первым. Его бескровное мученичество было непрерывным в течение долгих семи лет. Ежедневно, ежечасно, до последнего дня жизни, до смерти. Для пользы Церкви он принял подвиг менее видный, более будничной, подвигом и не кажущийся. Он боролся с врагом, его насилом, издевательством и коварством за свободу Церкви. И Церковь, сохраненная его подвигом, взывает ныне: «Святителю, отче Тихоне, моли Бога о нас».

С Всероссийского Собора, не дождавшись его окончания, только получив благословение Богом дарованного Патриарха, уехал на страдание и смерть митрополит Киевский и Галицкий Владимир (Богоявленский).

Священномученик митрополит Владимир шестьдесят лет шел по жизни за Богом. Его жизнь была исполнена трудов и страданий. Ими учился он всегда и во всем исполнять волю Божию. В Церкви он прошел послушание от семинариста до митрополита. В трагической смерти своей жены и единственного ребенка тогда еще молодой священник, он усмотрел Промысел Божий. И путь монашеского послушания стал единственным для него до конца дней. Владыка всегда был с народом Божиим как истинный пастырь во всех его бедах. Особенно это поразительно проявилось во время холерной эпидемии и неурожая в Самарской губернии. С крестом и молитвой он появлялся в холерных бараках, совершал молебствия на площадях – бесстрашный воин Христов и пастырь добрый. Он учил, вразумлял, лечил, кормил, согревал. И любовь народная была ему наградой.

Истинное смирение вознесло святителя Владимира на такую высоту, какая только была возможна на положении иерарха. Он с застенчивостью и удивлением говорил о себе, что стал как бы Всероссийским митрополитом, после-

довательно занимая все основные митрополичьи кафедры России – Москвы, Петербурга и Киева.

Нельзя умолчать об одной весьма важной детали. В 1915 году Владыку перевели на Киевскую кафедру, и он, словно предвидя подлежащее ему, был удручен. Но на вопрос близкого ему человека: «Не лучше ли теперь уйти ему на покой?» – митрополит Владимир ответил спокойно: «Да, судя по человеческим соображениям, я с вами согласен. А по-Божиему как? Угодно ли испытывать и предупреждать волю Божию?»

Вот она – общая черта в жизни всех святых людей – «А по-Божиему как?»

По-Божиему митрополиту Владимиру, митрополиту Вениамину, архимандриту Сергию, мирянам Юрию и Иоанну, Великой княгине Елисавете и инокине Варваре надлежало отвергнуться себя, отвергнуться человеческого и взять Божие – крест свой и следовать за Христом. И они, движимые духом любви ко Христу, пошли на подвиг. Они ощущали присутствие Святаго Духа, когда радость становится вечной.

Отстаивая единство Украинской Церкви со Всероссийской Православной Церковью, владыка Владимир незадолго до своей гибели сказал: «Я никого и ничего не боюсь. Я на всякое время готов отдать свою жизнь за Церковь Христову, за веру Православную, чтобы не дать врагам ее посмеяться над нею. Я до конца буду страдать, чтобы сохранилось Православие в России там, где оно начиналось». Как перекликаются эти слова его со словами Патриарха Тихона: «Пусть погибнет имя мое в истории, только бы Церкви была польза».

И там, где крестилась Русь во Христа, где руками апостола Андрея Первозванного было воздвигнуто знамение победы – Крест Христов – в Киеве над Днепром был вознесен на крест преемник апостольского служения священномученик митрополит Владимир, и с этого же места началось крещение Русской Церкви огнем и кровью.

Без суда, без объявления вины, как на разбойника, вышли взять митрополита неведомые, не знаемые никем, новые хозяева жизни со штыками и огнем. Издевались над ним, вывели за ворота Киево-Печерской Лавры. А он, воздев

руки свои к небу, молился. Потом, благословляя крестообразно обеими руками своих убийц, сказал: «Господь вас благословляет и прощает». Мученик сам благословил смерть свою и вымолил убийцам прощение. «Господь вас прощает!» А распоясавшийся мир зла, не вынося укоризн правды и света, смертельными пулевыми и штыковыми ранами завершил суд над правдой.

Это было первое кровавое злодеяние, и «...судя по-человечески, ужасною кажется эта кончина, но нет ничего напрасного в путях Промысла Божия, и мы глубоко верим... что эта мученическая кончина владыки Владимира была не только очищением вольных и невольных грехов его, которые неизбежны у каждого, плоть носящего, но и жертвою благовонною во очищение грехов великой матушки России», – сказал святой Патриарх Тихон о священномученике митрополите Владимире и о всех будущих священномучениках и мучениках земли Российской, которым должно было явиться вослед за этой первой жертвой.

Через четыре года, вслед за митрополитом Владимиром мученичеством завершил свой жизненный путь святитель Петербургской епархии – митрополит Вениамин (Казанский). Он помышлял о мученичестве еще в детстве. И это было так глубоко и сердечно, что Господь исполнил желание того, кто возлюбил Его и всей жизнью своей Господу отдал свое сердце. «В детстве и отрочестве я зачитывался житиями святых, – писал о себе владыка Вениамин, – восхищался их героизмом... жалея, что времена не те и не придется пережить то, что они переживали».

Небывалая разруха и голод охватили страну в 1921 году. С ними начались и гонения на Церковь, которые проводились якобы с целью изъятия церковных ценностей. Владыка Вениамин, являя пример высокой христианской любви, благословил передачу ценностей, не имеющих богослужебного употребления, на нужды бедствующих. «Мы все отдадим сами», – говорил он. Но изъятие было не основной целью власть предержащих. Им нужно было устроить показательный судебный процесс над духовенством, обвинив его в заговоре.

Взятый в заточение по этому сфабрикованному делу, владыка митрополит особенно страдал за тех, кто был судим вместе с ним. Страдал от клеветы

беззаконных судей и от лукавства лжебратьев – новоявленных «иуд» – обновленцев, предающих истину – Церковь.

Напрасно любящая владыку паства ходатайствовала за него, напрасны были и его духовная мудрость, и разум, изобличавшие всякие клеветы на подсудимых. Приговор – «повинен смерти» – ничто не могло изменить. И, ожидая исполнения своей участи, митрополит Вениамин оставляет своим ученикам и сопастырям заповедь – бессмертные слова возвышенной силы. «Тяжело страдать, но по мере наших страданий избыточествует и утешение от Бога. Трудно переступить этот рубикон, границу, всецело предаться воле Божией. Когда это совершится, тогда человек избыточествует утешением, не чувствует самых тяжелых страданий». «Страдания достигли своего апогея, но увеличилось и утешение, – пишет он. – Я радостен и покоен... Христос – наша жизнь, свет и покой. С Ним всегда и везде хорошо. За судьбу Церкви Божией я не боюсь. Веры надо больше, больше ее надо иметь нам, пастырям. Забыть свою самонадеянность, ум, ученость и дать место благодати Божией».

На суде в своем последнем слове владыка Вениамин сказал: «Я не знаю, что вы мне объявите в вашем приговоре – жизнь или смерть, но, что бы вы в нем ни провозгласили, я с одинаковым благоговением обращу свои очи горе, возложу на себя крестное знамение и скажу: «Слава Тебе, Господи Боже, за все».

Незадолго до исполнения приговора близкие получили митрополичий клубок владыки Вениамина, и на доньшке его с внутренней стороны было написано: «Я возвращаю мой белый клубок незапятнанным». По достоверным сведениям владыка митрополит шел на смерть спокойно, тихо шепча молитву и крестясь.

Участь владыки разделили и миряне, активные участники в церковной жизни: мученики Юрий и Иоанн, а также священномученик архимандрит Сергей. Архимандрит Сергей, обращаясь к суду, в последнем слове сказал, что монах очень тонкой нитью связан с жизнью. Его удел – богомыслие и молитва, и разрыв этой нити для монаха не страшен. «Делайте свое дело. Я жалею вас и

молюсь о вас...» Последними словами его перед смертью были слова молитвы: «Прости им, Боже, не ведают бо, что творят».

«Господи, прости им, не знают, что делают!» – была и последняя молитва Великой княгини Елисаветы перед тем, как черная бездна заброшенной шахты поглотила ее. Она шла к этой зияющей бездне сознательно, категорически отказавшись выехать из России, когда начались беззакония. Она шла за Христом, и ее душевным очам оттуда, из бездны, был свет Воскресения.

Что привело ее, аристократку, чужестранку в далекий уральский город Алапаевск, ставший для нее Голгофой? Что отдало в руки неведомых, демонической злобой одержимых людей? Жизненные пути их никогда не могли ранее соприкоснуться. Она видела этих людей первый и последний раз в жизни. Она встретила с ними только для того, чтобы они исполнили над ней приговор неведомо где состоявшегося суда. Но это по человеческому суждению. А как по-Божиему? А по-Божиему это был суд человеческий – «за Бога» или «против Бога». И Великая княгиня Елисавета, бывшая протестантка, принявшая Православие на своей новой Родине, в России, и возлюбившая Православную Церковь и Россию «даже до смерти», ответила злу. Какой бы приговор не вынесло ей разнузданное, обезумевшее зло, она примет его как приговор свыше, как ниспосланную ей возможность делом подтвердить то, что составляло смысл и содержание ее жизни.

Любовь к Богу и любовь к людям была истинно смыслом ее жизни, и она привела Великую княгиню на крест. И ее крест вырос и преложился в Крест Христов и стал ее наслаждением.

Великая княгиня потеряла супруга, погибшего от злонамеренной руки террориста. Своими руками она собирает то, что осталось от любимого ею человека, и, неся в сердце боль страшной утраты, идет в темницу к преступнику с Евангелием, чтобы простить его и привести ко Христу с раскаянием.

Вся дальнейшая ее жизнь в России стала делом милосердия в служении Богу и людям. Великая княгиня собрала сестричество, устроив Марфо-Мариинскую обитель и служа по примеру двух евангельских сестер всем обездоленным и скорбящим. Она вложила в это дело все свои средства, отдала все

без остатка, и сама отдалась вся до конца. Ее любовь к людям возвращалась к ней ответной любовью людей.

Инокня Варвара, бывшая при Великой княгине-матушке во дни ее трудов, не пожелала оставить ее и в последнем подвиге – умирания. И она восхитила мученический венец своим самоотречением и самоотдачей.

В тяжелые мятежные дни 17-го года, когда рушились устои былой России, когда готовились в лице Государя убить русскую государственность, когда все святое подвергалось поруганию, а святыни Кремля – обстрелу, Великая княгиня Елисавета писала, что именно в этот трагический момент она почувствовала, до какой степени «Православная Церковь является настоящей Церковью Господней. Я испытала такую глубокую жалость к России и к ее детям, – пишет она, – которые в настоящее время не знают, что творят. Разве это не больной ребенок... Хотелось бы понести его страдания, научить его терпению, помочь ему... Святая Россия не может погибнуть. Но Великой России, увы, больше нет». «Полностью разрушена Великая Россия, бесстрашная и безукоризненная».

И из разрухи и пепелища России, из болей целого народа, из бесчисленных ее смертей звучит глас святой жертвы, утверждающий жизнь: «Святая Россия и Православная Церковь, которую «врата ада не одолеют», – существует, и существует более, чем когда бы то ни было». Эти слова были написаны ею в преддверии могилы. «Я... уверена, – продолжает Великая княгиня, – что Господь, Который наказывает, есть тот же Господь, Который и любит». Вот мера ее духовного возраста, вот мера ее истощания. Она уже сама добровольно стала жертвой, и Господь принял ее жертву за Россию, которую она так любила.

И ни единой бы власти не имели над ней эти, невесть откуда появившиеся на ее жизненном пути люди-палачи, если бы не было дано им свыше.

Всех, кто был с Великой княгиней Елисаветой, побросали в шахту живыми, кроме одного, оказавшего сопротивление. Они умерли не сразу. Еще долго слышали местные жители Херувимскую песнь, пробивающуюся из-под земли. А Великая княгиня и там, в этой их братской могиле, продолжала делать дело

Божие – голова одного из тех, кто был с ней, перевязана была ее апостольником.

Когда через три месяца после смерти мучеников нашли место их упокоения, то увидели, что Великая княгиня лежала на бревенчатом выступе на глубине пятнадцати метров, с образом Спасителя на груди, который был благословлен ей в день присоединения ее к Православию. Праведники во веки живут!

И русские новомученики – это те, ожидаемые Вселенской Церковью жертвы, кои дополнили число убиенных за Слово Божие. И кто знает, сколько еще продлится то «малое» апокалипсическое время, в кое созревает земная Церковь до Суда Божия, который отмстит живущим на земле за кровь праведников?

«Новые стратотерпцы Российскойсии, исповеднически поприще земное претекшии, страданьми дерзновение приимшии, молитесь Христу, вас укрепившему, да и мы, егда найдет на ны испытания час, мужества дар Божий восприимем. Образ бо есте лобызающим подвиг ваш, яко ни скорбь, ни теснота, ни смерть от любве Божия разлучити вас не возмогша».

А мы, взирая на сияние славы сих Российских мучеников с надеждой на возрождение нашей Церкви, нашей Родины – многострадальной России, – из глубины своих верующих сердец взываем ныне:

«Святити новомученики и исповедники Российскойсии, молитесь Бога о нас!»
Аминь.

31 января (13 февраля) 1994 года

Источник: *ЗАВЕТ.RU – Православное чтение: Информационно-просветительский проект* // <http://www.zavet.ru/kalendar/novm/003krest.htm>

**Память святых новомучеников и исповедников
Российских**

Дорогие отцы, братья, сёстры и дети!

Сегодня мы празднуем память святых новомучеников и исповедников Российских. Этот день знаменателен для нас по нескольким причинам. <...>

...Святые новомученики и исповедники Российские показали нам пример личного мужества и терпеливого несения своего креста.

Путь следования за Христом – это всегда путь несения креста. Путь к Пасхе всегда лежит через Голгофу. Этим путём прошёл Христос; этот путь избрали первые христиане, по нему следовали святые, поколения за поколениями.

Святые новомученики и исповедники явились не только воплощением всего сокровища христианской традиции, но и достойными подражателями именно первым христианам. Вспомним, что первым подвигом зарождающейся Церкви было не святительство, не иночество, не высота богословской мысли, а мученичество и исповедничество. Именно первые мученики и исповедники заложили тот фундамент, на котором расцвело плодовитое древо Христовой Церкви. И именно с этим камнем веры, с этой апостольской закваской и соединяют нас святые новомученики и новые исповедники Российские.

Путь Христовой веры – это всегда путь несения креста. Этот спасительный путь указан нам Самим Господом, и если бы другой путь приводил в жизнь вечную, то Господь, несомненно, указал бы его нам. Путь следования за Христом, путь подражания Христу – это путь безропотного смирения, путь радостного принятия скорбей, путь несения не только своих, но и чужих тягот, путь, ведущий ко Кресту, путь, ведущий в вечную Пасху.

Когда в следующий раз нам покажется, что данный нам крест превышает наших сил, когда не только стяжание христианских добродетелей, но и обычное посещение богослужений и соблюдение установленных Церковью постов по-

кажется нам бременем неудобноносимым, обратимся с горячей молитвой о помощи ко Господу и к новым мученикам и исповедникам Российским, которые не только день или час, но всю жизнь свою отдали Христу.

Сотни тысяч людей по всей бывшей Российской Империи пострадали за веру и тем доказали свою верность. Во многих городах и сёлах России храмы сейчас восстанавливаются на местах казни, на крови новомучеников. Вот лишь один из самых страшных примеров. На Бутовском полигоне НКВД в 1930-1950-е годы были расстреляны десятки тысяч человек. Только в 1937-38 годах за 15 месяцев были расстреляны 20,765 человек. Как показало изучение следственных дел, из них около 1,000 человек пострадали за Христа и верность Его Церкви. Место, где не так давно не переставая звучали выстрелы и предсмертные стоны несметного числа расстреливаемых людей, сейчас стало местом церковной молитвы. Как в первые века христианства богослужения совершались на гробницах мучеников, так и сейчас Бутовский полигон стал местом принесения Бескровной Жертвы.

15 мая 2004 года Патриарх Московский и всея Руси Алексий II и Первоиерарх Русской Зарубежной Церкви Митрополит Лавр заложили храм в честь святых новомучеников и исповедников Российских на Бутовском полигоне. 20 мая этого года оба иерарха совершат освящение построенного храма. За каждым богослужением там будет возноситься молитва ко святым новомученикам и исповедникам Российским...

Вспомним же «всех в Бутове и в иных местах в годину лютых гонений за веру Христову пострадавших», почтим их память своей богоугодной жизнью, принесём им в дар дела милосердия и любви.

Вечная память!

Святые новомученики и исповедники Российские, молитесь Бога о нас!

*Храм новомучеников и исповедников Российских,
Мулайно, штат Орегон, США, Западно-Американская епархия РПЦЗ. 2007 год*

Источник: <http://osergii.wordpress.com/2011/02/04/>

**Память святых новомучеников и исповедников
Российских**

Во Имя Отца, и Сына, и Святого Духа!

Дорогие во Христе отцы, братья, сестры и дети!

Сегодня мы празднуем память святых новомучеников и исповедников Российских... Их память дорога нам по многим причинам, некоторые из которых касаются только нас лично, другие же – всю полноту Русской Церкви.

С древних времен христианская Церковь укреплялась примерами непоколебимой веры святых мучеников. Эти примеры, передаваемые из поколения в поколение, питали Святую Церковь и придавали Ей силы. Со времен апостольских христиане собирались у мощей святых мучеников, празднуя их память и, взирая на их стояние в вере несмотря на мучения и гонения, укреплялись в своей вере.

Несомненно, новомученики и исповедники Российской Церкви вдохновлялись примерами святых древних мучеников в то время, когда они сами подвергались жестоким пыткам, гонениям и ссылкам со стороны безбожного советского режима. Бесчисленные верные – князья и крестьяне, профессора и неграмотные, богатые и бедные, священнослужители и миряне, мужчины, жены и дети – соединенные памятью святых христианских мучеников и их заступничеством, смогли победить жестоких мучителей своим непоколебимым стоянием в Христовой вере.

Человеческая история всегда повторяется не только в своих худших проявлениях, но и в лучших. В наше время мы, духовные, а часто и прямые, потомки бесчисленных новомучеников и исповедников Российской Церкви, соединенные их памятью и заступничеством, стали свидетелями великого чуда Божия – восстановления единства Русской Церкви после восьмидесяти лет разрозненности. <...>

Будем же всегда держать святой пример новомучеников перед нашим взором и следовать ему в нашей жизни. Обратимся к Тому, Кто подал им силу и вкусим бессмертного источника. Продолжая нашу жизнь, отдавая Богу то пять, то десять минут в день, то два-три часа в неделю, будем помнить тех, кто отдал Богу всё: и жизнь, и земную кончину. Будем же молить Бога заступничеством святых новомучеников и исповедников Российских подать нам силы прожить нашу жизнь так, как они прожили свои святые жизни – в непоколебимой вере Христовой и в служении Его Святой Церкви.

Аминь!

Храм новомучеников и исповедников Российских,

Мулайно, штат Орегон, США,

Западно-Американская епархия РПЦЗ.

2008 год

Источник: <http://osergii.wordpress.com/2011/02/04/>

**Память святых новомучеников и исповедников
Российских**

Во имя Отца, и Сына, и Святаго Духа!

Возлюбленные во Христе братья, сестры и дети!

Сегодня мы с вами сподобились быть соучастниками и сопричастниками в Божественной Литургии – великом Таинстве Тела и Крови Спасителя нашего Господа Иисуса Христа. Этот день тем более знаменателен, что сегодня мы празднуем наш престольный праздник – память святых новомучеников и исповедников Российских. С самых ранних времён Церкви Христовой христиане собираются в дни памяти мучеников для преломления хлеба – соучастия в священной Евхаристии; и нас с вами сегодня Господь сподобил сего великого дара.

Наш маленький храм, спрятанный среди деревьев в оregonовской глуши на краю Североамериканского континента, стал первым в мире храмом, освященным в честь святых новомучеников Российских. Сегодня, двадцать восемь лет спустя, память святых новомучеников совершается во множестве посвящённых им храмах от Орегона до Нью-Йорка и от Москвы до Новосибирска. Скажу больше: память святых новомучеников Российских стала основанием и знаменем восстановления и исцеления Русской Православной Церкви.

Почему же нам так дорога память святых новомучеников? Чем же они так угодили Богу, что мы воспеваем их жития, как истинный пример христианского подвига для назидания верных? Вовсе не потому мы почитаем святых новомучеников, что они страдали. Все страдают, и мы тоже страдаем. Страдаем, потому что не так сложилась жизнь, как нам бы того хотелось, мучаемся, оттого что нас мало ценят, терзаемся своими собственными страстями или бодем от того вреда, который мы сами себе причиняем своим телесным или душевным невоздержанием. А как страдали Ромео и Джульетта! «Нет повести печальнее на све-

те...» Часто мы страдаем оттого, что наши жизненные обстоятельства действительно тяжелы; и тогда мы сетуем на свою долю и спрашиваем Бога: «За что?» И вовсе не потому мы почитаем святых новомучеников, что они погибли. Мы тоже погибаем. Погибаем в войнах, авариях и катастрофах, иногда сами себя убиваем различными вредными привычками и зависимостями, умираем от болезней. Если повезёт, то тихо умираем от старости в окружении родных и близких.

Но святые новомученики Российские жили *для Христа* и страдали и умирали *за Христа*. Только такая жизнь, такие страдания и такая смерть достойны почитания и подражания; потому что только такая жизнь ведёт к вечности с Богом, только такие страдания очищают душу от греховной скверны, и только такая смерть есть славное успение в радостном ожидании воскресения. Будучи образом Божиим, святые становятся подобием Божиим, отдавая Ему свою жизнь и свою смерть: *«Я сораспялся Христу, и уже не я живу, но живет во мне Христос» (Гал. 2:19-20)*. Христос отдал Себя в жертву нам; и для того, чтобы мы стали истинными сопричастниками Ему в Божественной Литургии – стали Его Телом, мы должны отдать себя в жертву Ему: *«умоляю вас, братия, милосердием Божиим, представьте тела ваши в жертву живую, святую, благогодную Богу» (Рим. 12:1)*.

Тяжела жизнь, но к тому же и бессмысленна, если она прожита не для Бога; тяжелы страдания и болезни, но и они бессмысленны и пусты, если они терпят не за Христа; страшна смерть, но потому и страшна она, пуста и бессмысленна – «лишь мясо в яму» (Борис Чичибабин), если эта смерть не за Христа. Живёшь – живи для Бога, исполняй волю Его и храни заповеди Его, спеши творить добро, как Он творил. Страдаешь и болеешь – отдай Ему всё; и Он страдал, и Ему было больно. В покаянии благодари Бога за всё и проси у Него терпения, чтобы и твой крест стал бы крестом разбойника благоразумного, а не безумного (*см. Лк. 23:39-43*). Умираешь – не цепляйся за смерть, отдай и её Христу, чтобы и она стала для тебя приобретением (*Филип. 1:21*) – не пропастью, поглощающей пустоту бессмысленно растраченного времени, а царскими вратами, ведущими к вечной жизни с Богом.

В Литургии нельзя быть потребителем. Евхаристия есть жертва, и участие в ней может быть только жертвенное. Спаситель приносит Себя в жертву нам, но если мы – Его Тело, то жертвой вместе с Ним должны стать и мы. В одной из самых таинственных молитв Божественной Литургии мы просим Бога ниспослать Духа Своего Святого «на нас и на подлежащие Дары» – хлеб и вино. В первую очередь на нас... На Литургии нельзя присутствовать, её нельзя смотреть или слушать – в ней нужно быть. И вот это бытие, эта жертвенная жизнь, как евхаристическое приношение Богу, и священная Евхаристия, как истинная жизнь – это и есть подвиг святых новомучеников Российских, та слава, которой в прославлении святых украшается Церковь Христова, и то правило жизни, тот канон, на который в канонизации святых Церковь указывает своим чадам.

Молитвенным заступничеством святых новомучеников и исповедников Российских, да станем и мы достойными сопричастниками на Божественной трапезе в невечернем дне Христова царствия!

Аминь!

Храм новомучеников и исповедников Российских,

Мулайно, штат Орегон, США,

Западно-Американская епархия РПЦЗ.

2010 год

Источник: <http://osergii.wordpress.com/2011/02/04/>

Собор

СВЯТЫХ НОВОМУЧЕНИКОВ И ИСПОВЕДНИКОВ РОССИЙСКИХ

Братья и сестры, Святая Церковь вспоминает сегодня всех новомучеников и исповедников земли Российской. Эти люди до положения живота своего сохранили верность Господу, сохранили верность Святой Христовой Православной Церкви, сохранили верность тем обетам, которые они дали при совершении над ними таинства Крещения. Они сохранили верность самим себе и окружающим их людям. Это для нас назидательнейший и полезнейший урок. Вспомним, какие страшные были те годы, когда брат предавал брата, когда сын отрекался от отца. Мы помним, когда в газетных статьях и на экранах телевизоров, а телевидение тогда только зарождалось, были не редкостью «разоблачительные» процессы, где дети отрекались от своих отцов-священников, от верующих матерей. «Страха ради иудейского» многие боялись открыто исповедовать свою веру. Не безопасно было даже хранить дома Библию. Только за ее хранение человека сажали на пять лет. Все лагеря и тюрьмы были переполнены верующими людьми. Миллионы были безжалостно уничтожены: расстреляны, заморожены, утоплены, замучены. И, несмотря ни на что, весь сонм новомучеников и Российских, и Казахстанских, который сегодня так торжественно прославляет наша Церковь, явился свидетелем того, что человек не оставляется Богом ни при каких обстоятельствах. Господь всегда остается с верным чадом Своим, Господь всегда любит человека, если даже он является грешным. Как в притче о блудном сыне: отец продолжал любить своего сына, несмотря на то, что сын его предал.

Конечно, не просто было выстоять в ту страшную годину лихолетья, не просто было свидетельствовать о Христе, когда все вокруг или отрекались от Него устами, или отрекались от Него своим молчанием. Ведь молчанием тоже можно отречься от Бога. И каждый из нас, братья и сестры, всматриваясь в об-

разы новомучеников, должен не только поучиться их вере, терпению, любви к Богу, но и молиться им о том, чтобы их заступничеством и предстательством Господь сподобил нас никогда не отречься от Него. Хотя сейчас, слава Богу, нет того коммунистического плена, в котором мы недавно пребывали, но разве мы не продолжаем пребывать в плену, правда, в другом, – в плену вседозволенности и соблазна? Посмотрите, что сегодня происходит на наших глазах: сколько пропаганды насилия, ненависти, разврата, других смертных грехов в средствах массовой информации и по телевидению. Шикарная реклама сигарет, спиртного, да и гораздо более вредного и порочного, навязывается человеку подчас помимо его воли. А что делается в учебных заведениях? Нашим детям не говорят, что блуд – это смертный грех, и для того, чтобы не заболеть СПИДом, надо жить в воздержании. Их пытаются «предохранять» другим способом! Как это страшно – происходит растление наших детей!

Все мы находимся в страшном плену. Вчера мы слышали покаянный 136-й псалом плача «На реках Вавилонских...». Вот и мы так же находимся на этих Вавилонских реках, в плену греха. И, дай Бог, чтобы все мы принесли Господу искреннее, чистосердечное покаяние, без которого невозможно разорвать сковывающие нас цепи греха. И чтобы не только мы, но и народ наш, и Отечество наше также принесло Богу покаяние. Но этого, к сожалению, на сегодня еще нет. И это – беда наша и нашего Отечества. Вероятно, как говорят святые отцы, близок приход антихриста, потому что человек все уже сделал для того, чтобы ускорить этот приход. Вот о чем всем нам сегодня вновь и вновь напоминает Святая Церковь. Дай Бог, чтобы молитвами святых новомучеников Господь сподобил нас достойно нести свое христианское звание в этом мире и ни при каких обстоятельствах, никогда не покидать дома своего Небесного Отца – Церковь Христову Православную. И, если Господь сподобит нас дожить до страшных времен пришествия антихриста, дай Бог, чтобы, как говорил Апостол, *«ни смерть, ни жизнь, ни Ангелы, ни Начала, ни Силы, ни настоящее, ни будущее, ни высота, ни глубина, ни какая другая тварь не смогли отлучить нас от любви Божией во Христе Иисусе, Господе нашем (Рим. 8; 38,39)»*.

Аминь.

Святые новомученики и исповедники, молитесь Бога о нас!

Свято-Никольский собор,

г. Алматы, Казахстан.

2001 год

Источник: <http://www.zavet.ru/kalendar/novm/005zaharov.htm>

**Праздник Всех святых,
в земле Российской просиявших**

Праздник Всех святых, в земле Российской просиявших мы отмечаем ежегодно, но начиная с 2000 года – это особый день. Впервые Собор Русских святых пополнился великим сонмом Новомучеников и Исповедников.

Последний век попытался перечеркнуть все, что было создано за прошедшее 1000-летие в области духовного просвещения, нравственности, культуры. Была объявлена война и русской святости - уничтожались храмы, иконы, осквернялись и самые святые мощи угодников Божиих. Но Господь победил мир, укрепил Свою Святую Церковь. Он дал силу и крепость нашим соотечественникам выдержать гонения, которые сопоставимы с гонениями первых веков Христианства. В нашей Родине – святой Руси – в XX веке свершился великий мученический подвиг.

И вот в 2000 году – за один год – было прославлено святых больше, чем за 1000 лет Христианства на Руси. Как же пополнилась великая рать наших святых?

До этого времени среди русских святых больше всего было преподобных. Сейчас же среди наших небесных заступников большинство составляют мученики.

Были святые правители Руси, благоверные князья, начиная со святого Владимира Крестителя – и этот лик увенчан ныне святым царем Николаем, Царственными страстотерпцами Александрой, Ольгой, Татьяной, Марией, Анастасией и Алексием.

Много было у нас святителей – святых епископов, митрополитов – и это созвездие многократно умножилось новыми светильниками, которые, будучи преемниками апостолов, как все апостолы Христовы, приняли смерть за Христа. Апостолы по всему миру возвещали Евангельские заповеди, среди которых

самая удивительная: «*Возлюби врагов своих*», и наши новомученики на деле исполнили эти заповеди. Вознесем сегодня свои молитвы священномученику Иллариону, который возлежит ныне своими святыми мощами в Сретенском монастыре. Когда он находился в заключении в Соловецком лагере, он спас от смерти в льдинах своего мучителя, сам с братьями рискуя жизнью.

Славилась земля Русская своими преподобными – великими старцами и молитвенниками за православный народ - и прошедшее гонение самым своим острием было направлено против монастырей и монахов, как наиболее ярких символах церковности. Помолимся дивному старцу, преемнику преподобного Сергия, наместнику Троице-Сергиевой лавры преподобномученику Крониду, расстрелянному на Бутовском полигоне.

Среди святых священников наших, в основном, были монашествующие. Кроме них мы молились святому праведному отцу Иоанну Кронштадтскому. А теперь святые священники составляют половину всех новомучеников – из 1200 новых святых около 600 – священники (580, 167 протоиереев, 413 иереев). И это примечательно, т.к. «белое духовенство» составляет большинство среди пастырей. Сколько клеветы на Церковь и ее служителей было излито в годы, предшествующие великим потрясениям XX века?! Так называемая «прогрессивная пресса» начала века не стеснялась обвинять русских священников в невежестве и различных пороках, всячески подрывая авторитет священнослужителей. Это делалось для того, чтобы оторвать народ Божий от духовенства, чтобы увести людей из спасительной ограды Церкви. Но вот грянули страшные годы, и наши батюшки кровью своей утвердили право называться *«пастырями добрыми, полагающими душу (то есть жизнь) свою за овец»*.

Воистину добрым пастырем был святой праведный отец Алексей (Мечев). Возвещаем вам благую весть – этой ночью обретены его святые мощи. Сын Алексея Мечева – отец Сергей продолжил великое дело своего отца. Община храма святителя Николая на Маросейке в трудные годы жесточайших гонений явилась образцом стояния в православной вере. Священномученик Сергей отдал много сил для окормления православной молодежи, которая была собрана в этой общине. Многие из питомцев святых батюшек стали священника-

ми, уставщиками, певчими, сохранили живую связь со своими духовными отцами даже после их телесной смерти. Свет Христов, который был зажжен в них, мечевцы сумели донести до нашего поколения.

Но наши новомученики не только увеличили число святых угодников Божиих, Собор святых был также расширен новыми служениями. Явились святые старосты, продавцы свечей, церковной утвари, псаломщики и певчие, члены Приходских советов. Помолимся святой духовной писательнице, мученице Анне Московской (по фамилии Зерцалова), которая была расстреляна в Бутово за то, что печатала на пишущей машинке свои воспоминания о духовном отце, замечательном, всеми почитаемом батюшке, отце Валентине Амфитеатрове.

Среди духовных писателей возвеличим и самого составителя сегодняшней Божественной службы Всем святым, в земле Российской просиявшим – священноисповедника Афанасия, епископа Ковровского (Сахарова). Работа по составлению этой службы была поручена ему на Поместном Соборе Русской Православной Церкви 1917-18 годов. И это послушание святитель исполнял всю свою жизнь. Из 33-х лет епископского служения 29 он провел в тюрьмах, лагерях и ссылке, но даже в этих условиях он не оставлял своего труда.

Нет выше подвига, чем подвиг мученический! Почему он ценится так высоко? Спаситель заповедовал нам любить друг друга, как Он возлюбил нас. *«Больши сея любве никто же имать, да кто душу положит за други своя»* (Ин. 15, 13). И Сам Господь, по словам апостола Павла, *«смирил Себя, быв послушным даже до смерти, и смерти крестныя»* (Флп. 2, 8). Наши святые новомученики своим Хриstopодражательным подвигом значительно укрепили корень нашего Отечества (корнем же назвал святых старец Иоанн Крестьянкин).

И мы с вами, возлюбленные братья и сестры, должны прививаться к этому святому корню. Если мы собрались сегодня почтить их память, то должны помнить наставления святителя Иоанна Златоустого, сказавшего, что почитание святых состоит в подражании им.

Как они возлюбили Господа! И мы с вами призываемся к проявлению нашей любви к Богу. В первую очередь нам необходимо ежедневно совершать утренние и вечерние молитвы, посещать церковные службы, соблюдать запове-

ди Божии. Нам нужно больше читать книг с житиями наших новых святых. Молитесь им, называйте своих детей и внуков их именами. И если мы сравним нашу Родину с деревом, тогда мы будем иметь надежду, что крона этого дерева будет пышно зеленеть. Возродится святая Русь. Молитвами святых сродников наших спасет и помилует всех нас Господь.

Аминь.

Патриарший кафедральный Богоявленский собор.

17 июня 2001 года

Источник: http://www.st-nikolas.orthodoxy.ru/newmartyres/all_russk_word.html

Собор Новомучеников и Исповедников Российских

Возлюбленные братья и сестры! Сегодня Святая Церковь светло празднует собор Новомучеников и Исповедников российских, пострадавших от безбожного гонения в XX веке. В этот день мы должны прислушаться, к чему они призывают, посмотреть, какой они дают пример.

Каждый святой имеет особую благодать помогать в тех наших жизненных обстоятельствах, с которыми он сам сталкивался в своем житии, а время Новомучеников так близко к нам! Посмотрим на историю России. В течение последних 300 лет это сплошные испытания, постоянные искушения. Начиная со времени царствования Петра I до начала Первой Мировой Войны население России выросло более, чем в 10 раз, но в то же время число православных храмов увеличилось лишь в 4 раза, причем на царствование двух последних российских Царей приходится половина этого прироста. Если же мы посмотрим на положение монашества, этой души Церкви, то увидим ошеломляющие цифры. В 1701 году было 1200 монастырей, ко 2 половине XVIII в. – только 380, и лишь к концу царствования Царя-Мученика это число почти восстановилось (1025). Число монахов с 25 тыс. снизилось до 6 тыс., но при последнем Императоре в России было уже 95 тыс. монашествующих. Обратите внимание: это похоже на то, что мы видим сейчас – та же картина большого роста числа храмов и монастырей после гонений. Но это внешний рост, который еще не вполне достигает необходимой внутренней глубины. Мы еще далеки от той духовной высоты, на которой стояли наши предки.

Но, к сожалению, время возрождения России в начале XX века и в наши дни имеет еще одно сходство: сейчас, как и тогда, наряду с отрадным явлением возрождения духовности, развивается так называемая «свобода», но это свобода для греха. Сейчас мы столкнулись с массивной пропагандой насилия и разврата. То же было и в начале того века, когда даже открывались такие заве-

дения, дома, «о которых срамно есть и глаголати». И тогда средства массовой информации шли в наступление против Церкви, против законной власти, используя деньги врагов России, в том числе воюющих с Россией Германии и Японии. Сейчас мы не знаем, на чьи деньги, но приемы у СМИ те же. Клевета на Церковь, священство и власть. Эти аналогии подводят нас к страшным прогнозам, как бы не повторились такие же гонения.

И тогда распространялось пьянство, курение, карточные и другие азартные игры, различный оккультизм, спиритизм, теософия. И тогда деньги повсюду начинали становиться во главе всех ценностей. Эти страшные явления духовной деградации затрагивали в том числе и Церковь. Например, когда весь день и всю ночь шло прощание с находившимся в храме телом Пушкина, тогда после похорон весь пол в храме был усеян окурками. В этих условиях борьбы возрождения и разложения, борьбы святости и соблазна наши новомученики явили пример личной победы над этими грехами. Если бы не так, если бы они сами были подвержены этим грехам, тогда Господь не сподобил бы их пролить за Себя кровь и не венчал бы их мученическим венцом. Изучая жития каждого из Новомучеников, а так же биографии тех людей, которые враждовали с ними, снова и снова убеждаешься в этом. В ком была слабинка, тот предал Церковь, Царя, Отечество, стал сотрудничать с большевиками, ушел в обновленческий и другие расколы.

Новомученики явили нам пример великой любви, любви к Богу и к людям.

Как они любили Господа? Это выражалось в первую очередь в молитве, в церковных службах. Мы вас постоянно призываем совершать утренние и вечерние молитвы. Но сможете ли вы прочесть все эти молитвы от начала и до конца без книги, на память? А если нам придется попасть в тюрьму и не будет книг? Вы отвечаете мне, что будем читать Иисусову молитву. Это, конечно, выход. Но наши Новомученики знали наизусть не только ежедневное правило, но совершали по памяти все церковные службы: вечерню, утреню и даже Божественную Литургию. Вы видите, что мы совершаем Литургию на Престоле. В условиях же лагеря бывало: один из страдальцев ложился, и Литургия соверша-

лась на его груди, как на живых мученических мощах. Сможете ли вы молиться, зная, что завтра расстрел? Они же молились и в самое время, когда их расстреливали. И отец с сыновьями говорил: *«Расстреляйте сыновей на моих глазах, что бы я помолился о них, а потом меня»* (прот. Философ Орнатский). Мы должны взять с них пример, и так напитать молитвословиями свою душу, чтобы уметь молиться в любых условиях.

Новомученики явили нам и великий пример любви к людям. Возлюби ближнего, как самого себя, глаголет Господь, а мы привычно вопрошаем: «и кто есть ближний мой». Ближними для Новомучеников оказались уголовники, и среди них самые отъявленные. Лагерное начальство умышленно помещало верующих среди самых отбросов воровского мира. К пыткам охраны прибавлялись изощренные побои и издевательства этих, казалось бы, совсем потерявших образ Божий людей. Но именно в этих условиях они молились и совершали эти службы Богу по памяти. И происходило самое великое чудо, которое только возможно на этой земле – чудо преображения человеческих душ. Когда эти вчерашние мучители начинали любить заключенных батюшек или епископов, заботиться о них, подкармливать. Особенно страшной была жизнь матушек-монахинь, попавших в такие условия. Но когда они выходили на свободу, оставшиеся там люди тосковали и плакали.

А мы с вами не то, что врагов, и друзей то любить не можем малой частью той любви.

Лик Новомучеников – это многие тысячи. Причислены к лику святых около полутора тысяч, и это число постоянно растет. Чтобы их страдания не остались тщетными, чтобы их подвиг не пропал даром, мы с вами, малое стадо верных христиан, хотя и грешных, но старающихся посещать церковные службы, исповедоваться, причащаться, должны обязательно воспользоваться этим примером любви. Еще раз призываю вас выучить наизусть утренние и вечерние молитвы. Конечно, мы надеемся, что Господь избавит нас от гонений за веру, как слабосильных, надеемся, что не будем заключены в тюрьму без молитвенника. Но каждому из нас предстоит смертный час. Сего никто не избежит. И в момент, когда уже и «глазки не видят, и ножки не ходят», сможем ли мы мо-

литься или будем думать только о своих болях? Сможем ли мы не капризничать и с благодарностью принимать заботы о нас наших ближних? Сможем ли мы непрестанно возносить Богу – не упреки и сетования – но повторять лишь слова: «*Слава Богу за все!*» – и на самом смертном одре???

Будем же усерднее молиться нашим Новомученикам – и да помогут они нам в самый ответственный момент – при переходе в вечность! И да сподобит нас Господь – как и их!!! – мирной кончины. Да, это поразительный факт – у мучеников кончина была мирной! На мир – вокруг нас – надеяться нечего: мирность эту мы должны иметь внутри нас – как ее имели наши святые и в самый час мученической смерти!

Храм святителя Николая Чудотворца в Бирюлеве.

2004 год

Источник: <http://www.st-nikolas.orthodoxy.ru/history.html>

**Деяния
Юбилейного
Архиерейского Собора
2000 года**

Из материала:
О соборном прославлении
новомучеников и исповедников Российских
XX века

Во имя Отца и Сына и Святаго Духа!

На исходе второго христианского тысячелетия, когда мир празднует Юбилей Боговоплощения, Русская Православная Церковь приносит Христу плод своих голгофских страданий – великий сонм святых мучеников и исповедников Российских XX века.

Тысячу лет назад Древняя Русь приняла учение Христово. С тех пор Русская Православная Церковь просияла подвигами святителей, преподобных и праведных. Эпохой мучеников и исповедников для России явился XX век.

Главой сонма Российских мучеников и исповедников за веру Христову явился святой Патриарх Тихон, который, характеризуя эту эпоху, писал: *«Тяжкое время переживает ныне Святая Православная Церковь Христова в Русской земле: гонение воздвигли на истину Христову явные и тайные враги сей истины и стремятся к тому, чтобы погубить дело Христово... Зовем всех вас, верующих и верных чад Церкви: станьте на защиту оскорбляемой и угнетаемой ныне Святой Матери нашей... А если нужно будет и пострадать за дело Христово, зовем вас, возлюбленные чада Церкви, зовем вас на эти страдания вместе с собою словами святого апостола: "Кто ны разлучит от любви Божия: скорбь ли, или теснота, или гонение, или глад, или нагота, или беда, или меч" (Рим. 8:35)».*

Многие из тех, кто пострадал за веру в XX веке, ревнуя о благочестии, желали жить в то время, когда верность Христу запечатлевалась мученической кровью. *«В детстве и отрочестве, – писал из камеры смертников священномученик Вениамин, митрополит Петроградский, – я зачитывался житиями святых и восхищался их героизмом, их святым воодушевлением, жалел всей душой, что времена не те и не придется переживать, что они переживали.*

Времена переменились, открывается возможность терпеть ради Христа от своих и от чужих. Трудно, тяжело страдать, но по мере наших страданий, избыточествует и утешение от Бога».

«В наши смутные дни явил Господь ряд новых страдальцев... – писал святой Патриарх исповедник Тихон, – если пошлет нам Господь испытание гонений, уз, мучений и даже смерти, будем терпеливо переносить все, веря, что не без воли Божией совершится это с нами и не останется бесплодным подвиг наш, подобно тому, как страдания мучеников христианских покорили мир учению Христову».

Сбылись чаяния исповедника веры святого Патриарха Тихона – на крови мучеников ныне возрождается Русская Православная Церковь. Святая Церковь, от начала возлагающая упование на молитвенное предстательство пред Престолом Господа Славы Его святых угодников, соборным разумом свидетельствует о явлении в ее недрах великого сонма новомучеников и исповедников Российских, в XX веке пострадавших.

Боголюбивая Полнота Русской Православной Церкви благоговейно хранит святую память о жизни, подвигах исповедничества святой веры и мученической кончине иерархов, священнослужителей, монашествующих и мирян, вместе с Царской Семьей засвидетельствовавших во время гонений свою веру, надежду и любовь ко Христу и Его Святой Церкви даже до смерти и оставивших о себе грядущим поколениям христиан свидетельство о том, что *«живем ли – для Господа живем; умираем ли – для Господа умираем» (Рим. 14:8)*. Они были служителями животворящего Духа, явившими духовную силу Церкви в испытаниях недавнего прошлого, и мы не можем предать забвению их подвиг веры, ибо они во всем явили *«себя, как служители Божии, в великом терпении, в бедствиях, в нуждах, в тесных обстоятельствах, под ударами, в темницах, в изгнаниях, в трудах, в бдениях, в постах, в чистоте, в благоразумии, в великодушии, в благости, в Духе Святом, в нелицемерной любви, в слове истины, в силе Божией, с оружием правды в правой и левой руке, в чести и бесчестии, при порицаниях и похвалах» (2 Кор. 6:4-8)*.

Терпя великие скорби, они сохранили в сердце мир Христов, стали светильниками веры для соприкасавшихся с ними людей. Будучи столь стесняемы внешними обстоятельствами, все встречавшиеся испытания они переживали с твердостью и смирением, как это подобает каждому подвижнику и делателю на ниве Христовой, храня в сердце завет святого апостола Петра: *«Возлюбленные! огненного искушения, для испытания вам посылаемого, не чуждайтесь, как приключения для вас странного, но как вы участвуете в Христовых страданиях, радуйтесь, да и в явление славы Его возрадуетесь и восторжествуете. Если злословят вас за имя Христово, то вы блаженны, ибо Дух Славы, Дух Божий почивает на вас»* (1 Пет. 4:12-14).

Прославляя подвиг новомучеников, Русская Православная Церковь уповаet на их предстательство и молится, да пробавит Господь милость Свою на нас и даст всем нашим соотечественникам время на покаяние, зажжет в их сердцах огонь веры, ревность о возрождении Руси Святой, нашего земного Отечества...

Предстательством и молитвами сонма новомучеников и исповедников Российских, предстоящих пред Престолом Божиим и молящихся за наш многострадальный народ, за Русскую Церковь и нашу возлюбленную Отчизну, да укрепит Господь веру православных христиан и ниспошлет нам Свое благословение. Аминь.

АЛЕКСИЙ II, Божией милостью смиренный Патриарх Московский и всея Руси
ЧЛЕНЫ ОСВЯЩЕННОГО АРХИЕРЕЙСКОГО СОБОРА

2000 год

Источник: <http://www.patriarchia.ru/db/document/100048/>

О канонизации Царственных Страстотерпцев

*(Из доклада митрополита Крутицкого и Коломенского Ювеналия,
Председателя Синодальной Комиссии по канонизации святых
на Юбилейном Архиерейском Соборе)*

Определением Архиерейского Собора от 31 марта – 4 апреля 1992 года Синодальной Комиссии по канонизации святых было поручено «при изучении подвигов новомучеников Российских начать исследование материалов, связанных с мученической кончиной Царской Семьи».

Уже на первом заседании комиссия приступила к изучению религиозного, нравственного и государственного аспектов царствования последнего Императора династии Романовых.

Комиссия на основе тщательного рассмотрения обстоятельств гибели Царской Семьи предлагает осуществить ее канонизацию в лике святых страстотерпцев. В богослужебной и житийной литературе Русской Православной Церкви слово «страстотерпец» стало употребляться применительно к тем русским святым, которые, подражая Христу, с терпением переносили физические, нравственные страдания и смерть от рук политических противников.

В истории Русской Церкви такими страстотерпцами были святые благоверные князья Борис и Глеб (+1015), Игорь Черниговский (+1147), Андрей Боголюбский (+1174), Михаил Тверской (+1319), царевич Димитрий (+1591). Все они своим подвигом страстотерпцев явили высокий образец христианской нравственности и терпения.

Церковная политика Императора не вышла за рамки традиционной синодальной системы управления Церковью. Однако, именно в царствование Императора Николая II, дотоле два века официально безмолвствовавшая по вопросу

о созыве Собора церковная иерархия, получила возможность не только широко обсуждать, но и практически подготовить созыв Поместного Собора.

Император уделял большое внимание нуждам Православной Церкви, щедро жертвовал на постройку новых храмов. За годы его царствования число приходских церквей в России увеличилось более чем на 10 тысяч, открыто более 250 монастырей. Император лично участвовал в закладке храмов и других церковных торжествах.

Глубокая религиозность выделяли Императорскую чету среди представителей тогдашней аристократии. Обязательные посещения богослужений в воскресные и праздничные дни, говенье во время постов было неотъемлемой частью их быта. Личная религиозность Государя и его супруги была не простым следованием традициям. Царская чета посещает храмы и монастыри во время своих поездок, поклоняется чудотворным иконам и мощам святых, совершает паломничества.

Личное благочестие Государя проявилось в том, что за годы его царствования было канонизировано святых больше, чем за два предшествующих столетия, когда было прославлено лишь 5 святых угодников. За время последнего царствования к лику святых были причислены святитель Феодосий Черниговский (1896 г.), преподобный Серафим Саровский (1903 г.), святая княгиня Анна Кашинская (восстановление почитания в 1909 г.), святитель Иоасаф Белгородский (1911 г.), святитель Гермоген Московский (1913 г.), святитель Питирим Тамбовский (1914 г.), святитель Иоанн Гобольский (1916 г.).

Как политик и государственный деятель Государь поступал, исходя из своих религиозно-нравственных принципов. Одним из наиболее распространенных аргументов против канонизации Императора Николая II являются события 9 января 1905 года в Санкт-Петербурге. В исторической справке Комиссии по данному вопросу указывается: ознакомившись вечером 8 января с содержанием гапоновской петиции, носившей характер революционного ультиматума, не позволявшей вступить в конструктивные переговоры с представителями рабочих, Государь проигнорировал этот документ, незаконный по форме и подрывающий престиж без того колеблемой в условиях войны государствен-

ной власти. Приказ войскам об открытии огня отдал не Император, а Командующий Санкт-Петербургским военным округом. Исторические данные не позволяют обнаружить в действиях Государя в январские дни 1905 года сознательной злой воли, обращенной против народа и воплощенной в конкретных греховных решениях и поступках.

Оценки Николая II как государственного мужа крайне противоречивы. Но следует отметить, что Николай II относился к несению обязанностей монарха как к священному долгу.

Духовные мотивы, по которым последний российский Государь, не желавший проливать кровь подданных, решил отречься от Престола во имя внутреннего мира в России, придает его поступку подлинно нравственный характер. Не случайно, при обсуждении в июле 1918 года на Соборном Совете Поместного Собора вопроса о заупокойном поминовении убиенного Государя, Святейший Патриарх Тихон принял решение о повсеместном служении панихид с поминовением Николая II как Императора.

Обстоятельством, омрачавшим жизнь Императорской Семьи, была неизлечимая болезнь Наследника. Болезнь Цесаревича открыла двери во дворец крестьянину Григорию Распутину, которому суждено было сыграть свою роль в жизни Царской Семьи, да и в судьбе всей страны. Наиболее значительным аргументом у противников канонизации Царской Семьи является сам факт их общения с Г.Е. Распутиным.

В отношении с Распутиным присутствовал элемент человеческой немощи, связанный у Императрицы с глубоким переживанием неизлечимости смертельно опасной болезни сына, а у Императора – обусловленный стремлением сохранить мир в Семье сострадательной уступчивостью материнским терзаниям Императрицы. Однако, видеть в отношениях Царской Семьи с Распутиным признаки духовной прелести, а тем более недостаточной воцерковленности – нет никаких оснований.

В жизни Императора Николая II было два неравных по продолжительности и духовной значимости периода – время его царствования и время пребы-

вания в заключении. Комиссия внимательно изучила последние дни Царской Семьи, связанные со страданием и мученической кончиной ее членов.

Император Николай Александрович часто уподоблял свою жизнь испытаниям страдальца Иова, в день церковной памяти которого родился. Приняв свой крест так же, как библейский праведник, он перенес все ниспосланные ему испытания твердо, кротко и без тени ропота.

Последовательно и методично убивая всех попавших им в руки членов Императорской Фамилии, большевики прежде всего руководствовались идеологией, а потом уже политическим расчетом – ведь в народном сознании Император продолжал оставаться Помазанником Божиим, а вся Царская Семья символизировала Россию уходящую и Россию уничтожаемую. 21 июля 1918 года Святейший Патриарх Тихон в своем слове при совершении Божественной литургии в Московском Казанском Соборе как бы ответил на те вопросы и сомнения, которые через восемь десятилетий попытается осмыслить Русская Церковь: *«Мы знаем, что он (Император Николай II – М.Ю.), отрекаясь от Престола, делал это, имея в виду благо России и из любви к Ней».*

Доброта и душевное спокойствие не оставляли в это время и Императрицу. Множество раз в письмах Государыни говорится о духовной жизни ее и других членов Семьи: *«В молитве утешение: жалею я тех, которые находят не модным, не нужным молиться...»* В другом письме она пишет: *«Господи, помоги тем, кто не вмещает любви Божией в ожесточенных сердцах, которые видят только все плохое и не стараются понять, что пройдет все это; не может быть иначе, Спаситель пришел, показал нам пример. Кто по Его пути следом любви и страдания идет, понимает все величие Царства Небесного».*

Утешение и крепость в перенесении скорбей узникам давало духовное чтение, молитва, богослужение, причащение Святых Христовых Тайн.

Вместе с родителями все страдания с кротостью и смирением переносили Царские дети. Протоиерей Афанасий Беляев, исповедовавший Царских детей, писал: *«Впечатление [от исповеди] получилось такое: дай, Господи, чтобы и все дети нравственно были так высоки, как дети бывшего Царя».*

В почти полной изоляции от внешнего мира, окруженные грубыми и жестокими охранниками, узники Ипатьевского дома проявляют удивительное благородство и ясность духа.

Их истинное величие проистекало не из их царского достоинства, а от той удивительной нравственной высоты, на которую они постепенно поднялись.

Особую ценность представляют публикации и обращения в Комиссию и в другие церковные инстанции, содержащие свидетельства о чудесах и благодатной помощи по молитвам к Царственным мученикам. Речь идет в них об исцелениях, соединении разобщённых семей, защите церковного достояния от раскольников. Особенно обильны свидетельства о мироточении икон с изображениями Императора Николая II и Царственных мучеников, о благоухании и чудесном проступании на иконных ликах Царственных мучеников пятен кровавого цвета.

За многими страданиями, перенесенными Царской Семьей за последние 17 месяцев жизни, которая закончилась расстрелом в подвале Екатеринбургского Ипатьевского дома в ночь на 17 июля 1918 года, мы видим людей, искренне стремившихся воплотить в своей жизни заповеди Евангелия. В страданиях, перенесенных Царской Семьей в заточении с кротостью, терпением и смирением, в их мученической кончине был явлен побеждающий зло свет Христовой веры.

Именно в осмыслении этого подвига Царской Семьи Комиссия в полном единомыслии и с одобрения Священного Синода находит возможным прославить в Соборе новомучеников и исповедников Российских в лике страстотерпцев Императора Николая II, Императрицу Александру, Царевича Алексея, Великих Княжен Ольгу, Татьяну, Марию и Анастасию.

Москва. 2000 год

Источник: <http://www.hnir.ru/doklad-mitropolita-yuvenaliya-o-kanonizacii-carstv14/>

**Игумен
Дамаскин
(Орловский)**

Игумен Дамаскин (Орловский)

Секретарь Синодальной Комиссии по канонизации святых,

клирик города Москвы

Гонения на Русскую Православную Церковь в советский период

С приходом советской власти начались гонения на Русскую Православную Церковь. Гонения, начавшись с конца 1917 года, приняли массовый и ожесточенный характер уже в 1918 году, когда был принят декрет об отделении Церкви от государства, ставивший Церковь в бесправное положение, и продолжались на протяжении всего советского периода, т. е. семидесяти лет. С 1923 по 1928 год арестовывались сотни священнослужителей и мирян, но почти не было приговоров к смерти; то же самое было и с 1934 по 1936 год. Иногда гонения принимали почти исключительно административный характер, так было в 70–80-х годах, когда аресты священнослужителей и мирян стали единичными. В некоторые периоды власти преследовали цель арестовать как можно больше священно-церковнослужителей и мирян, аресты тогда исчислялись десятками и сотнями тысяч и для многих окончились мученической кончиной. Так было в России сразу же после установления советской власти, когда целые уезды таких епархий, как Пермская, Ставропольская, Казанская, оказались лишены священнослужителей. Этот период продолжался до 1920 года, а на тех территориях, где большевики захватили власть позже, как например на Дальнем Востоке, время жестоких преследований пришлось на 1922 год. Так же было во время организованной советской властью кампании по изъятию церковных ценностей в 1922 году, когда по стране было проведено множество судебных процессов, часть которых окончилась приговором к расстрелу. Подобная же всероссийская кампания, приведшая к массовым арестам и расстрелам, была проведена в 1929–1931 годах, в некоторых областях она продолжилась до 1933 года. И наконец в 1937–1938 годах была арестована большая часть

священнослужителей и мирян и закрыто почти одновременно больше чем две трети действовавших в 1935 году церквей.

По некоторым данным в 1918 году было расстреляно 827 священнослужителей, в 1919 году – 19 и заключено в тюрьмы 69. По другим данным в 1918 году было расстреляно 3.000 священнослужителей, а 1.500 – подверглись другим репрессиям. В 1919 году была расстреляна 1.000 священнослужителей и 800 – подверглись другим репрессиям [1].

Официальные данные, представленные на имя Поместного Собора и Высшего Церковного Управления к 20 сентября 1918 года были таковы. Убитых за веру и Церковь было 97 человек, из них имена и служебное положение 73 были точно установлены, а имена 24 человек к этому времени были неизвестны. 118 человек находились в то время под арестом [2]. Из известных архипастырей, претерпевших в этот период гонений мученическую кончину были, священномученики: митрополит Киевский Владимир (Богоявленский); архиепископы: Пермский и Кунгурский Андроник (Никольский), Омский и Павлодарский Сильвестр (Ольшевский), Астраханский Митрофан (Краснопольский); епископы: Балахнинский Лаврентий (Князев), Вяземский Макарий (Гневушев), Кирилловский Варсонофий (Лебедев), Тобольский Гермоген (Долганев), Соликамский Феофан (Ильменский), Селенгинский Ефрем (Кузнецов) и другие.

Первым практическим результатом действия декрета было закрытие в 1918 году духовных учебных заведений, включая епархиальные училища и храмов при них. Исключение составила только Казанская Духовная академия, которая благодаря стараниям ее ректора епископа Чистопольского Анатолия (Грисюка) продолжала свою работу до 1921 года, когда епископ Анатолий и преподаватели академии были арестованы по обвинению в нарушении декрета об отделении Церкви от государства. Практически с 1918 года были прекращены духовное образование и научная церковная деятельность. Это же самое можно сказать и о книгопечатании, с 1918 года любые издания христианской литературы стали невозможны. Лишь в 1944 году с разрешения властей был от-

крыт Богословский институт и пастырские курсы, преобразованные в 1946 году в Духовную академию и семинарии.

В соответствии с декретом было запрещено преподавание Закона Божия в школах. Согласно разъяснению Наркомпроса от 23.02.1918 г. преподавание религиозных вероучений детям до 18 лет не должно было принимать форму... правильно функционирующих учебных заведений, поэтому запрещалось преподавание религиозных учений в храмах и на дому. В развитии декрета Наркомпрос от 3.03.1919 г. постановил: «Воспретить лицам, принадлежащим к духовенству всех его родов, всех вероисповеданий, занимать какие-либо должности во всех школах... Виновные в нарушении сего воспрещения подлежат суду Ревтрибунала» [3].

Во многих городах состоялись собрания прихожан, выразивших свое отрицательное отношение к декрету в целом и в частности к вопросу отделения школы от Церкви. 4.02.1918 г. общее собрание прихожан г. Ново-Николаевска единогласно постановило: «Отделение Церкви от государства считать равносильным отделению души от тела, русский человек, как православный христианин и как гражданин, не может разделиться... Церковное достоинство – достоинство верующего народа... Устранение Закона Божия из числа обязательных предметов школьного курса является гонением на законное стремление верующих родителей, дающих средства на содержание школ, воспользоваться организованными средствами обучения и воспитания детей...» [4] Крестьянский съезд Казанской губернии постановил признать Закон Божий обязательным предметом в школах. Рабочие Казани в количестве 14 тыс. обратились к комиссару по народному образованию с требованием сохранить преподавание Закона Божия в школах [5]. В Оренбурге прошли в 1918 г. собрания родителей всех школ, которые единогласно высказались за обязательное преподавание Закона Божия [6]. Подобные собрания прошли во Владимирской, Рязанской, Тамбовской, Симбирской губерниях, в некоторых учебных заведениях г. Москвы. Ни одно из пожеланий народа не было удовлетворено. В принятый в 1922 г. УК РСФСР была введена статья, которая предполагала наказание до 1 года заключения за преподавание «религиозных вероучений» несовершеннолетним.

Одновременно с принятием декрета об отделении Церкви от государства власти попытались с помощью вооруженного нападения захватить Александровскую Лавру, тем давая ясно понять, что в мерах по проведению декрета в жизнь они не остановятся ни перед чем. При захвате Лавры был смертельно ранен протоиерей Скорбященской церкви Петр Скипетров, пытавшийся усовестить красногвардейцев.

Во многих городах страны в 1918 г. прошли крестные ходы в виде протеста против захвата церковного имущества. Они прошли в Москве, Петрограде, Туле, Тобольске, Перми, Омске и др. городах. В них принимали участие десятки тысяч людей. В некоторых случаях, как, например, в Туле и Омске, крестные ходы были расстреляны красногвардейцами.

В апреле 1918 года в Наркомюсте была создана комиссия по осуществлению декрета об отделении Церкви от государства, переименованная затем в VIII отдел, названный «ликвидационным». «Подготовленная этим отделом инструкция от 24(30) августа 1918 г. о порядке применения декрета предусматривала уже целый ряд жестких конфискационных мер, включая изъятие капиталов, ценностей, другого имущества церковей и монастырей» [7]. Причем при реквизиции монастырского имущества должны были быть ликвидированы и сами монастыри. С 1918 по 1921 год было национализировано более половины имевшихся в России монастырей – 722 [8].

Во второй половине 1921 года в стране разразился голод. К маю 1922 года в 34-х губерниях России голодало около 20 млн. человек и около миллиона скончалось. Голод явился не только результатом засухи, но и результатом только что окончившейся гражданской войны, жестокого подавления крестьянских восстаний и беспощадного отношения власти к народу, принимавшего форму тех или иных экономических экспериментов. Святой Патриарх Тихон одним из первых откликнулся на народное горе и уже в августе 1921 года обратился к пастве, к Восточным Патриархам, к папе Римскому, к архиепископу Кентерберийскому и епископу Йорскому с посланием, в котором призывал оказать помощь стране, умирающей от голода [9].

Власти были против какого бы то ни было участия Православной Церкви в сотрудничестве в деле помощи голодающим и в лице Дзержинского ими в декабре 1921 года была сформулирована следующая позиция: «Мое мнение: церковь разваливается, поэтому (здесь и далее подчеркнуто в документе. – И. Д.) нам надо помочь, но никоим образом не возрождать ее в обновленной форме. Поэтому церковную политику развала должен вести В.Ч.К., а не кто-либо другой. Официальные или полуофициальные сношения с попами – недопустимы. Наша ставка на коммунизм, а не религию. Лавировать может только В.Ч.К. для единственной цели – разложения попов» [10].

6.02.1922 г. Патриарх Тихон обратился вторично к православным христианам, призывая их оказывать помощь своими пожертвованиями: «учитывая тяжесть жизни для каждой отдельной христианской семьи вследствие истощания средств их, мы допускаем возможность духовенству и приходским советам, с согласия общин верующих, на попечении которых находится храмовое имущество, использовать находящиеся во многих храмах драгоценные вещи, не имеющие богослужебного употребления (подвески в виде колец, цепей, браслет, ожерельев и другие предметы, жертвуемые для украшения святых икон, золотой и серебряный лом) на помощь голодающим» [11].

23.02.1922 г. ВЦИК принял декрет об изъятии церковных ценностей. Получив детальную разработку Политбюро и ГПУ, этот декрет стал инструментом, с помощью которого власти сделали попытку разрушить Церковь. 17.03.1922 г. Л. Д. Троцкий предложил план организации изъятия церковных ценностей, который выходил далеко за границы непосредственно изъятия ценностей. Троцкий писал: «В центре и в губерниях создать секретные руководящие комиссии по изъятию ценностей по типу московской комиссии Сапронова-Уншлихта. Во все эти комиссии должен непременно входить либо секретарь Губкома, либо заведующий агит.-проп-отделом... В губернских городах в состав комиссии привлекается комиссар дивизии, бригады или начальник политотдела... Одновременно с этим внести раскол в духовенство, проявляя в этом отношении решительную инициативу и взяв под защиту государственной власти тех священников, которые открыто выступают в пользу изъятия...» [12]

Содержание деятельности комиссии по изъятию церковных ценностей было с предельной ясностью сформулировано Троцким в записке в Политбюро: «Вся стратегия наша в данный период должна быть рассчитана на раскол среди духовенства на конкретном вопросе: изъятие ценностей из церквей. Так как вопрос острый, то и раскол на этой почве может и должен принять очень острый характер, и той части духовенства, которая выскажется за изъятие и поможет изъятию уже возврата назад к клике патриарха Тихона не будет. Посему полагаю, что блок с этой частью попов можно временно довести до введения их в помгол, тем более что нужно устранить какие бы то ни было подозрения и сомнения насчет того, что будто бы изъятые из церквей ценности расходуются не на нужды голодающих...» [13]

В марте 1922 года комиссия приступила к изъятию ценностей из храмов; несмотря на попытки духовенства предотвратить эксцессы, в некоторых местах комиссии по изъятию столкнулись с верующими. Такие столкновения произошли 11 марта в Ростове-на-Дону, 15 марта в Шуе и 17 марта в Смоленске.

19 марта Ленин написал свое известное письмо, в котором окончательно обосновал смысл и цели кампании по изъятию ценностей: «Все соображения указывают на то, что позже сделать нам этого не удастся, ибо никакой иной момент, кроме отчаянного голода, не даст нам такого настроения широких крестьянских масс, который бы либо обеспечивал нам сочувствие этой массы, либо, по крайней мере, обеспечил бы нам нейтрализование этих масс в том смысле, что победа в борьбе с изъятием ценностей останется безусловно и полностью на нашей стороне... Поэтому я прихожу к безусловному выводу, что мы должны именно теперь дать самое решительное и беспощадное сражение черносотенному духовенству и подавить его сопротивление с такой жестокостью, чтобы они не забыли этого в течение нескольких десятилетий» [14]. Ленин предлагает провести после изъятия церковных ценностей несколько процессов, которые должны быть закончены расстрелами не только в Шуе, но и в Москве, и «нескольких других духовных центрах».

И такие процессы были проведены. Некоторые из них, как например Московский, Петроградский, Смоленский, окончились смертными приговорами

для части обвиняемых. В то время были расстреляны в Петрограде – священномученик Вениамин (Казанский), митрополит Петроградский, архимандрит Сергей (Шеин) и миряне Юрий Новицкий и Иоанн Ковшаров. В Москве были расстреляны протоиереи Александр Заозерский, Василий Соколов, Христофор Надеждин, иеромонах Макарий (Телегин) и мирянин Сергей Тихомиров. Остальные приговаривались к заключению и ссылке в отдаленные глухие места. Если первый этап гонений 1918–1920 годов чаще всего проходил без соблюдения каких бы то ни было юридических формальностей, то гонения 1922 года проводились с привлечением судов и революционных трибуналов.

Что касается числа пострадавших в этот период, то в одном из последних исследований Н. Н. Покровский, комментируя данные современной исторической науки по этому вопросу, пишет: «Документы Политбюро и Лубянки пока не дают возможности определить цифровые характеристики ни числа столкновений между верующими и властями, ни количества убитых и раненых в этих столкновениях, ни числа репрессированных. Из одной работы по истории РПЦ в другую переходит свидетельство активного участника событий «живоцерковного» протопресвитера В. Красницкого о том, что в ходе изъятия в 1922 г. в стране произошло 1 414 кровавых инцидента. Часто (хотя не всегда точно) приводятся сведения бежавшего из России священника Михаила Польского о том, что в 1922 г. общее число жертв, погибших при столкновениях и расстрелянных по суду, было 2 691 человек белого духовенства, 1 962 монашествующих, 3 447 монахинь и послушниц; всего 8 100 жертв. В литературе встречаются и упоминания о том, что в связи с изъятием церковных ценностей в 1922 г. в стране прошло 231 судебное дело, на коих были вынесены приговоры 732 человекам...» [15]

В результате были изъяты церковные предметы на сумму 4 650 810 р. 67 к. в золотых рублях. Из этих средств было решено истратить 1 млн. золотых рублей на покупку продовольствия для голодающих, вокруг чего была развернута агитационная кампания. Основные средства были использованы на саму кампанию по изъятию, или точнее говоря, на кампанию по расколу Русской Православной Церкви [16].

Но власти не ограничились прямыми репрессиями против духовенства и верующих, был план разрушить церковное управление, и для этого была оформлена в отдельную организацию группа духовенства, которой советская власть стала оказывать определенное покровительство. Троцкий, формулируя позицию Политбюро в этом вопросе, писал: «Церковь... стоит сейчас лицом к лицу с пролетарской революцией. Какова же сможет быть ее дальнейшая судьба? Намечаются два течения: явно, открыто контрреволюционное с черносотенно-монархической идеологией и – «советское». Идеология «советского» духовенства, по-видимому, вроде сменовеховской, т. е. буржуазно-соглашательская. Если бы медленно определяющееся буржуазно-соглашательское сменовеховское крыло церкви развилось и укрепилось, то она стала бы для социалистической революции гораздо опаснее церкви в ее нынешнем виде. Ибо, принимая покровительственную «советскую» окраску «передовое» духовенство открывает себе тем самым возможность проникновения и в те передовые слои трудящихся, которые составляют или должны составить нашу опору.

Поэтому сменовеховское духовенство надлежит рассматривать, как опаснейшего врага завтрашнего дня. Но именно завтрашнего. Сегодня же надо повалить контрреволюционную часть церковников, в руках коих фактическое управление церковью. В этой борьбе мы должны опереться на сменовеховское духовенство, не ангажируясь политически, а тем более принципиально...

Кампания по поводу голода для этого крайне выгодна, ибо заостряет все вопросы на судьбе церковных сокровищ. Мы должны, во-первых, заставить сменовеховских попов целиком и открыто связать свою судьбу с вопросом об изъятии ценностей; во-вторых, заставить довести их эту кампанию внутри церкви до полного организационного разрыва с черносотенной иерархией, до собственного нового собора и новых выборов иерархии» [17].

14.03 ГПУ разослало в некоторые крупные губернские города шифротелеграммы о вызове в Москву духовенства, изъявившего согласие на сотрудничество с ГПУ. В Москву из Петрограда были вызваны священники Введенский и Заборовский, а из Нижнего Новгорода архиепископ Евдоким с разделяющим

его взгляды духовенством. «Было решено провести в Москве совещание «прогрессивного духовенства», организация дела поручалась руководителю московских чекистов Ф. Д. Медведю» [18].

11.04.1922 г. ГПУ была составлена инструкция о проведении организационного заседания «московской оппозиционной группы духовенства», в которой в частности заявлялось: «Неотложной задачей в деле раскола духовенства является придание советской оппозиции сколько-нибудь оформленного и организационного характера, хотя бы в местном масштабе для начала. С этой целью необходимо через посредство безусловно твердого и решительного священника побудить московскую оппозиционную группу принять резолюцию, заявление (хотя бы на первое время не для опубликования), примерно следующего содержания:

Взаимоотношения между православной церковью и советским государством стали абсолютно невозможными и по вине руководящих иерархов церкви. В вопросе о голоде руководители церкви заняли явно антинародную и антигосударственную позицию и, в лице Тихона, по существу призвали верующих к мятежу против советской власти... Спасение же состоит в том, чтобы немедленно же мужественным решительным элементам принять практические меры к обновлению церковной иерархии при помощи даже поместного собора, который должен решить вопрос о судьбе патриаршества, о конституции церкви и ее руководстве...» [19]

20.04.1922 г. на квартире священника С. Калиновского состоялось совещание представителей ГПУ и «революционного духовенства» в лице Калиновского, Борисова, Николостанского и епископа Антонина (Грановского), которые полностью согласились с представителями ГПУ относительно борьбы против Патриарха и патриаршего управления.

Описывая механизм, с помощью которого создавалось обновленческое движение, а также каким образом и с какими целями собирался обновленческий собор, начальник VI-го отделения Секретного отдела ОГПУ Тучков писал: «До создания обновленческих церковных групп, все управление церковью находилось в руках бывшего патриарха Тихона, а отсюда и тон церкви давался явно в

антисоветском духе. Момент изъятия церковных ценностей послужил как нельзя лучше к образованию обновленческих противотихоновских групп, сначала в Москве, а потом по всей С.С.С.Р.

До этого времени, как со стороны органов ГПУ, так и со стороны нашей партии внимание на церковь обращалось исключительно с информационной целью, поэтому требовалось, для того, чтобы противотихоновские группы овладели церковным аппаратом – создать такую осведомительную сеть, которую можно было бы использовать не только в вышеупомянутых целях, но и руководить через нее всей церковью, что нами и было достигнуто...

После этого и имея уже целую сеть осведомления возможно было направить церковь по такому пути, какой нам был нужен, так в Москве была организована первая обновленческая группа, позднее назвавшаяся «живая церковь», которой Тихон передал временное управление церковью. Она состояла из 6-ти человек: двух – архиереев – Антонина и Леонида и из 4 попов – Красницкого, Введенского, Стадника и Калиновского... С этого времени в противоположность антисоветской политике Тихона начинается политика в духе Советской власти и поголовная замена старых Тихоновских архиереев и видных попов своими сторонниками... Этим самым было положено начало раскола православной церкви и перемена политической ориентации церковного аппарата...

С целью окончательного укрепления своего положения и получения канонического права на руководство церковью обновленцы повели работу по подготовке Всероссийского поместного собора, на котором должны были решиться вопросы главным образом о Тихоне и его заграничных епископах, окончательного установления политической линии церкви и введения в нее ряд богослужебных новшеств...» [20]

«Собор объявил о лишении патриарха сана, священства и даже монашества с возвращением «в первобытное мирское положение»; само восстановление института патриаршества Собором 1917–1918 гг. было провозглашено обновленцами «актом контрреволюционным». АРК и ОГПУ организовали посещение арестованного патриарха делегацией собора для вручения этих постановлений. Патриарх начертал на них свою резолюцию об их неканоничности

хотя бы уже потому, что 74-е Апостольское правило требует его обязательного присутствия на соборе для возможности оправдания.

Собор принял некоторые реформы, вроде второбрачия духовенства, белого епископата, перехода на новый стиль, но обсуждение предложения Красницкого о более глубоких реформах было отложено...» [21]

26.06.1923 года Патриарх Тихон был освобожден из заключения и сразу же обратился с посланиями ко всероссийской пастве. Главной его заботой после освобождения стало преодоление обновленческого раскола. С предельной ясностью Патриарх изложил в своем послании от 15 июля 1923 года историю захвата обновленцами церковной власти. «И как воспользовались они захваченной церковной властью? – писал Патриарх. – Они употребили ее не на созидание Церкви, а на то, чтобы сеять в Ней семена пагубного раскола; чтобы лишать кафедр православных епископов, оставшихся верными своему долгу и отказавших им в повиновении; чтобы преследовать благоговейных священников, согласно канонам церковным не подчинившихся им; чтобы насаждать всюду так называемую «Живую Церковь», пренебрегающую авторитетом Вселенской Церкви и стремящуюся к ослаблению необходимой церковной дисциплины; чтобы дать торжество своей партии и насильственно, не считаясь с соборным голосом всех верующих, осуществлять в жизни ее желания.

Всем этим они отделили себя от единства тела Вселенской Церкви и лишились благодати Божией, пребывающей только в Церкви Христовой. А в силу этого все распоряжения не имеющей канонического преемства незаконной власти, правившей Церковью в Наше отсутствие, недействительны и ничтожны! А все действия и таинства, совершенные отпавшими от Церкви епископами и священниками, безблагодатны, а верующие, участвующие с ними в молитве и таинствах, не только не получают освящения, но подвергаются осуждению за участие в их грехе...» [22]

Незадолго перед кончиной Патриарха ОГПУ приняло решение возбудить против него дело, предъявив обвинение в составлении списков репрессированного духовенства. 21 марта 1925 года Патриарх был допрошен следователем. Но дело не получило развития ввиду смерти Патриарха 7.04.1925 года. Став-

ший после смерти Патриарха Тихона Патриаршим Местоблюстителем Митрополит Крутицкий Петр (Полянский) продолжил дело по уврачеванию раскола, заняв по отношению к обновленцам строго церковную позицию. «Присоединение к Святой Православной Церкви так называемых обновленцев возможно только при том условии, если каждый из них в отдельности отречется от своих заблуждений и принесет всенародное покаяние в своем отпадении от Церкви. И мы непрестанно молим Господа Бога, да возвратит Он заблудших в лоно Святой Православной Церкви...» [23]

С 1 по 10 октября в Москве обновленцы провели свой 2-й собор, на котором присутствовало более трехсот человек. Среди других целью обновленческого собора было – оклеветать Патриаршую Церковь и митрополита Петра. Выступая на соборе, Введенский заявил: «Мира с тихоновцами не будет, верхушка тихоновщины является контрреволюционной опухолью в Церкви. Чтобы спасти Церковь от политики, необходима хирургическая операция. Только тогда может наступить мир в Церкви. С верхушкой тихоновщины обновленчеству не по пути!» [24] Обновленцы на соборе, характеризуя митрополита Петра, говорили, что он «опирается на людей, органически связанных со старым строем, недовольных революцией: бывших домовладельцев и купцов, думающих еще посчитаться с современной властью» [25].

В течение 1925 года митрополит Петр делал попытки нормализовать отношения Русской Православной Церкви с государством, стараясь добиться встречи с главой советского правительства Рыковым. Одновременно он стал составлять текст декларации, который активно обсуждался с жившими в то время в Москве архиереями.

Государство заняло непримиримую позицию относительно Церкви, избирая лишь формы и сроки для ее уничтожения. Еще при жизни Патриарха Тихона, когда стало ясно, что обновленческое движение потерпело крах, Антирелигиозная комиссия на заседании 3 сентября 1924 года постановила: «Поручить т. Тучкову принять меры к усилению правого течения, идущего против Тихона, и постараться выделить его в самостоятельную противо-тихоновскую иерархию» [26].

После смерти Патриарха ОГПУ вплотную приступило к организации нового раскола, который впоследствии получил название «григорианского» по имени возглавившего раскольнический Временный Высший Церковный Совет архиепископа Григория (Яцковского). После того как переговоры ОГПУ с руководителями раскола были завершены, Антирелигиозная комиссия на заседании 11 ноября 1925 года постановила: «Поручить т. Тучкову ускорить проведение наметившегося раскола среди тихоновцев... В целях поддержки группы (архиепископа Григория Яцковского. – И. Д.), стоящей в оппозиции к Петру... поместить в "Известиях" ряд статей, компрометирующих Петра, воспользовавшись для этого материалами недавно закончившегося обновленческого собора. Просмотр статей поручить гг. Стеклову И. И., Красикову П. А. и Тучкову. Им же поручить просмотреть готовящиеся оппозиционной группой (архиепископа Григория. – И. Д.) декларации против Петра. Одновременно с опубликованием статей поручить ОГПУ начать против Петра следствие» [27].

В ноябре 1925 года были арестованы те епископы, священники и миряне, которые в той или иной степени оказывали помощь митрополиту Петру по управлению Церковью. Были арестованы архиепископы Прокопий (Титов) и Пахомий (Кедров), епископы Гурий (Степанов), Иоасаф (Удалов), Парфений (Брянских), Амвросий (Полянский), Дамаскин (Цедрик), Тихон (Шарапов), Герман (Ряшенцев), Николай (Добронравов). Среди мирян были арестованы бывший до революции обер-прокурором Святейшего Синода Александр Самарин и помощник обер-прокурора Петр Истомин.

9 декабря 1925 года Антирелигиозная комиссия на состоявшемся в этот день заседании постановила арестовать митрополита Петра и поддержать группу архиепископа Григория. Вечером того же дня митрополит Петр был арестован.

22 декабря 1925 года состоялось организационное собрание иерархов, которыми был создан ВВЦС, возглавляемый архиепископом Григорием (Яцковским). Совершив неудавшуюся попытку захватить высшую церковную власть, эта группа иерархов оформилась в самостоятельное течение, и со временем они «не только обособливаются еще более, но отваживаются даже на создание сво-

ей собственной лжеиерархии, насаждаемой ими по примеру обновленцев, параллельно православному епископату, находящемуся на вверенных ему кафедрах» [28].

Власти, однако, в своих усилиях по разрушению церковного управления не удовлетворились обновленческим и григорианским расколами и стали вести активную деятельность, чтобы добиться разрыва отношений между Заместителем Патриаршего Местоблюстителя митрополитом Нижегородским Сергием (Страгородским) и кандидатом на пост Местоблюстителя по завещанию Патриарха Тихона митрополитом Ярославским Агафангелом (Преображенским). Для достижения цели ОГПУ задержало митрополита Агафангела в Перми, где с ним неоднократно встречался Тучков, который предложил ему ввиду ареста митрополита Петра занять пост Местоблюстителя. 18 апреля 1926 года митрополит Агафангел выпустил послание, в котором объявил о своем вступлении на пост Местоблюстителя. 24 апреля 1926 года Антирелигиозная комиссия приняла решение: «Проводимую ОГПУ линию по разложению тихоновской части церковников признать правильной и целесообразной.

Вести линию на раскол между митрополитом Сергием (назначенным Петром временным Местоблюстителем) и митрополитом Агафангелом, претендующим на Патриаршее Местоблюстительство, укрепляя одновременно третью тихоновскую иерархию – Временный Высший Церковный Совет во главе с архиепископом Григорием, как самостоятельную единицу...» [29]

Сформировать новое церковное течение ОГПУ не удалось, уже 12 июня 1926 года митрополит Агафангел отказался от поста Патриаршего Местоблюстителя. Но власти не оставили своего замысла создать новый раскол. В 1927 году вмешательство их в церковное управление и в назначения епископов на кафедры, аресты не угодных архиереев и опубликованная на этом фоне Заместителем Патриаршего Местоблюстителя митрополитом Сергием 29 июля 1927 года декларация о лояльности привели к смятению среди православных и создали значительные разномыслия среди иерархов. Однако в данном случае властям не удалось сформировать самочинную церковную группу, которая реши-

лась бы на создание параллельной иерархии, и дискуссия окончилась мученической кончиной большинства ее участников.

В 1928 году власти стали готовиться к широкомасштабной высылке крестьян, большую часть которых составляли православные, сохранившие старый, религиозный уклад жизни на бытовом уровне, то есть для которых вера была не только образом мысли, но и соответствующим ей образом жизни.

Во многих селах, не исключая самых глухих, были старосты храмов, действовали двадцатки, не были еще закрыты и разогнаны многие монастыри, в двадцатых годах получившие от властей юридический статус кооперативов, товариществ и коммун. В конце 1928 года Политбюро начало подготовку гонения, в основу которого был положен документ, очерчивающий его границы и масштабы. Документ было поручено написать Кагановичу и Ярославскому; предварительный черновой вариант был согласован с Крупской и Смидовичем. 24 января 1929 года ЦК ВКП(б) утвердил окончательный текст указа, который был разослан всем ЦК нацкомпартий, крайкомам, обкомам, губкомам и окружкомам, то есть всем представителям власти в советской России. Документ назывался «О мерах усиления антирелигиозной работы».

Этот документ положил начало массовым арестам священнослужителей, мирян и закрытию храмов, и в нем, в частности, писалось: «...усиление социалистического строительства, социалистического наступления на кулацко-нэпманские элементы вызывает сопротивление буржуазно-капиталистических слоев, что находит свое яркое выражение на религиозном фронте, где наблюдается оживление различных религиозных организаций, нередко блокирующихся между собою, использующих легальное положение и традиционный авторитет Церкви...

Наркому Внутренних дел и ОГПУ. Не допускать никоим образом нарушения советского законодательства религиозными обществами, имея в виду, что религиозные организации... являются единственной легально действующей контрреволюционной организацией, имеющей влияние на массы. НКВД обратить внимание на то, что до сих пор жилые торговые муниципализированные помещения сдаются в аренду под молитвенные дома, нередко в рабочих районах.

Школы, суды, регистрации гражданских актов должны быть полностью изъяты из рук духовенства. Партийным комитетам и исполкомам необходимо поставить вопросы об использовании загсов в целях борьбы с поповщиной, церковными обрядами и пережитками старого быта. Кооперативным организациям и колхозам обратить внимание на необходимость овладеть вегетарианскими столовыми и другими кооперативными объединениями, созданными религиозными организациями... Куспромсоюзам озаботиться о создании новых кустарных промыслов в районах изготовления предметов религиозного культа, иконописи и т. п...

Фракциям советов необходимо взять на себя инициативу разработки ряда мероприятий, около проведения которых можно было организовать широкие массы на борьбу с религией, правильное использование бывших монастырских и церковных зданий и земель, устройство в бывших монастырях мощных сельскохозяйственных коммун, сельскохозяйственных станций, прокатных пунктов, промышленных предприятий, больниц, школ, школьных общежитий и т. п., не допуская ни под каким видом существования в этих монастырях религиозных организаций...

Секретарь ЦК Л. Каганович

№ 10400-С 14 февраля 1929 года» [30].

28 февраля 1929 года на одном из заседаний Политбюро ЦК постановил:

«Внести на ближайший съезд советов РСФСР предложение об изменении пунктов 4 и 12 конституции РСФСР следующим образом: в конце параграфа 4-го слова «а свобода религиозной и антирелигиозной пропаганды признается за всеми гражданами», заменить словами «а свобода религиозных убеждений и антирелигиозной пропаганды признается за всеми гражданами» [31].

4 июля 1929 года председатель антирелигиозной комиссии Ярославский подал в Политбюро докладную записку о деятельности антирелигиозной комиссии за 1928–29 год. В ней он, в частности, писал:

«В отношении монастырей АРК поручила специальной комиссии с участием НКВД и ОГПУ выяснить точное количество монастырей еще не ликвидированных и подготовить вопрос о превращении их в советские учреждения

(под общежития, под колонии для малолетних, под совхозы и т. п.), держа курс на то, чтобы рассосать сконцентрированные в них элементы монашества до сих пор нередко прикрывающие свою реакционную деятельность вывеской трудовых коммун...» [32]

Репрессии нарастали, храмы закрывались, но с точки зрения Сталина и Политбюро действия неповоротливой антирелигиозной комиссии только мешали полномасштабному раскату гонений на Православную Церковь, которые не только бы повторили гонения и расстрелы священнослужителей в 1918 и 1922 годах, но должны были значительно превысить их по масштабам, ибо в данном случае затрагивалась основная масса мирян – крестьянство. 30 декабря 1929 года Политбюро ЦК приняло постановление о ликвидации антирелигиозной комиссии и передаче всех ее дел в секретариат ЦК (впоследствии была создана комиссия по вопросам культов при Президиуме ЦИК Союза ССР). Таким образом, управление гонениями собиралось в единый центр.

11 февраля 1930 года Президиум ЦИК Союза ССР утвердил соответствующее постановление Центрального Исполнительного Комитета и Совета Народных Комиссаров Союза ССР «О борьбе с контрреволюционными элементами в руководящих органах религиозных объединений», которое гласило:

«В целях борьбы с попытками враждебных советской власти элементов использовать религиозные объединения в качестве опорных пунктов для ведения контрреволюционной работы ЦИК и СНК Союза ССР постановляют:

Предложить правительствам союзных республик немедленно поручить органам, производящим регистрацию религиозных объединений, пересмотреть состав руководящих органов этих объединений в целях исключения из них (в порядке ст. ст. 7, 14 Закона РСФСР о религиозных объединениях от 8 апреля 1929 г. аналогичных статей законов других республик) – кулаков, лишенцев и иных враждебных советской власти лиц.

Не допускать впредь проникновения в эти органы указанных лиц, систематически отказывая в регистрации им религиозных объединений при наличии упомянутых выше условий...» [33]

Коммунистические газеты стали публиковать материалы о закрытии храмов, причем бахвалиться широтой и размахом гонений, что могло, в данном случае, привести к противоположным результатам. В отличие от Троцкого, который был сторонником агитационных кампаний, и Ленин, и Сталин действовали с помощью секретных постановлений, принятых узким кругом лиц, которые затем доводились до соответствующих учреждений, и это было уже их дело провести кампанию закрытия и разрушения храмов решительно и до конца. И потому, когда газеты стала захлестывать волна сообщений о незаконных закрытиях церквей, Политбюро ЦК 25 марта 1930 года, по одному из случаев таких сообщений постановило:

«В редакцию «Рабочей Москвы». За напечатанное в «Рабочей Москве» от 18 марта сообщение о массовом закрытии церквей (56 церквей) объявить выговор редактору газеты «Рабочая Москва» т. Лазьяну с предупреждением, что в случае допущения впредь таких сообщений будет поставлен вопрос о его исключении из партии...» [34]

Гонения, начавшись в 1929 году, продолжались до 1933 года. Многие священнослужители за это время были арестованы и сосланы в лагеря, многие приняли там мученическую кончину. За период с 1929 по 1933 год было арестовано около сорока тысяч церковнослужителей. В одной только Москве и Московской области было арестовано четыре тысячи человек [35]. Большая часть арестованных была приговорена к заключению в концлагеря, остальные – расстреляны. Те, кто были приговорены к заключению и дожили до гонения 1937 года, претерпели мученическую кончину в это время.

Наконец, в 1935 году ЦК ВКП(б) подвел итоги антирелигиозных кампаний, проводившихся последние несколько лет, и был составлен один из итоговых документов перед началом новых гонений в 1937 году. В этом документе гонители засвидетельствовали огромную духовную силу Русской Православной Церкви, позволившую ей, несмотря на постоянный гнет государства, аресты, расстрелы, закрытие храмов и монастырей, коллективизацию, уничтожившую значительную часть активных и самостоятельных мирян, сохранить половину

всех приходов Русской Православной Церкви. В этом документе гонители писали:

«За последний период все организации, ведущие антирелигиозную работу, резко ослабили свою деятельность. Союз воинствующих безбожников находится в состоянии почти полного развала, профсоюзы антирелигиозной работы не ведут. Комсомол ею также не занимается. Наркомпрос совсем забросил эту работу.

Между тем, по имеющимся данным видно, что попы и сектанты разных мастей имеют густую сеть опорных пунктов для своей работы и не только пользуются влиянием среди некоторых групп населения, но пытаются усилить свои позиции, повышая свою активность.

В Ивановской области в 1935 г. насчитывалось до 2000 молитвенных зданий и более 2500 служителей культа, в Горьковском крае – до 1500 молитвенных домов и более 1500 служителей. По Ленинградской области в 1936 г. насчитывалось более 1000 церквей и более 2000 служителей культа, а церковного и сектантского актива в официально зарегистрированных 958 общинах Ленинградской обл. насчитывалось более 19000 человек.

По всей стране насчитывается не менее 25000 всяких молитвенных домов (в 1914 году церквей было до 50000). О имеющихся еще религиозных влияниях свидетельствуют следующие данные. По городу Пскову из 642 чел., родившихся за 6 месяцев 1935 года, крещено в церквях 54%, из умерших похоронено по религиозному обряду 40%. По Амосовскому сельсовету Псковского района 75% крестьянских детей посещают церковь. 50% детей исповедуются и причащаются...

Показателем усиления религиозных влияний и активности верующих являются рост жалоб и резкое увеличение числа ходоков в комиссию по вопросам культов при Президиуме ВЦИК. Число жалоб достигло 9221 в 1935 г. против 8229 в 1934 г. Число ходоков в 1935 г. достигло 2090 чел., что вдвое больше, чем в 1934 г.

До 1932 г. союз безбожников имел 50000 низовых ячеек, около 5 миллионов членов и около 2000000 членов в группах «юных воинствующих безбожников»... Из 5 млн. членов осталось едва 350 тыс.

...Значительное влияние на ослабление антирелигиозной работы и развал союза безбожников оказали недостаточный контроль и руководство со стороны местных партийных организаций, а также наличие настроений, что борьба с религиозными влияниями у нас закончена и антирелигиозная работа является уже пройденным этапом» [36].

В начале 1937 года была произведена перепись населения СССР. Впервые по предложению Сталина в эту перепись был включен вопрос о религии. На этот вопрос отвечали все граждане, начиная с шестнадцати лет. Правительству, и в особенности Сталину, хотелось узнать – каковы же их реальные успехи за двадцать лет борьбы с верой и Церковью, кем называют себя люди, живущие в государстве, исповедующем в качестве религиозного суррогата воинствующее безбожие. Всего населения от шестнадцати лет и старше в Советской России оказалось в 1937 году 98,4 миллиона человек, из них 44,8 миллиона мужчин и 53,6 миллиона женщин. Верующими себя назвали 55,3 миллиона, из них 19,8 миллиона – мужчины и 35,5 миллиона – женщины. К неверующим себя отнесла меньшая, но все же достаточно значительная часть – 42,2 миллиона, из них 24,5 – мужчины и 17,7 – женщины. Не пожелали ответить на этот вопрос всего лишь 0,9 миллиона человек. Но и это было не всё: православными себя назвали 41,6 миллиона, или 42,3% всего взрослого населения страны и 75,2% от всех, назвавших себя верующими. Армяно-григорианами назвали себя 0,14 миллиона, или 0,1% всего взрослого населения, католиками – 0,5 миллиона, протестантами – 0,5 миллиона, христианами прочих исповеданий – 0,4 миллиона, магометанами – 8,3 миллиона, иудеями – 0,3 миллиона, буддистами и ламаистами – 0,1 миллиона, прочих и неточно указавших религию – 3,5 миллиона человек.

Из переписи населения с ясностью следовало – что население страны осталось православным, сохранив национальные духовные корни.

Предпринятые с 1918 года усилия в области борьбы с Церковью и народом, осуществленные как с помощью судов, так и с помощью внесудебных ад-

министративных преследований не привели к желаемому результату, а если исходить из данных переписи населения, то можно сказать, что они потерпели крах [37].

Из этой переписи для Сталина стали очевидны размеры неуспеха строительства безбожного социализма в стране, и стало ясно, насколько беспощадно кроваво должно быть новое гонение и невиданная война с народом, в результате которой – не лагерь, не каторжные работы ждали непокорных (причем непокорных не на деле, а только идейно, отличных своей верой), а приговоры к расстрелу и смерть. Так началось новое, последнее подобного рода гонение, которое должно было физически сокрушить православие.

В начале 1937 года власти поставили вопрос о существовании Русской Православной Церкви как Всероссийской организации. Как и раньше в случаях принятия широкомасштабных решений, тех, которые называются историческими и государственными и приводят к гибели миллионов людей (ради сохранения власти), инициативу возбуждения вопроса Сталин поручил другому, в данном случае Маленкову.

20 мая 1937 года Маленков направил Сталину записку:

«Известно, что за последнее время серьезно оживилась враждебная деятельность церковников.

Хочу обратить Ваше внимание на то, что организованности церковников содействует декрет ВЦИК от 8.IV-1929 года «О религиозных объединениях». Этот декрет создает организационную основу для оформления наиболее активной части церковников и сектантов.

В статье пятой этого декрета записано: «Для регистрации религиозного общества учредители его в количестве не менее 20 человек подают в органы, перечисленные в предыдущей (4) статье, заявление о регистрации по форме, устанавливаемой НКВД РСФСР».

Как видим, уже сам порядок регистрации требует организационного оформления двадцати наиболее активных церковников. В деревне эти люди широко известны под названием «двадцатки». На Украине для регистрации религиозного общества требуется не двадцать, а пятьдесят учредителей...

Считаю целесообразным отменить этот декрет, содействующий организованности церковников. Мне кажется, что надо ликвидировать «двадцатки» и установить такой порядок регистрации религиозных обществ, который не оформлял бы наиболее активных церковников. Точно так же следует покончить, в том виде, как они сложились, с органами управления церковников.

Декретом мы сами создали широко разветвленную, враждебную советской власти легальную организацию. Всего по СССР лиц, входящих в «двадцатки», насчитывается около шестисот тысяч.

Зав. отделом руководящих парторганов ЦК ВКП(б) Маленков» [38]. Резолюция Сталина 26 мая 1937 года: «Членам ПБ от т. Маленкова». С запиской были ознакомлены члены и кандидаты Политбюро: Андреев, Ворошилов, Жданов, Каганович, Калинин, Косиор С. Т., Микоян, Молотов, Петровский, Постышев, Сталин, Чубарь, Эйхе.

Ответил на эту записку Маленкова Народный Комиссар Внутренних Дел Союза ССР Н. Ежов. 2 июня 1937 года он написал Сталину:

«Ознакомившись с письмом т. Маленкова по поводу необходимости отмены декрета ВЦИКа от 8.4.29 года «О религиозных объединениях», считаю, что этот вопрос поднят совершенно правильно.

Декрет ВЦИКа от 8.4.29 г. в статье 5-й о так называемых «церковных двадцатках» укрепляет церковь тем, что узаконяет формы организации церковного актива.

Из практики борьбы с церковной контрреволюцией в прошлые годы и в настоящее время нам известны многочисленные факты, когда антисоветский церковный актив использует в интересах проводимой антисоветской работы легально существующие «церковные двадцатки» как готовые организационные формы и как прикрытия.

Вместе с декретом ВЦИКа от 8.4.29 г. нахожу необходимым отменить также инструкцию постоянной комиссии при Президиуме ВЦИКа по вопросам культов – «О порядке проведения в жизнь законодательства о культах».

Ряд пунктов этой инструкции ставит религиозные объединения на положение едва ли не равное с советскими общественными организациями, в част-

ности, имею в виду пункты 16 и 27 инструкции, которыми допускаются религиозные уличные шествия и церемонии, и созыв религиозных съездов...» [39]

По данным правительственной комиссии по реабилитации жертв политических репрессий в 1937 году было арестовано 136.900 православных священнослужителей, из них расстреляно – 85.300; в 1938 году арестовано 28.300, расстреляно – 21.500; в 1939 году арестовано 1.500, расстреляно – 900; в 1940 году арестовано 5.100, расстреляно – 1.100; в 1941 году арестовано 4.000, расстреляно – 1.900 [40].

В одной Тверской области было расстреляно только в 1937 году более двухсот священников. Осень и зиму 1937 года сотрудники НКВД едва успевали ставить свои подписи под «следственными» бумагами, а в выписках из актов о проведении в исполнение смертного приговора секретарь Тройки всегда ставил 1 час ночи, потому что на написание этой цифры тратилось меньше всего времени. И получалось, что все приговоренные в Тверской области были расстреляны в одно и то же время.

К весне 1938 года власти сочли, что Русская Православная Церковь физически уничтожена и отпала необходимость содержать специальный государственный аппарат по надзору за Церковью и проведению в жизнь репрессивных распоряжений. 16 апреля 1938 года Президиум Верховного Совета ССР постановил ликвидировать комиссию Президиума ЦИК ССР по вопросам культов. Из 25 тысяч церквей в 1935 году после двух лет гонений в 1937 и 1938 годах в Советской России осталось всего 1277 храмов и 1744 храма оказались на территории Советского Союза после присоединения к нему западных областей Украины, Белоруссии и Прибалтики.

Таким образом, во всей России в 1939 году храмов стало меньше, чем в одной Ивановской области в 1935 году. Можно с уверенностью сказать, что гонения, которые обрушились на Русскую Православную Церковь в конце тридцатых годов, были исключительными по своему размаху и жестокости не только в рамках истории России, но и в масштабе всемирной истории.

В 1938 году советская власть завершила двадцатилетний период гонений, в результате которых процесс разрушения был доведен до положения необра-

тимости. Если храмы, которые были отданы под склады или разрушены, можно было в обозримой перспективе восстановить или отстроить заново, то более сотни архиереев, десятки тысяч священнослужителей и сотни тысяч православных мирян были расстреляны, и эта утрата была незаменима и невозполнима. Последствия этих гонений сказываются и по сию пору. Массовое уничтожение святителей, просвещенных и ревностных пастырей, множества подвижников благочестия понизило нравственный уровень общества, из народа была выбрана соль, что поставило его в угрожающее положение разложения. Причем власти и дальше не собирались останавливать процесс закрытия храмов, он продолжался и неизвестно, до чего бы дошел, если бы не Великая Отечественная война.

Однако ни начало войны, ни поражения первых месяцев, ни оставление обширных территорий врагу нисколько не повлияли на враждебное отношение правительства советского государства к Русской Православной Церкви и не побудили власти прекратить гонение. И лишь после того, как стало известно, что немцы попустительствуют открытию храмов и на оккупированных территориях открыто 3732 храма, то есть больше, чем во всей Советской России, а на территории собственно России, без Украины и Белоруссии, немцы способствовали открытию 1300 храмов, – власти пересмотрели свою позицию.

4 сентября 1943 года состоялась встреча митрополитов Сергия (Страгородского), Алексия (Симанского) и Николая (Ярушевича) со Сталиным. С утра следующего дня НКГБ СССР по приказу Сталина выделил в распоряжение митрополита Сергия автомашину с шофером и горючим. Один день потребовался НКГБ для приведения в порядок особняка, отданного патриархии, и 7 сентября митрополит Сергей со своим небольшим штатом переселился в Чистый переулок. И уже на одиннадцать часов следующего дня было назначено открытие Собора епископов и возведение митрополита Сергия в сан патриарха.

Таким образом советское правительство демонстрировало миру перемену в своем отношении к Русской Православной Церкви, что теперь оно относится к ней лояльно, впрочем, всю свою лояльность исчерпав пустой декларацией. Если на территории, захваченной немцами, храмы продолжали открываться и

восстанавливаться, то ни Сталин, ни советское правительство не собирались открывать храмы, ограничившись выгодами представительной деятельности Русской Православной Церкви за рубежом. Во все время Великой Отечественной войны не прекращались аресты духовенства. В 1943 году было арестовано более 1.000 православных священников, из них расстреляно 500 человек. В 1944–1946 годах количество смертных казней ежегодно составляло более 100 человек [41].

В 1946 году Совет по делам русской православной церкви представил в Политбюро отчет о своей работе и о положении Русской Православной Церкви и верующих в Советской России:

«...Как известно, православную религию в нашей стране исповедует значительное количество населения, в связи с чем русская православная церковь в целом является наиболее мощной по сравнению с прочими, существующими в СССР религиозными объединениями.

Причем практика показала, что, хотя за 29 лет достигнуты несомненные и большие успехи в части резкого снижения религиозности в стране, с религиозными предрассудками и с религией еще далеко не покончено, а методы грубого администрирования, применявшиеся часто в ряде мест, мало себя оправдали...

По состоянию на 1 января 1947 года в СССР функционирует 13.813 православных церквей и молитвенных домов, что по сравнению с 1916 годом, составляет 28% (не считая часовен). Из них: в городах СССР функционирует 1352 и в рабочих поселках, селах и деревнях – 12.461 церковь...

Открыто немцами на оккупированной территории (главным образом, в УССР и БССР) – 7.000; бывших униатских приходов, воссоединившихся с православной церковью (западные области УССР), – 1.997.

Распределение их по республикам и областям крайне неравномерно.

Если на территории УССР функционирует 8.815 церквей, то на территории РСФСР только 3.082, и то из них около 1.300 церквей открыто в период оккупации...» [42]

В объяснительной записке через два года, в 1948 году, Совет по делам Русской Православной Церкви дал следующие данные о количестве церквей и молитвенных домов в Советской России:

«...На 1 января 1948 года в СССР было 14.329 действующих церквей и молитвенных домов (11.897 церквей и 2.432 молитвенных дома, что составляет 18,4% к количеству церквей, молитвенных домов и часовен в 1914 году, когда их было 77.767).

Количество церквей в Украинской ССР составляет 78,3% к их числу в 1914 году, а в РСФСР – 5,4%...

Увеличение числа действующих церквей и молитвенных домов произошло по следующим причинам:

а) в период войны на территории, подвергавшейся немецкой оккупации, было открыто 7.547 церквей (фактически еще больше, так как значительное число церквей после войны перестало функционировать ввиду ухода духовенства вместе с немцами и вследствие изъятия нами у религиозных общин школьных, клубных и т. п. зданий, занятых ими во время оккупации под молитвенные дома);

б) в 1946 году перешел в православие 2.491 приход униатской (грекокатолической) церкви в западных областях УССР;

в) за 1944–1947 гг. вновь открыто с разрешения Совета 1.270 церквей, главным образом в РСФСР, откуда были многочисленные и настойчивые просьбы верующих.

Территориальное размещение действующих церквей неравномерное. Например. В областях и республиках, подвергавшихся оккупации в период войны, имеется 12.577 действующих церквей, или 87,7% всех церквей, а на остальной территории Союза 12,3%. 62,3% всех церквей приходится на Украинскую ССР, причем самое большое количество церквей в Винницкой области – 814...

На 1 января 1948 года было зарегистрированных священников 11.846 и дьяконов 1.255, а всего 13.101 человек, или 19,8% к числу их в 1914 году...

На 1 января 1948 года в СССР было 85 монастырей, что составляет 8,3% к числу монастырей в 1914 году (1.025 монастырей).

В 1938 году в СССР не было ни одного монастыря, в 1940 г. с вхождением в СССР Прибалтийских республик, Западных областей УССР, БССР и Молдавии их стало 64.

В период оккупации УССР и ряда областей РСФСР было открыто до 40 монастырей.

В 1945 г. числился 101 монастырь, но в 1946–1947 гг. 16 монастырей ликвидировано...» [43]

С середины 1948 года государство оказывало все большее давление на Церковь. 25.08.1948 года Совет по делам Русской Православной Церкви вынудил Священный Синод принять решение о запрещении крестных ходов из села в село, духовных концертов в храмах во внебогослужебное время, поездок архиереев по епархиям в период сельских работ, служении молебнов на полях. Несмотря на многочисленные просьбы верующих об открытии храмов, с 1948 по 1953 год ни один храм не был открыт.

24 ноября 1949 года Совет по делам Русской Православной Церкви представил Сталину доклад, в котором говорилось:

«...Совет докладывает, что в соответствии с Постановлением СНК СССР от 1 декабря 1944 г. № 1643 – 48/с, начиная с 1945 г. (то есть еще не кончилась Великая Отечественная война, а уже советское правительство приняло решение о закрытии открытых без его разрешения храмов. – И. Д.) и особенно в последние два года, производилось изъятие у религиозных общин общественных зданий, занятых ими в период оккупации под молитвенные дома, исходя из необходимости возврата этих зданий советским органам.

Немецкие оккупанты, широко поощряя открытие церквей (было открыто за время войны 10.000 церквей), предоставляли религиозным общинам для молитвенных целей не только церковные здания, но и помещения чисто гражданского характера – клубы, школы, детские дома, а также переоборудованные до войны для культурных целей бывшие церковные здания.

Всего на временно оккупированной территории было занято под молитвенные цели 1.701 такое общественное здание, из которых в настоящее время, то есть к 1/X-1949 г., 1.150 зданий, или 67,6%, уже изъято и возвращено госу-

дарственным и общественным организациям. Из них: в УССР – 1025 из 1445; в БССР – 39 из 65, в РСФСР и других республиках – 86 из 191.

В целом это изъятие прошло организовано и безболезненно, однако в отдельных случаях имели место грубость, поспешность и самочинные действия, в результате чего группы верующих обращались и обращаются в Совет и центральные правительственные органы с жалобами на изъятие зданий и грубые действия.

Так, например, в Гомельской области за 1948 год и семь месяцев 1949 года Облисполком и Райисполкомы приняли решения об изъятии у церковных общин 39 зданий, что составляет 60% по отношению всех действующих церквей и молитвенных домов в области. Совет дал согласие на изъятие зданий в 16 случаях...» [44]

В свою очередь 25 июля 1948 года Министр МГБ Абакумов подал Сталину обширную докладную записку, в которой излагалась суть взаимоотношений Церкви и государства:

«Министерство Государственной Безопасности СССР располагает материалами о том, что последнее время церковники и сектанты значительно активизировали работу по охвату населения религиозным и враждебным влиянием.

Под прикрытием религиозных верований, церковно-сектантские элементы проводят обработку неустойчивых лиц, особенно из числа молодежи, вовлекая их в свои группы и общины. Под влияние церковников подпадают также комсомольцы, члены и кандидаты в члены ВКП(б).

Значительную роль в распространении вероучения и организации враждебной работы выполняют лица из числа религиозного актива, подвергавшиеся ранее репрессиям за антисоветскую деятельность и возвратившиеся в области по отбытии срока наказания.

Религиозную обработку населения церковники и сектанты ведут путем широкой религиозной пропаганды, проводящейся священнослужителями, проповедниками, монашествующими элементами и фанатически настроенными верующими в церквях и мечетях, в легально и нелегально действующих молитвенных домах.

В ряде случаев они организуют религиозное обучение детей и молодежи в нелегальных кружках и школах.

Вместе с тем церковники и сектанты, используя предрассудки верующих, ведут религиозную обработку населения путем организации крестных ходов, специальных молений о ниспослании дождя, «обновлений» икон, «пророчеств» и т. п. с участием различных «юродивых», кликуш, «подвижников» и «святых»...

Церковники и сектанты в первую очередь стремятся использовать легальные возможности для расширения религиозной деятельности, открытия новых храмов и молитвенных домов...

В ряде областей духовенство, стремясь к наибольшему охвату населения религиозным влиянием, устраивает крестные ходы и молебны, которые приводят к массовому невыходу на работу колхозников и к срыву полевых работ...

Необходимо отметить, что со стороны представителей местной власти в некоторых случаях имеет место оказание существенной помощи церковникам в открытии церквей, мечетей и молитвенных домов, предоставлении транспорта, строительных материалов для ремонта церковных зданий и т. п.

В то же время некоторые уполномоченные Совета по делам Русской Православной Церкви и Совета по делам религиозных культов при облисполкомах в должной степени не выполняют возложенных на них функций...

В результате работы органов МГБ по выявлению и аресту антисоветского элемента среди церковников и сектантов за время с 1 января 1947 года по 1 июня 1948 года по Советскому Союзу за активную подрывную деятельность арестовано 1968 человек, из них: православных церковников – 679 человек...» [45]

Все послевоенное время шли аресты православных священников. Согласно сводному отчету ГУЛАГа на 1 октября 1949 года количество священников по всем лагерям составляло 3.523 человека, из них 1.876 священников было в Унжлаге, 521 человек – в Темниковских лагерях (Особый лагерь № 3), 266 человек – в Интинлаге (Особый лагерь № 1), остальные в Степлаге (Особый лагерь № 4) и Озерлаге (Особый лагерь № 7). Все эти лагеря принадлежали к категории лагерей каторжного режима [46].

В октябре 1948 года Председатель Совета по делам Русской Православной Церкви стал настоятельно советовать Патриарху Алексию, «продумать сумму мероприятий, ограничивающих деятельность Церкви храмом и приходом». Неоднократные попытки первоиерарха встретиться со Сталиным окончились неудачей. Стало запрещаться и то, что Церковь могла совершать в рамках своей богослужебной деятельности – крестные ходы, кроме пасхальных, поездки духовенства в населенные пункты для духовного окормления верующих, обслуживание одним священником нескольких храмов, что при отсутствии священника могло привести к их закрытию. Власти бесконечно разнообразили формы гонения на Церковь. Так в 1951 году был повышен налог, которым стали облагать отчисления притча в пользу епархии, потребовав уплаты этого налога за два предыдущих года.

Продолжался процесс закрытия храмов. На 1.01.1952 г. в стране насчитывалось 13 786 храмов, из которых 120 не действовали, так как использовались для хранения зерна. Только в Курской области в 1951 году при уборке урожая около 40 действующих храмов были засыпаны зерном. Количество священников и диаконов уменьшилось до 12 254, осталось 62 монастыря, только в 1951 г. было закрыто 8 обителей.

16 октября 1958 года Совет Министров СССР принял новые постановления, направленные против Церкви: «О монастырях в СССР» и «О налоговом обложении доходов предприятий епархиальных управлений, а так же доходов монастырей». В них предусматривалось сокращение земельных наделов и количества монастырей. 28 ноября ЦК КПСС принял постановление «О мерах по прекращению паломничества к так называемым «святым местам». Чтобы прекратить паломничества верующих к 700 учтенным властями святым местам, ими принимались самые разные меры – засыпались источники и разрушались часовни над ними, они огораживались оградами, около которых ставилась милицейская охрана, чтобы не допускать верующих. В тех случаях, когда паломничество не удавалось прекратить, арестовывались его организаторы.

К ноябрю 1959 года было закрыто 13 монастырей. Некоторые обители закрывались в течение суток. При закрытии Речульского монастыря около 200

инокинь и большое число верующих пытались воспрепятствовать этому и собрались в церковь. Милиция открыла стрельбу и убила одного из богомольцев.

Видя, какой оборот принимает новая волна преследований, Патриарх Алексей сделал попытку встретиться с первым секретарем ЦК КПСС Н. С. Хрущевым, чтобы обсудить возникшие проблемы во взаимоотношениях Церкви и государства, но эта попытка окончилась неудачей.

В 1959 году власти сняли с регистрации 364 православных общины, в 1960 – 1398. Был нанесен удар по духовным учебным заведениям. В 1958 году в 8 семинариях и 2 академиях обучалось немногим более 1200 человек на дневном отделении и более 500 – на заочном. Властями были приняты жесткие меры по недопущению молодежи в духовные учебные заведения. В октябре 1962 года Совет по делам Русской Православной Церкви сообщил ЦК КПСС, что из 560 юношей, подавших в 1961–1962 гг. заявления о приеме в семинарии, 490 их забрали, что явилось следствием «индивидуальной работы» с ними. Были закрыты Киевская, Саратовская, Ставропольская, Минская, Волынская семинарии. К осени 1964 года количество учащихся по сравнению с 1958 годом сократилось более чем вдвое. В 3 семинариях и 2 академиях обучалось 411 человек на дневном отделении и 334 на заочном.

16.03. 1961 г. Совет Министров СССР принял постановление «Об усилении контроля за выполнением законодательства о культах», предусматривавшее возможность закрытия храмов без согласования с Советом Министров союзных республик на основании только постановлений областных (краевых) исполкомов при условии согласования их решений с Советом по делам Русской Православной Церкви. В результате в 1961 году было снято с регистрации 1390 православных приходов, а в 1962 году – 1585.

В 1961 году под давлением властей Священный Синод принял постановление «О мерах по улучшению существующего строя приходской жизни», которое затем было принято Архиерейским собором. Практическое осуществление этой реформы привело к отстранению настоятеля от руководства приходской деятельностью. Руководителями всей хозяйственной жизни прихода становились старосты, чьи кандидатуры в обязательном порядке согласовывались

с исполкомами. В 1962 году был введен жесткий контроль над совершением треб – крещений, венчаний и отпеваний. Они заносились в книги с указанием фамилий, паспортных данных и адресов участников, что в иных случаях приводило к преследованиям их.

13.10.1962 г. Совет по делам Русской Православной Церкви сообщил ЦК КПСС, что с января 1960 года число церквей сократилось более чем на 30%, а монастырей почти в 2,5 раза, при этом увеличилось число жалоб на действия местных властей. Во многих случаях верующие оказывали сопротивление. В городе Клинцы Брянской области тысячная толпа верующих помешала снять кресты с недавно закрытой церкви. Для ее усмирения были вызваны дружинники и подразделения воинской части, вооруженные автоматами. В иных случаях, как, например, при попытках закрыть Почаевскую Лавру, благодаря упорному сопротивлению монахов и верующих, удалось отстоять обитель от закрытия.

6.07.1962 г. появилось два постановления ЦК КПСС, призванные к введению жестких мер для пресечения распространения религиозных идей среди детей и молодежи. Было выдвинуто предложение лишать родительских прав тех родителей, которые воспитывали детей в религиозном духе. Родителей стали вызывать в школу и в милицию, требуя от них, чтобы они не водили детей в храм, в противном случае угрожая принудительно поместить детей в интернаты.

За первые 8,5 месяцев 1963 года было снято с регистрации 310 православных общин. В том же году была закрыта Киево-Печерская Лавра. За 1961–1964 годы было осуждено по религиозным мотивам и приговорено к различным срокам заключения и ссылки 1234 человека.

К 1.01.1966 г. у Русской Православной Церкви осталось 7523 храма и 16 монастырей. К 1971 году число приходов сократилось до 7274. В 1967 году Русская Православная Церковь имела 6694 священника и 653 диакона. В 1971 году на регистрации состояло 6234 священника и 618 диаконов [47].

Таково было подлинное отношение безбожного государства к Церкви, далекое от либерализма и терпимости. Из этих десятилетий особенно жестокими были гонения первых двадцати лет, но и из них самыми беспощадными и

кровавыми были гонения 1937 и 1938 годов. Эти двадцать лет беспрестанных гонений и дали Русской Православной Церкви почти весь сонм мучеников, поставив ее по величию мученического подвига наравне с древними церквями.

Примечания

[1] Следственное дело Патриарха Тихона. Сб. док. М.–Екатеринбург. 1997. С. 15.

[2] ЦГИА. Ф. 833, оп. 1, ед. хр. 26, л. 167–168.

[3] Самарские епархиальные ведомости. 1924. № 2.

[4] Известия Екатеринбургской церкви. 1918. № 7.

[5] Петроградский церковный вестник. 1918. № 18.

[6] Религия и школа. Петроград. 1918. № 5–6. С. 336.

[7] Архивы Кремля. В 2-х кн. / Кн. 1. Политбюро и Церковь. 1922–1925 гг. М.–Новосибирск. 1997. С. 21.

[8] Шкаровский М. В. Русская Православная Церковь при Сталине и Хрущеве. М. 1999. С. 77.

[9] Протоиерей Владислав Цыпин. История Русской Церкви 1917–1997. М. 1997. С. 71–72.

[10] Архивы Кремля. В 2-х кн. / Кн. 1. Политбюро и Церковь. 1922–1925 гг. М.–Новосибирск. 1997. С. 9.

[11] Там же. Кн. 2. С. 11.

[12] Там же. Кн. 1. С. 133–134.

[13] Там же. Кн. 2. 1997. С. 51.

[14] Там же. Кн. 1. С. 141–142.

[15] Там же. Кн. 1. С. 78.

[16] Там же. Кн. 1. С. 81–82.

[17] Там же. Кн. 1. С. 162–163.

[18] Там же. Кн. 1. С. 44–45.

[19] Там же. Кн. 2. С. 185–186.

[20] Там же. Кн. 2. С. 395–400.

[21] Там же. Кн. 1. С. 99–100.

[22] Акты Святейшего Тихона, Патриарха Московского и всея России, позднейшие документы и переписка о каноническом преемстве Высшей Церковной власти 1917–1943. Сборник. Ч. 1, 2. М.: Свято-Тихоновский Богословский ин-т, 1994. С. 291.

[23] Там же. С. 420.

[24] Протоиерей Владислав Цыпин. История Русской Церкви 1917–1997. М. 1997. С. 133.

[25] Там же.

[26] Иеромонах Дамаскин (Орловский). Мученики, исповедники и подвижники благочестия Русской Православной Церкви XX столетия. Кн. 2. Тверь. 1996. С. 13.

[27] Там же. С. 350.

[28] Акты Святейшего Тихона, Патриарха Московского и всея России, позднейшие документы и переписка о каноническом преемстве Высшей Церковной власти 1917–1943. Сборник. Ч. 1, 2. М.: Свято-Тихоновский Богословский ин-т, 1994. С. 817.

[29] Иеромонах Дамаскин (Орловский). Мученики, исповедники и подвижники благочестия Русской Православной Церкви XX столетия. Кн. 2. Тверь. 1996. С. 15.

[30] АПРФ. Ф. 3, оп. 60, ед. хр. 13, л. 56–57.

[31] Там же. Л. 58.

[32] Там же. Л. 78–79.

[33] Там же. Ед. хр. 14, л. 15.

[34] Там же. Л. 12.

[35] И. Осипова. «Сквозь огонь мучений и воды слез...». М. 1998. С. 26–27.

[36] АПРФ, Ф. 3, оп. 60, ед. хр. 14, л. 34–37.

[37] Там же. Оп. 56, ед. хр. 17, л. 211–214.

[38] Там же. Оп. 60, ед. хр. 5, л. 34–35.

[39] Там же. Л. 36–37

[40] Александр Н. Яковлев. «По мощам и елей». М. 1995. С. 94–95.

[41] Там же. С. 95–96.

[42] АПРФ. Ф. 3, оп. 60, ед. хр. 1, л. 27–31.

[43] Там же. Ед. хр. 6, л. 2–6

[44] Там же. Ед. хр. 11, л. 80–82.

[45] Там же. Ед. хр. 14, л. 62–66, 68–69, 71–76, 81–84, 89.

[46] «Хотелось бы всех поименно назвать...» По материалам следственных дел и лагерных отчетов ГУЛАГа. М. 1993. С. 193.

[47] Шкаровский М. В. Русская Православная Церковь при Сталине и Хрущеве. М. 1999. С. 342–346, 363, 365, 368–369, 371, 375–379, 382, 384–385, 387, 391. Протоиерей Владислав Цыпин. История Русской Церкви 1917–1997. М. 1997. С. 417.

21.03.2008

Источник: *Региональный общественный фонд память мучеников и исповедников Русской Православной Церкви* // <http://www.fond.ru>

Игумен Дамаскин (Орловский)

**Методология и практические особенности
исследования подвига
новомучеников и исповедников Российских**

Кого Церковь прославляет во святых своих? Есть ли разница между прославлением святого в Церкви и прославлением между людьми выдающегося человека за достижения в области культуры – в широком значении этого слова, включающего в себя всю созидательную деятельность человека? Огромная разница. Во святых Церковь прославляет Бога, Божественное действие Духа Святого, в человеке люди прославляют выдающиеся таланты, служащие зачастую не Богу, а людям, не духовной стороне, а материальной.

Дух Святой может жить в человеке, если человек предоставил Ему место – очищенные от страстей тело и душу, если душа человека с ее страстями, грехами и гордостью самоупразднится, и поэтому первая ступень к возможности прихода в душу человека Божией благодати – это самоумаление человека, исполнение первой заповеди блаженства о нищете духа. Без этого невозможно приблизиться к человеку Духу Святому в рамках задачи по спасению его души. Церковь, прославляя святых, – прославляет действия Божии в мире: веру, дающую возможность устоять перед любыми испытаниями, чистоту, недостижимую для падшего человека, рассуждение, непостижимое для тленного разума, но о котором можно сказать, что этот человек имеет ум Христов, как о том писал святой апостол Павел (*1 Кор. 2:16*).

Благодатная сила, действовавшая в апостолах Павле и Варнаве, поразила в свое время язычников, жителей города Листры, так, что они, будучи непросвещенными светом Христовым, хотели им поклониться, как богам, сошедшим

с неба, принеся им венки и желая совершить в их честь жертвоприношения, — воздать им высшую славу, как понимали это язычники, как богам, пришедшим к ним в образе человеческом (*Деян. 14:11*). Но апостолы остановили безумное поклонение людей, сказав: «*Что вы это делаете? И мы подобные вам человеки...*» (*Деян. 14:15*).

Что почитает Церковь во святых своих? Их самоуничтожение, самоумаление, славоненавидение, презрение ко всему земному — от славы человеческой до пристрастия к земным удобствам и богатствам.

Что прославляем мы, когда прославляем людей как героев человеческого духа, героев и подвижников культуры? Мы прославляем человеческие таланты, служащие славе человеческой. Мы прославляем великих художников, ученых и инженеров, писателей, философов, историков, политических деятелей и военачальников за их выдающиеся таланты, действующие в земной области, развивающие эту земную область бытия, но и погибающие вместе с ней.

Человек, развивая имеющиеся у него таланты, служит ими земным людям и целям и бывает прославляем от людей за успехи в их достижении. Таланты человека зачастую и развивают земную, тленную сферу бытия. Инженер — техническую, делая условия не духовной, а материальной жизни более комфортабельными, историк пишет о земной истории, а не о небесной, философ развивает психологическую сферу помышлений, которая, по слову Писания, вся погибнет вместе с человеком: изыдет дух и возвратится в землю свою, в тот день погибнут вся помышления его (*Пс. 145:4*).

Иногда, благодаря таланту, человек начинает исследовать область демонической реальности, ибо к небесам талант человека, не очищенного от страстей, подняться не может, но вполне может приблизиться к глубинам сатанинским, развивая страсти и упражняясь в них. Тогда появляются талантливые произведения низменного свойства, развращающие человека, через них уже как бы демонические силы и аггелы бездны начинают действовать против людей, такие произведения прославляются демонами через вверившихся их темному водительству людей. Создавая талантливые произведения с выведенным в них талантливо злом, писатели призывают человека, образ и подобие Божие, под-

ражать злу и тем губить свою душу. Ибо, что мы почитаем идеалом, чему сердечно сочувствуем – тому и подражаем. Если считаем идеалом одевшегося в привлекательные одежды, как бы ангела света, зло, то будем подражать злу. Если считаем идеалом для себя жизнь святых, то будем подражать им. Именно поэтому современное общество, далеко ушедшее от христианских представлений, не слишком стремится прославлять святых, так как идеал святого – является ли он прославленным Церковью преподобным или мучеником – это самозамаление святого человека, самоунижение и самоупражнение, с чем современный человек чаще всего и бывает не согласен, ибо любит и ценит больше всего свое «я». Любишь святого? Воздаешь ему славу? Самоупражнись и смирись сам. Хочешь быть героем человеческой истории – развивай свои человеческие начала, ибо история Божия – а это в новое время после Пятидесятницы история Церкви в лице ее святых и история человеческая – это две разные истории, имеющие такие же различные законы и правила, как сфера духовная и душевная, и последняя хотя и имеет самостоятельную ценность, но проникнуть в сферу духовную не может. Также духовное не может обрести в душе человека место, если не потеснит душевное.

Справедливо славна бывает история великого полководца, одержавшего множество побед и послужившего земному Отечеству, и потому члены земного Отечества заслуженно прославляют его, ставят ему памятники и воспевают его подвиги и заслуги в произведениях искусства. Но чтобы быть прославленным Церковью, для этого нужно, прежде всего, иметь своей целью служение Отечеству Небесному, искать прежде всего Царства Божьего, чтобы все остальное, если то будет Богу угодно, явилось всего лишь приложением к этому главному. Недостаточно быть всего лишь добропорядочным, христиански настроенным человеком и просить, чтобы Господь помог одержать победу над врагом, чтобы это исполнилось, ибо в этом случае мы призываем Бога Небесного и Вечного служить земному и временному. Нужно, чтобы человек избрал это Небесное центром своей жизни. Из многих выдающихся военачальников только один был таким, кто выбрал главным в жизни путь в Царство Небесное и личное спасение, – это прославленный Церковью праведный Феодор (Ушаков), адмирал, ис-

кавший спасения, благочестия, вечности, шедший к ним путем исполнения заповедей Христовых. Все остальное в виде блистательных и чудесных побед явилось всего лишь приложением к этому главному. Столь ценна в глазах Божиих душа человеческая, что этой благочестивой душе Господь не только даровал победы, но также и благопоспешение всем его подчиненным, и как даровал ради апостола Павла жизнь всем его спутникам, так и ни один из подчиненных праведного Феодора не был пленен. Святой праведный Феодор Ушаков – это и образец, и исключение, кто стяжал победы на поприще воинском не своим талантом, а силой креста, распинающего плотские и душевные страсти.

Как из выдающихся деятелей очень мало прославленных святых, так и из убитых в XX веке – много пострадавших, но мало мучеников за Христа. Христианский образец на все времена остается один и тот же, и не внешние обстоятельства жизни важны, даже и такие как насильственная смерть во время гонений, а внутренняя жизнь христианина, его праведность в очевидном и ясном выражении заповедей Господних: *«не убивай; не прелюбодействуй; не кради; не лжесвидетельствуй...»* (Мф. 19:18), *«ни блудники, ни идолослужители, ни прелюбодеи, ни малакии, ни мужеложники, ни воры, ни лихоимцы, ни пьяницы, ни злоречивые, ни хищники – Царства Божия не наследуют»* (1 Кор. 6:9-10).

Этот внутренний образ человека и исследуется при изучении материалов, касающихся как преподобных, так и мучеников, по мере того, что открывает Господь. В случае преподобных принцип изучения что раньше, что сейчас остается неизменным, но в случае мучеников древней Церкви и новомучеников XX века есть существенная разница: одно дело язычник, придя ко Христу и тут же исповедуя веру Христову, мученически умирает, а другое дело христианин XX столетия, от младенчества живший в лоне Церкви, имевший возможность пользоваться всеми благодатными ее Таинствами и прежде всего – покаяния и приобщения Тела и Крови Христовых, но пренебрегавший этими средствами, живший крайне нерадиво и в практических поступках своей жизни тем самым отказывающийся от Царства Небесного. Может ли таковой быть наследником жизни вечной лишь по одному факту его насильственной смерти, и не окажется

ли положение такого пренебрегателя верой Христовой хуже, чем положение и не пришедшего ко Христу, ибо *«кто знал волю господина своего, и не был готов, и не делал по воле его бит будет много, а который не знал и сделал достойное наказания, бит будет меньше»* (Лк. 12:47-48)? Если прелюбодеи или лихоимцы, или хищники, или лжесвидетели, или пьяницы, или посягающие на чужое в силу формальной принадлежности их к церковному обществу будут убиты, будут ли они наследниками жизни вечной, а тем более образцами для христианина? Наоборот, не в самом ли факте их смерти не только не будут образцом, но соблазном, как бы при богоотступнической их жизни показывая безразличие и пренебрежение к заповедям Господним. Одно дело разбойник, познающий на кресте Христа, и другое христиан, по жизни и душе ставший «разбойником», но погибающий насильственной смертью.

Потому-то и важен для прославления святых новомучеников не только факт насильственной смерти, но и устройство их внутреннего мира. Для этого необходима полнота не только всех архивно-следственных дел, но и всех дел, например, связанных с закрытием храма: как вел себя тогда человек при закрытии храма и какую христианскую позицию занимал, и был ли тайным соучастником закрытия; был ли человек осведомителем, то есть тайным по внешности, но явным по греху предателем Церкви, и, в конце концов, был ли нарушителем заповедей Господних. Частью такие свидетельства находятся в самих делах, частью о них можно узнать косвенно (например, архиепископ Ярославский Павел (Борисовский), будучи арестован в 1929 году с группой духовенства, согласился быть осведомителем и был освобожден, что, однако, не помешало НКВД расстрелять его в 1938 году); важно и то – принадлежал ли человек к Православной Церкви и не был ли обновленцем или григорианцем, о чем не всегда есть сведения в архивно-следственных делах. Для выявления этих фактов требуется долгое и кропотливое изучение всей жизни человека, чтобы не оставался неизученным ни один из ее периодов. Очень важны обстоятельства кончины мученика, потому что нередко бывало, что перед самой его кончиной, в концлагере, власти начинали новое дело, во время которого человек проявлял малодушие. Или, выдержав мужественно следствие и оказавшись в заключении, об-

наруживал в такой степени малодушие и уныние, которые характеризуют уже не минутную слабость, а едва ли не отречение от Христа. (Как мужественно державшаяся в тюрьме во время следствия Татьяна Стогова, помощница епископа Игнатия (Садковского), впоследствии выразившая даже сожаление о своей связи с Церковью; псаломщик Владимир Беневоленский, написавший из заключения в прошении о помиловании, что служение его в храме псаломщиком было ошибкой, или староста Михаил Глухов, чьи письма из заключения пронизаны в такой степени унынием, которое уже показывает непонимание им, что такое страдание за Христа.)

Шарлатанство, мошенничество, попытки нажиться на простодушии людей, столь распространенные в мире, имели место и в религиозной среде тех лет, отнюдь не вынесенной за скобки мирского. Несмотря на гонения, всегда находилось достаточно людей, не брезговавших мошенничеством и выдававших себя за юродивых, за людей, творивших чудеса, или за царских детей. Естественно, что НКВД арестовывал их как православных, и не так уж бывает и видно из материалов дела, кто был человек на самом деле.

Одним из критериев рассмотрения материалов о новомучениках является безупречность поведения исповедника на следствии, то есть то, что он не оговаривал ни себя, ни других. Себя – потому что в данном случае он оговаривает себя ни в каких-то моральных просчетах и недостатках, а как члена Православной Церкви в несуществующей антигосударственной деятельности; ни тем более других, так как, оговаривая других, он юридически обосновывает для следствия их обвинение. Знакомясь с архивно-следственными делами, мы однако зачастую не знаем – не оговаривает человек себя или других из нравственно-религиозных ли установок, имея страх Божий и опасаясь нарушить заповеди Господни, или из соображений практических, понимая, что признание себя виновным автоматически может повлечь, несмотря на все заверения следователя, осуждение, а признание виновными других – дальнейшие расспросы и перенесение пунктов обвинения на самого дающего подробные показания. Одна из важнейших проблем при исследовании материалов о новомучениках та, что, бывает, обвиняемый в своем деле не признает себя виновным, но привлеченный

свидетелем по делам других лиц проявляет малодушие и выступает лжесвидетелем; причем о наличии таковых показаний мы даже и не подозреваем, и не сможем найти ни по каким картотекам, ибо картотек имен свидетелей не существует. Именно поэтому для принятия взвешенного решения требуется просмотр и изучение всех вообще архивно-следственных дел, то есть всего архивно-следственного фонда той или иной области.

Важно выяснение того, что именно составляло нравственное и духовное содержание жизни человека, его религиозно-нравственная мотивация. Недостаточно принадлежать к социальной категории священнослужителей, чтобы насильственную смерть интерпретировать как смерть за Христа. Главным всегда был и остается внутренний настрой души человека, его жизненная позиция, то внутреннее сокровище, которому человек служит, в какую бы внешнюю форму он не облакался.

Бывший викарий Рязанской епархии, епископ Михайловский Исидор (Колоколов) за противоправные в гражданском и нравственном отношении действия был в 1916 году лишен викариатства и жил не запрещенным в священнослужении в Трифоновом монастыре в Вятке, где и застали его революционные события, когда большевики пришли к власти. Он был ими арестован и 19 августа 1918 года приговорен к расстрелу; он не признал себя виновным в контрреволюционной деятельности, то есть с формальной стороны себя не оговорил, и был расстрелян. Но при этом он до конца своей жизни, до самого ареста не изменил своего образа жизни, жизненные его приоритеты по-прежнему оставались за пределами заповедей Христовых, и насильственная, принятая от большевиков кончина никоим образом не может превратить его в образец христианской жизни и мученичества, ибо только хорошо служившие готовят себе высшую степень и великое дерзновение в вере во Христа Иисуса (*1 Тим. 3:13*). Для историка Церкви его биография выразится в перечне служебных назначений, перемещений, наград и прещений. Но в том случае, когда речь идет о прославлении убитого, неизбежно исследуется нравственная сторона его жизни, насколько она соответствует христианскому образцу и образу святых, какие нам известны.

В некоторых случаях буквально сбывается слово Христово, сказанное Им к преддверию Своего пришествия, но имеющее значение при всяком неожиданном нашествии на людей бедствия, уносящем иногда жизни десятков тысяч людей, застающем одних готовыми к восприятию вечной жизни, а других нет. *«Как во дни перед потопом ели, пили, женились и выходили замуж до того дня, пока не пришел потоп и не истребил всех, – так будет и пришествие Сына Человеческого; тогда будут двое на поле: один берется, а другой оставляется; две мелющие в жерновах: одна берется, а другая оставляется»* (Мф. 24:37-41).

В один и тот же день, 6 июля 1919 года, были расстреляны архиепископ Астраханский Митрофан (Краснопольский) и его викарий, запрещенный ко дню расстрела в священнослужении, епископ Леонтий (Вимпфен). Имея далекие от христианства жизненные установки, епископ Леонтий произвел множество беспорядочных действий в епархиях, где служил, а также и в Астраханской: им, в угоду безбожной светской власти, был сделан ряд публичных заявлений против правящего архиерея. Если бы только одна насильственная смерть могла освятить человека, поставить его образцом святого мученичества, то можно было бы только на основании факта насильственной смерти включить имя епископа Леонтия в Собор новомучеников и исповедников Российских, но от насильственной смерти в эту эпоху погибали и жившие праведно и проводившие незаконную жизнь, и трудившиеся для Церкви и воевавшие с ней, и бывшие орудием ее расстройств и причиной смущения народа Божия. И потому один факт насильственной смерти не имеет для принятия решения определяющего значения, но важно, какую жизнь – христианскую или антихристианскую – проводил человек. И здесь, повторяем, несостоятельна аналогия с древними христианами, приходившими в Церковь и часто принимавшими мученическую смерть под влиянием лицемерия подвига мучеников: они, будучи язычниками, уходили от язычества к Христу, в отличие от христиан начала XX века, которые, бывало, в течение всей земной жизни от Христа уходили.

До революции 1917 года немало было случаев, когда люди, формально принадлежавшие к Православной Церкви, проводили жизнь как не принадлежавшие к ней; апостол Петр пишет о таковых: *«Если, избегши скверн мира сего*

через познание Господа и Спасителя нашего Иисуса Христа, опять запутываются в них и побеждаются ими, то последнее бывает для таковых хуже первого. Лучше бы им не познать пути правды, нежели познавши возвратиться назад от преданной им святой заповеди» (2 Пет. 2:20-21).

В XIX – начале XX вв. приход многих в церковный клир в значительной степени был обусловлен социальным происхождением. Духовное образование в семинарии в конце XIX – начале XX столетия зачастую связывалось в сознании получающего его не с намерением служить Христу и Его Святой Церкви, а с приобретением социальных преимуществ. В духовную семинарию часто шли, по выражению святителя Димитрия Ростовского, не для Иисуса, а ради хлеба куса[1]. Как бы ни было материально тяжело жить священнику и его семье в начале XX в., но все же значительно лучше, чем большей части крестьянства, т. е. основному населению страны, вынужденному добывать хлеб насущный тяжелым физическим трудом. Отсюда и нерелигиозный, а зачастую и антирелигиозный настрой учащихся духовных семинарий, бунты в семинариях в годы, предшествующие революции, массовый уход окончивших семинарии в светские учебные заведения, получение светских профессий и вообще уход из Церкви, так как семинария в данном случае для многих оказывалась всего лишь ступенькой для устройства материального положения в жизни. Не все ищущие материального, однако, уходили из церковной организации, которая в любом случае давала некоторые преимущества, но почти все из таковых достаточно легко вступали с первых же лет и даже месяцев советской власти в негласное сотрудничество с ней, послужив основой для формирования обновленческих и григорианских организаций, едва ли не полностью захвативших иные епархии. Причем эти люди оставались при любой власти при одних и тех же приоритетах и ценностях – служение не Христу и Христовой Церкви, а устройство своего материального благополучия. Именно по этой причине невозможно бывает оценить человека как ревностного христианина лишь по причине его социальной принадлежности к духовному сословию. Поэтому и требуется скрупулезное изучение жизни мученика, который от младенчества все получил – но возможно и все растерял. Именно поэтому, еще до наступления эпохи революци-

онного насилия, жизнь во многих приходах и монастырях в нравственном отношении была далеко не на высоте; и когда после революционного переворота в монастырях стали устраиваться бунты и настоятелей, как, например, Санаксарского, преподобноисповедника Александра, братия заключила под стражу, это было всего лишь внешним выражением внутреннего настроения братии.

Архивно-следственное дело показывает зачастую только эпизод жизни мученика, может быть, и важный, но слишком малый для определения его исповеднического подвига. В древней Церкви период ожесточенных гонений был всегда достаточно кратким, и хотя Церковь и не признавалась языческим государством, но жила в периоды между гонениями более или менее мирно; в советское время гонения не прекращались ни на один год, лишь время от времени доходя до большей жестокости, и потому живший в XX веке исповедник испытывал давление государства во всей его мощи в течение всей жизни. И потому бывало, что устоявший во время гонений в двадцатые годы падал в тридцатые, а устоявший в те и другие проявлял малодушие в сороковые годы. Если жизнь обычного человека достаточно сложна и противоречива и один и тот же человек в зависимости от перемены внутренней позиции может совершать поступки прямо противоположные, то тем более сложна жизнь христианского исповедника, находящегося не только под давлением своих внутренних искушений, но и антихристианского государственного аппарата.

Насильственная смерть человека, принадлежавшего к духовному сословию и не согласившегося идти во время следствия на лжесвидетельства, далеко еще не достаточна для суждения о его исповедничестве. Священник Московской епархии, служивший в Якиманской церкви, бывшей тогда соборной в городе Можайске, протоиерей Кирилл Чмель был арестован в 1937 году. На допросах он не оговорил ни себя, ни других. Он был приговорен к расстрелу, и 27 декабря 1937 года расстрелян на полигоне Бутово под Москвой. Если только оставаться в рамках этих сведений, то можно было бы включить его имя в Собор новомучеников и исповедников Российских.

Однако, при более подробном изучении его биографии, ситуация окажется иной. Протоиерей Кирилл Чмель, 1879 г.р., с 1910 года служил псаломщиком

в Успенском храме города Серпухова. В 1916 году рукоположен во диакона к этой же церкви. Но в 1922 году вдруг неожиданно перешел в Полтавскую епархию, где назначен только что хиротонисанным во епископа Лубенского Преосвященным Григорием (Лисовским) диаконом в собор. В 1923 году епископ Григорий был возведен в сан архиепископа и назначен в Полтаву. В том же году епископом Лубенским Феофилом (Булдовским) был учинен раскол. В 1925 году, уже после того как епископ Феофил был лишен сана и отлучен от Церкви (что произошло в 1924 году, и сам раскол стал называться Лубенским), диакон Кирилл был рукоположен им во священника, служил в его подчинении и в 1930 году был награжден им наперсным крестом, и находился в расколе до самого перехода в Московскую епархию, что случилось в 1933 году. В послужном списке он, однако, отрицал принадлежность к Лубенскому расколу, называя себя принадлежащим к ориентации Собора православных епископов Украинской Церкви с 1925 по 1932 год, и объяснял, что находился там по независимым от него лично обстоятельствам. Но независимыми обстоятельствами, которые воспринимались им как факт объективной и неоспоримой действительности, могла быть только служба в органах НКВД, перемещающего своего сотрудника с одного места на другое, но не гарантирующего его в то время от расстрела.

В советское время одной из форм борьбы государства с Церковью была вербовка под нажимом НКВД осведомителей, должных не только собирать информацию о происходящем в Церкви и передавать ее в НКВД, но и проводить внутри Церкви разрушительные мероприятия по указанию того же НКВД. Это ставит весьма сложные проблемы перед исследователями, так как НКВД старался скрыть своих сотрудников и не во всех случаях привлекал их в качестве свидетелей, чтобы не обнаружить их. По одним только материалам допросов не всегда возможно судить об истинном положении человека – исповедник он или предатель.

В октябре 1937 года в городе Козельске вместе с группой монахов закрытой к тому времени Оптиной пустыни был арестован послушник Тихон Плетнев, живший в Оптиной с 1912 года. На следствии он рассказал лишь о том, что действительно знал оптинских монахов и кого именно; при этом он никого не

оговорил, также не оговорил и себя; против него, как и против других, как это водилось тогда, дали показания штатные свидетели, что было вполне достаточно для вынесения приговора. Всего по делу обвинялось 12 человек. 11 человек были приговорены к расстрелу и 5 декабря 1937 года расстреляны. Тихон Плетнев и после их расстрела продолжал сидеть в смоленской тюрьме без вынесения приговора, и только 4 января 1939 года власти приняли постановление о его освобождении за отсутствием «материалов о привлечении его к судебной ответственности», а также учитывая «его болезненное состояние (паралич левой половины тела)»[2]. Если исходить из общих знаний об истории того времени, что после расстрела наркома НКВД Ежова на его место пришел Берия и начался пересмотр некоторых дел, мы могли бы сделать вывод, что послушнику Тихону повезло, он дождался времени некоторого восстановления справедливости и был освобожден. И лишь изучив тысячи дел, можно сказать с уверенностью, что так не бывало никогда, и он был всего лишь секретным сотрудником НКВД, который и поручил ему не только давать сведения о монахах еще до их ареста, но и быть с ними в камере, в некотором роде сопровождать их в последний путь, и в то же время фактом своего ареста и безупречными показаниями на следствии отвести от себя всякие подозрения в предательстве. Однако разница между исповедническим подвигом и систематическим предательством слишком велика, чтобы целиком опереться на скудные положительные данные следственных материалов, оставляя в неизвестности те или иные периоды жизни человека. Отсюда также следует, что необходимо изучение всего комплекса архивно-следственных дел тех областей, где человек арестовывался, и проведение сравнительного анализа на основании всех выявленных фактов на предмет возможного сотрудничества арестованного с НКВД в 1920-1940-х годах, эпохи по преимуществу и являющейся предметом исследования материалов о новомучениках.

Каковы причины, по которым люди подписывают протоколы следствия со лжесвидетельствами? Чаще всего это облеченное в различные оправдательные формулировки малодушие. Далее вслед за подписанным лжесвидетельством и приговором к расстрелу начинается период жизни, который полностью

закрыт от церковного исследования, в отличие от того, как это было в древности, когда судебный процесс и казнь зачастую были публичными. В XX веке они стали (за немногими исключениями 1918 года) закрытыми, а все происходящее во время них тщательно скрываемым. В случае лжесвидетельства против себя или других, человек, приговоренный к расстрелу, переживает по преимуществу одно из двух состояний – величайшее, переворачивающее всю его душу покаяние или глубочайшее, переходящее в отчаяние уныние – во образ Петрова покаяния или Иудина уныния и зловерия. Целомудренное закрытие этого последнего момента в жизни новомучеников останавливает наше знание о них на протоколах допросов, на чем лежит последний отпечаток их личности – в каком бы состоянии внутреннем или положении внешнем эта личность ни находилась.

Во всех случаях, когда мы пишем или рассуждаем о человеке, мы оказываемся в рамках заповеди Христовой о любви к ближнему, стараясь не осудить, чтобы не погрешить. Когда пишется историческое исследование, то главным оказывается научная добросовестность исследователя, отсутствие искажений в угоду тем или иным конъюнктурным соображениям, и искажение исследования и является в данном случае нарушением заповеди Христовой по отношению к ближним, которыми станут просвещенные или введенные в заблуждение предлагаемым им исследованием читатели. Но, когда исследуются материалы о подвижниках, мучениках или исповедниках и их подвиг как образец христианского служения, то главным становится ненанесение вреда Церкви; и тут совершенно отмечается принцип необсуждения того или иного не вполне достойного поступка подвижника или исповедника, потому что тут речь идет уже не о нравственной безупречности или недостатках того или иного человека, а о неповрежденности церковного предания; здесь личность подвижника или мученика – христианский образец поведения, поэтому и рассматриваются не только факты страдания христианина, но и все эпизоды его жизни.

Церковный исследователь как христианин не осуждает, но как исследователь вынужден изучать все до конца, и как исследующий личность, которая должна быть образцом, исследует ее и со стороны отрицательной, рассматривая

особенно пристально свойства души и поступки человека, отступающие от христианского идеала, чтобы неправым образом не нанести вреда народу Божию. Прославление во святых новомучеников не является посмертной наградой пострадавшим, как бывает посмертная награда воинам, ибо все умершие до нас, при каких бы обстоятельствах они ни скончались, ни в каких наградах не нуждаются, но это прославление тех, кто является для нас и грядущих поколений верующих людей образцами. Ибо сама по себе насильственная смерть еще ничего не значит, ибо кроме нее есть христианское содержание жизни человека, по выражению апостола Павла, если и тело отдам на сожжение, а любви не имею, то нет мне в этом никакой пользы и я ничто (*1 Кор. 13:3*).

Во все времена, вне зависимости от территориальной обширности Поместной Церкви и ее численности, Церковь всегда была малым стадом, и всегда не так уж много было людей, имеющих евангельскую соль, великих подвижников; мучеников было несколько больше, чем преподобных и праведных, так как в данном случае Сам Господь содействовал умножением скорбей подвигу человека, но все же много меньше, чем вообще пострадавших людей, как их определяла когда-то гражданская власть, «православного исповедания». Если бы не так, то Россия не оказалась бы во власти безбожия в начале XX столетия, и Церковь не подверглась бы столь ожесточенным гонениям, ибо будят остном лишь того, кто глубоко спит.

Одним из существенных моментов при изучении материалов о новомучениках, и в особенности об исповедниках, есть свидетельства живущих людей. Здесь можно с определенностью сказать, что достоверные показания свидетелей-очевидцев о событиях 1918-1938 годов по причине их естественного возрастного предела завершаются 1988-1998 годами, за некоторыми единичными исключениями. Все свидетельства за пределами этой даты имеют малодостоверный характер, и на них по существу невозможно опираться.

Возникают проблемы и в области свидетельства о жизни исповедника, когда основным источником становится свидетельство о самом себе, которое может оказаться весьма отличающимся от действительности, подтверждаемой многочисленными и независимыми друг от друга документами, как в случае с

иеросхимонахом Сампсоном (Сиверсом)[3]. Или когда о подвижнице свидетельствует человек посторонний, как в случае рассказа З.В. Ждановой о блаженной Матроне, когда она пишет, что блаженная Матрона «часто нам показывала в лицах, что происходит и что произойдет... «Сначала уберут Сталина, потом после него будут правители один хуже другого... И появится в то время Михаил, – ручки подняла кверху, приложила руку к сердцу и голове, – вот какой будет! Захочет он помочь, все изменить, перевернуть... Но если бы он только знал, что ничего изменить ему не удастся и что он за это поплатится, его убьют – он ни за что за это не взялся бы! Начнутся смуты... распри... пойдут одна партия на другую... будут ходить по домам, спрашивать: за кого? Будет резня» и т.д.[4] Комментаторы, отмечая расхождение литературного образа с реальной действительностью, пишут, что «это предсказание не относится к М.С. Горбачеву»[5]. Между тем «предсказание» является всего лишь, по собственному признанию, сделанному под давлением голоса совести, авторским вымыслом так называемого свидетеля, что приносит явный вред уже Церкви, вводя в заблуждение верующих, повреждая церковное предание и плодя мифологические схемы с попыткой опереться на авторитет святых.

Большая часть свидетелей, которая делится рассказами о давно минувших днях из жизни семьи, в которой был мученик или исповедник, рассказывают о том, что находится за пределами возраста и их сознательного восприятия давно ушедшей действительности. Имея определенную цель и представление, каким должен быть образ добросовестного пастыря или исповедника, они составляют мифический образ святого, который имеется в их или в общественном сознании, невольно являясь в данном вопросе недобросовестными свидетелями. Одна из проблем исследования жизни исповедников и новомучеников та, что свидетелями часто выступают потомки, которые не жили во дни своих дедов и отцов, а если детство их и проходило тогда, то их сознание в то время оставалось за пределами внутренней и внешней жизни исповедника. Могут ли они быть совершенно достоверными свидетелями, почти ничего не зная о внутренней и внешней жизни своих отцов и дедов? Конечно, нет. Когда-то свидетельства об имеющих важное значение событиях принимались под присягой – имеющей,

разумеется, значение только для верующего человека, – но и тогда человек мог взять на душу грех лжесвидетельства, тем более это может происходить сейчас, когда человек руководствуется своими легко меняющимися настроениями.

Необходимость в каждом случае полного исследования о новомученике, с учетом психологических особенностей человека XX столетия, его нравственной, духовной изломанности, неоднократно проявлявшейся в его формальной принадлежности к Церкви и при этом ведущего жизнь, не имеющую ничего общего с христианской, и даже, подобно обновленцам, воюющего против Церкви, делает первостепенно важным полное изучение всех историко-архивных материалов, которое может быть достигнуто лишь при открытии всех фондов секретных служб ЧК-ОГПУ-НКВД за 1918-1940 годы. Насущным изучение подобного рода дел в настоящее время является еще и потому, что если в 1990-е годы в архивно-следственных делах еще встречалась часть документов о деятельности секретных сотрудников, то в 2000-е годы такие документы стали изыматься до попадания архивных материалов в руки исследователей, и таким образом ценность архивно-следственных дел, с точки зрения полноты исследования мученического и исповеднического подвига на предмет включения имен в Собор новомучеников и исповедников Российских, сводится ныне почти к нулю, так как остающийся нераскрытым вопрос о сотрудничестве с безбожными властями, а также и о выступлении лжесвидетелями по делам других лиц оставляет неизученными существеннейшие стороны внутренней жизни предполагаемого исповедника.

Примечания

[1] Сочинение святого Димитрия, митрополита Ростовского. Т. 2. 4-е изд. М., 1827. С. 193.

[2] УФСБ России по Калужской обл. Д. П-12918. Л. 191.

[3] Журнал «Отечественные архивы». 2005. № 4. С. 100-114.

[4] О жизни и чудесах блаженной Матроны. М., 1988. С. 52-53.

[5] Там же. С. 52.

Доклад на Конференции «Прославление и почитание святых» в рамках XVII Международных Рождественских образовательных чтений

17 февраля 2009 года

Источник: Региональный общественный фонд память мучеников и исповедников Русской Православной Церкви // <http://www.fond.ru>

Архиепископ Лука (Войно-Ясенецкий) в период репрессий

Архиепископ Лука (Войно-Ясенецкий) принадлежал к тем редким, исключительно значимым для народа людям, которые не могут делать что-то лишь для себя, ограничиться деланием того, что лично им нравится, для них долг служения ближним – не пустые слова, и потому они в своей деятельности занимаются не чем попало, не идут вслед случайного выбора, не строят на чужом фундаменте, но стараются найти то, что необходимо сделать сейчас и что полезно для всего общества. Это – строители, делатели, выходящие на ниву по призыву Господа, одни – сеять, другие, входя в их труд, – жать.

В 1921 году Валентин Феликсович был рукоположен во священника, в 1923 году он был пострижен в монашество в память апостола и евангелиста, врача и иконописца Луки.

31 мая 1923 года, иеромонах Лука был рукоположен во епископа.

Первую архиерейскую службу владыка совершил в воскресенье 3 июня в день святых равноапостольных Константина и Елены.

Через неделю епископ Лука отслужил воскресную всенощную и, придя домой, принялся читать правило ко святому причащению. В одиннадцать часов вечера раздался стук в дверь и вошедшие сотрудники ОГПУ объявили ему, что он арестован.

Посадив епископа в подвал ОГПУ, следователи стали допрашивать его, спрашивая иной раз о знакомстве с такими людьми, о которых он до сего времени даже не слышал. Наконец его вызвали к высокопоставленному сотруднику ОГПУ, который стал расспрашивать владыку о его политических взглядах и отношении к советской власти. Услышав, что епископ всегда придерживался демократических взглядов, он спросил его:

– Так кто же вы – друг наш или враг наш?

– И друг ваш и враг ваш, – ответил епископ. – Если бы я не был христианином, то, вероятно, стал бы коммунистом. Но вы воздвигли гонение на христианство, и потому, конечно, я не друг ваш.

В начале зимы 1923 года епископ Лука с этапом заключенных был отправлен в ссылку в Сибирь.

В январе 1926 года епископ Лука вернулся в Ташкент.

Отслужив литургию 6 мая 1930 года, владыка вдруг почувствовал, что его в этот день арестуют, и вечером этого дня он действительно был арестован. Внешним поводом для обвинения епископа послужила записка, данная им жене покончившего самоубийством профессора Михайловского, в которой епископ свидетельствовал, что «профессор Михайловский покончил жизнь самоубийством в состоянии несомненной душевной болезни, которой он страдал более двух лет»[1].

Во время допросов епископу стало ясно, что следователи арестовали его и выдвинули против него нелепое обвинение, чтобы добиться от него снятия сана. Епископ Лука в ответ на это объявил голодовку протеста и был отправлен в тюремную больницу, откуда 16 июля 1930 года направил письмо полномочному представителю ОГПУ по Средней Азии.

В ответ на это заявление владыки, на восьмой день голодовки, к нему явился злой и лживый руководитель ОГПУ и объявил:

– Я заместитель начальника Средне-Азиатского ОГПУ. Мы очень считаемся с вашей двойной популярностью – крупного хирурга и епископа. Никак не можем допустить продолжения вашей голодовки. Даю вам честное слово политического деятеля, что вы будете освобождены, если прекратите голодовку.

Епископ молчал.

– Что же вы молчите? Вы не верите мне?

– Вы знаете, что я христианин, а закон Христов велит нам ни о ком не думать дурно. Хорошо, я поверю вам, – сказал епископ и прекратил голодовку.

Но его, конечно, не освободили, и через три дня он возобновил голодовку, продолжавшуюся еще две недели.

Во время голодовки епископ направил 23 июля 1930 года новое письмо в ОГПУ.

15 мая 1931 года Особое Совещание при Коллегии ОГПУ приговорило епископа Луку к ссылке в Северный край на три года, причем все остальные, привлекавшиеся по этому делу, не исключая жены профессора, обвинявшейся в убийстве, были освобождены.

По возвращении в Архангельск епископ Лука был вызван в Москву, где в течение трех недель особоуполномоченный ОГПУ каждый день подолгу беседовал с ним под предлогом того, что ему поручено изучить ташкентское дело, так как начальство в Москве уверено в невинности епископа по этому делу и в несостоятельности предъявленного ему обвинения. В действительности же лукавый совратитель человеческих душ исподволь изучал святителя, беспрестанно ему льстил и превозносил до небес как хирурга, обещал предоставить ему хирургическую кафедру в Москве, как бы невзначай подводя к тому, что для этого надо отказаться от священнослужения.

Медовые речи дьявольского искуителя, сладким ручейком вливаясь в сердце святителя, отравляли его своим ядом; пристрастие к хирургии под влиянием льстивых речей все более укреплялось в сердце, занятие хирургией стало казаться делом самым нужным и самым существенным, все менее хотелось от него отрываться, словно какой духовный сон начинал сковывать и оплетать смертною паутиною душу, – и он в конце концов написал властям заявление: «Я не у дел как архиерей и состою на покое. При нынешних условиях не считаю возможным продолжать служение, и потому, если мой священный сан этому не препятствует, я хотел бы получить возможность работать по хирургии. Однако сана епископа я никогда не сниму»^[2].

Копию этого заявления он отправил заместителю Местоблюстителя митрополиту Сергию (Страгородскому). Однако, епископа после этого заявления не только не освободили, как он надеялся, но вернули в Архангельск, увеличив срок еще на полгода, предполагая усилением репрессий все же добиться от него снятия сана.

В конце 1933 года епископ Лука был освобожден и вернулся в Москву.

«В 1937 году начался страшный для Святой Церкви период... – вспоминал владыка, – начались массовые аресты духовенства и всех, кого подозревали во вражде к советской власти»[3].

Епископ Лука был арестован 24 июля 1937 года и заключен в ташкентскую тюрьму. Тогда же были арестованы архиепископ Ташкентский Борис (Шипулин), протоиерей Михаил Андреев, протодиакон Иван Середа и священники кладбищенской церкви Ташкента. Все они обвинялись в участии в контрреволюционной церковно-монархической организации и шпионской деятельности. По делу, по которому был привлечен владыка, проходило еще три человека во главе с архиепископом Борисом (Шипулиным); скоро все они стали себя оговаривать. Владыка, однако, отказался лжесвидетельствовать.

В Москве руководство НКВД было недоволено результатами ташкентского следствия, и к владыке был применен следственный конвейер. Однажды во время допроса следователь, ведший допрос, утомившись, заснул; его разбудил вошедший в кабинет начальник Секретного отдела. В отместку за допущенную им оплошность следователь стал со злобой бить жестким носком кожаного сапога по ногам епископа.

«Вскоре после этого, – вспоминал владыка, – когда я уже был измучен конвейерным допросом и сидел, низко опустив голову, я увидел, что против меня стояли три главных чекиста и наблюдали за мной»[4].

В этот день они выписали постановление о заключении его в карцер на десять суток, написав, что он, несмотря на то, что «достаточно изобличен в участии в контрреволюционной церковно-монашеской организации и шпионской работе в пользу иностранного государства... не отвечает на вопросы следователя, ведет себя грубо, вызываясь, делает оскорбительные выпады допрашивающему, наносит контрреволюционную клевету органам НКВД»[5].

«По их приказу меня отвели в подвал НКВД, – вспоминал владыка, – и посадили в очень тесный карцер... В подвале, в карцере меня мучили несколько дней в очень тяжелых условиях»[6].

В знак протеста владыка с 18 ноября объявил голодовку.

20 февраля 1939 года следственный отдел НКВД в пятый раз выписал постановление о продлении срока ведения следствия по его делу.

15 мая 1939 года было вынесено постановление по «делу» епископа, в котором повторялись все предыдущие формулировки обвинения и предлагалось: «вследствие того, что основные свидетели по данному делу... в 1937–1938 годах осуждены к высшей мере наказания, настоящее дело для слушания в Военный трибунал направлено быть не может... следственное дело... направить для разбора на Особое Совещание при НКВД СССР»[7].

13 февраля 1940 года Особое Совещание при НКВД приговорило епископа Луку к пяти годам ссылки в Красноярский край, и 29 февраля он был отправлен в Красноярский край в село Большая Мурта, где стал работать врачом в местной больнице; здесь он подготовил ко второму изданию свою книгу «Очерки гнойной хирургии». Храм в селе был взорван, и владыка ходил молиться в ближайшую рощу, ставя на пенек складную иконку.

22 июня 1941 года началась Великая Отечественная война; немцы быстро продвигались по территории России, и в глубоком тылу стали организовываться огромные госпитали, в частности, в Красноярске были устроены десятки госпиталей, рассчитанные на десять тысяч коек. Епископ предложил властям свою помощь в качестве хирурга и в октябре 1941 года был назначен консультантом всех красноярских госпиталей.

Владыка знал каждого своего больного в лицо, знал его имя, фамилию, держал в памяти все подробности операции и послеоперационного периода; он говорил своим коллегам-врачам: «Для хирурга не должно быть “случая”, а только живой страдающий человек»[8].

Летом 1942 года окончился срок ссылки и епископ Лука был возведен в сан архиепископа.

27 декабря 1942 года митрополит Сергей направил относительно архиепископа Луки указ: «...не отрывая его от работы в военных госпиталях по его специальности, поручить управление Красноярской епархией с титулом архиепископа Красноярского»[9].

5 февраля 1944 года архиепископ Лука направил Патриарху Сергию обширный доклад о положении дел в Красноярской епархии. «Когда я прибыл в ссылку в Красноярский край в апреле 1940 года, – писал владыка, – начальник районного НКВД похвалился мне: “Во всей Сибири мы не оставили ни одной церкви”. Это почти соответствовало действительности, ибо в то время, как я мог выяснить, только в Новосибирске функционировала кладбищенская церковь».

7 февраля 1944 года архиепископу Луке был направлен указ о переводе его в Тамбов, где он, как и в Красноярске, совместил архипастырскую деятельность с работой в госпиталях. Во всей епархии оставалось в то время только две церкви, в Тамбове и в Мичуринске.

Власти готовы были хвалить владыку за его работу врача, но ненавидели его за церковную деятельность и веру в Бога. Однажды владыку вызвал к себе председатель областного исполкома и, желая выразить к нему свое благорасположение, спросил:

- Чем вас премировать за вашу замечательную работу в госпитале?
- Откройте городской собор, – сказал архиепископ.
- Ну, нет, собора вам никогда не видать.
- А другого мне от вас ничего не нужно, – ответил святитель.

Председатель облисполкома вскоре умер, но пришедший на его место был не лучше. Вручая архиепископу правительственную награду – медаль «За доблестный труд в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг.», он пожелал ему принести еще много пользы, делясь своим богатым опытом с медиками города.

На это архиепископ ответил:

– Я учил и готов учить врачей тому, что знаю; я вернул жизнь и здоровье сотням, а может быть, и тысячам раненых и наверняка помог бы еще многим, если бы вы не схватили меня ни за что ни про что и не таскали бы одиннадцать лет по острогам и ссылкам. Вот сколько времени потеряно и сколько людей не спасено отнюдь не по моей вине.

Председатель облисполкома, пытаясь оправдаться, стал говорить, что старое пора бы забыть, а надо жить настоящим и будущим, но владыка на это отрезал:

– Ну нет уж, извините, не забуду никогда!

В феврале 1945 года Патриарх Алексей I наградил архиепископа Луку правом ношения бриллиантового креста на клобуке. В январе 1946 года за выдающиеся научные работы в области медицины архиепископ Лука был награжден Сталинской премией первой степени; из денежного вознаграждения в двести тысяч рублей – сто тридцать тысяч владыка пожертвовал на помощь детям, пострадавшим от последствий войны.

В том же 1946 году архиепископу окончательно запретили выступать перед научной аудиторией в рясе и с панагией.

Начиная с 1945-го победного года войны безбожные власти уничтожали уцелевшие здания церквей, о которых верующие возбуждали ходатайства о передаче их Церкви для совершения в них богослужений. Через два месяца после перевода архиепископа Луки с Тамбовской кафедры, в июле 1946 года, в Знаменском районе Тамбовской области по распоряжению райисполкома и Тамбовского облисполкома было взорвано сохранившееся в целости каменное здание церкви, «об открытии которой ходатайствовали верующие. Причем взрывные работы произведены силами военнопленных немцев в один из праздничных дней и в присутствии большого количества верующих»[10].

Назначенный на кафедру в Крым, архиепископ Лука 24 мая 1946 года прибыл в Симферополь; здесь начался последний и, может быть, самый трудный период жизни святителя-исповедника.

Архиепископ Лука застал Церковь в Крыму в самом плачевном состоянии. До немецкой оккупации все православные храмы, кроме одного в Симферополе, были советской властью закрыты. Во время оккупации по инициативе местного населения были открыты восемьдесят две церкви, но после освобождения Крыма власти позволили зарегистрировать только семьдесят храмов.

Еще в худшем состоянии было в Крыму положение с духовенством. Почти все исповедники и ревностные пастыри претерпели мученическую кончину в

1930-е годы, большая часть крымского духовенства при епископе Иоасафе состояла из бывших когда-то отступниками и предателями Церкви и людей, имеющих канонические нарушения.

Впоследствии многих из них архиепископ Лука запретил в священнослужении, а некоторых лишил сана. Один из таких священников снял с себя сан еще в 1922 году, был «начальником пожарной охраны промышленных предприятий в Симферополе и участвовал в разборе кафедрального собора»[11]. После смерти жены он вновь женился, а когда Крым был оккупирован немцами, стал служить священником и продолжал служить при епископе Иоасафе. Архиепископ Лука вызвал его и, упрекнув в отступничестве, лишил сана священника за двоеженство, и тот пошел жаловаться на архиепископа Крымскому уполномоченному, заявив ему, что «он решил повести против Луки решительную борьбу, и если возможно, то и через печать»[12], а Бельшев, узнав об этом и памятуя свое прошлое следователя, заметил на слова владыки об отступничестве: «Вредный Лука!»[13]

28 октября 1948 года секретарь Крымского обкома ВКП(б) Соловьев направил письмо секретарю ЦК ВКП(б) Маленкову. «В 1946 году в Крым на должность архиепископа Симферопольского и Крымского был прислан Лука... – писал он. – По приезде в Крым Лука развивает энергичную религиозную деятельность, сплачивая вокруг себя все реакционные элементы Крыма...

В силу особого положения Крыма как пограничной полосы, мы считаем необходимым через соответствующие органы удалить Луку из Крыма»[14].

23 марта 1949 года уполномоченный явился к тяжело болевшему в то время архиепископу и заявил, что священники ялтинского собора не выполняют указы Патриарха и Синода от 25 августа и 16 ноября 1948 года в отношении проповедей.

Выслушав уполномоченного, владыка сказал, что «проповеди произносятся ежедневно, это хорошо, так и должно быть, так как он и сам их говорит ежедневно, – с указами Синода в отношении проповедей и непрередавания Закона Божия он не согласен, о чем и писал Патриарху.

8 марта 1949 года Патриарх был принят председателем Совета по делам Русской Православной Церкви генералом МГБ Карповым, который, в частности, поставил Патриарху на вид проповедническую деятельность архиепископа Крымского Луки.

После встречи с Карповым Патриарх «взялся за составление обращения к архиереям с новыми требованиями: не допускать в своих действиях ничего, выходящего за рамки деятельности, указанные законом и распоряжениями Патриархии»[15]. Посему, когда архиепископ Лука прибыл в Москву в надежде убедить Патриарха в правильности своих действий и отсутствии в них какого-либо преступления с точки зрения церковной, Патриарх уже был настроен весьма решительно в стремлении добиться от архиепископа отказа от проповеднической деятельности.

Генерал МГБ и председатель Совета по делам Русской Православной Церкви Карпов был доволен результатами своей разрушительной деятельности и 8 апреля 1949 года докладывал по этому поводу Сталину: «Архиепископ Лука, дав заверения Патриарху, что он проповеди будет читать только по воскресеньям и праздничным дням, ограничиваясь толкованием «Священного Писания», 4 апреля вылетел в Симферополь. Насколько искренне заявление архиепископа Луки Совет проверять не имеет возможности, так как не располагает надлежащими источниками информации...[*] Тем не менее Совет считает, что, несмотря на такое заявление, архиепископ Лука продолжает оставаться реакционером, которого в благоприятный момент при наличии надлежащего повода необходимо подвергнуть изоляции»[16].

В июле 1954 года, после постановления ЦК КПСС «об улучшении научно-атеистической пропаганды», гонения на Русскую Православную Церковь усилились: храмы закрывались один за другим. КГБ стал преследовать тех, кто переписывался с архиепископом Лукой; за самим архиепископом была усилена слежка, все его телефонные разговоры прослушивались. В некоторых храмах уполномоченные через верных им священников и старост устраивали бунты против архиепископа.

В 1958 году крымские безбожники во главе с местным уполномоченным по делам Церкви организовали послушных им людей подать жалобы на архиепископа руководителю государства, первому гонителю Церкви в то время Хрущеву и председателю Совета по делам Русской Православной Церкви Карпову.

Эти жалобы вылились в решение Совета по делам Русской Православной Церкви: архиепископа Луку «освободить от управления епархией и уволить за штат»[17].

В 1960 году Совет по делам Русской Православной Церкви подготовил реформу приходской жизни, с помощью которой безбожники намеревались окончательно захватить церковное управление на уровне уже не только епархиальных управлений, но и всех приходов страны. Проведение этой политики очень остро ощущалось в Крымской епархии.

Владыка был весьма обеспокоен грядущими событиями; незадолго перед смертью он писал своей духовной дочери: «Я всецело захвачен и угнетен крайне важными событиями в Церкви Русской, отнимающими у всех архиереев значительную часть их прав. Отныне подлинными хозяевами церкви будут только церковные советы и двадцатки, конечно в союзе с уполномоченными. Высшее и среднее духовенство останутся только наемными исполнителями богослужений, лишенными большей части власти в распоряжении церковными зданиями, имуществом и деньгами. Вы понимаете, конечно, что я не могу сейчас думать ни о чем другом...»[18]

Приближалась кончина святителя. Он стал отказываться от пищи, тяжелые переживания и раздумья о судьбе Русской Церкви постоянно занимали его.

Последнюю свою литургию он совершил на Рождество Христово, последнюю проповедь произнес в Прощеное воскресенье. Незадолго перед смертью владыка с грустью сказал племяннице: «Дадут ли спеть “Святой Боже...”?»

Архиепископ Лука скончался рано утром в воскресенье, 11 июня 1961 года, в день, когда Русская Православная Церковь праздновала память Всех святых, в земле Российской просиявших.

Мужественному святителю-исповеднику были устроены достойные его мужества и исповеднического подвига похороны, и он вместе с апостолом Павлом, в завещание всем проходящим земное служение святителям, мог бы сказать: *«Будь бдителен во всем, переноси скорби, совершай дело благовестника... Подвигом добрым я подвизался, течение совершил, веру сохранил; а теперь готовится мне венец правды, который даст мне Господь, праведный Судия...»* (2 Тим. 4, 5, 7–8).

22 ноября 1995 года архиепископ Симферопольский и Крымский Лука был причислен к лику местночтимых святых Крымской епархии. 18 марта 1996 года были обретены его святые мощи и 20 марта перенесены в кафедральный Свято-Троицкий собор города Симферополя. В 2000 году Архиерейский Собор Русской Православной Церкви внес имя святителя Луки, прославившего нашу Церковь исповедническим подвигом, в список святых новомучеников и исповедников Русской Православной Церкви для общецерковного почитания.

Библиография

Архиепископ Лука (Войно-Ясенецкий). «Я полюбил страдание...» Автобиография. М., 1996.

Протоиерей Василий Марущак. Святитель-хирург: Житие архиепископа Луки (Войно-Ясенецкого). М., 1997.

«Секретно»: архиепископ Крымский Лука (Войно-Ясенецкий) под надзором партийно-советских органов. / Составители протоиерей Николай Доненко, Филимонов С.Б. Симферополь, 2004.

Поповский М.А. Жизнь и житие святителя Луки (Войно-Ясенецкого), архиепископа и хирурга. СПб., 2005.

Шевченко Ю.Л. Приветствует вас Святитель Лука, врач возлюбленный. СПб., 2007.

ГАРФ. Ф. 6991-С, оп. 7, д. 72.

РГИА. Ф. 831, д. 193, л. 78, д. 218, л. 232.

АПРФ. Ф. 3, оп. 60, д. 1, л. 38; д. 5, л. 9–10; д. 6, л. 37.

МВД Республики Узбекистан. Д. Р-6177.

Примечания

[*] Собираемой отделом МГБ, руководимым Карповым, независимо от Совета.

[1] МВД Республики Узбекистан. Д. Р-6177. Т. 1, л. 146.

[2] Архиепископ Лука (Войно-Ясенецкий). «Я полюбил страдание...» Автобиография. М., 1996. С. 75.

[3] Архиепископ Лука (Войно-Ясенецкий). «Я полюбил страдание...» Автобиография. М., 1996. С. 79.

[4] Там же. С. 82.

[5] СНБ РУ. Д. 9610, л. 48.

[6] Архиепископ Лука (Войно-Ясенецкий). «Я полюбил страдание...» Автобиография. М., 1996. С. 82.

[7] Там же. Л. 164.

[8] Архиепископ Лука (Войно-Ясенецкий). «Я полюбил страдание...» Автобиография. М., 1996. С. 151.

[9] Архив Церковно-научного центра «Православная энциклопедия». Ф. 3, оп. 2, д. 17, л. 27.

[10] АПРФ. Ф. 3, оп. 60, д. 1, л. 38.

[11] Там же. Д. 189, л. 98.

[12] Там же. Л. 99.

[13] Там же.

[14] АПРФ. Ф. 3, оп. 60, д. 5, л. 9–10.

[15] Там же.

[16] Там же. Л. 129.

[17] Там же. Л. 137.

[18] Архиепископ Лука (Войно-Ясенецкий). «Я полюбил страдание...» Автобиография. М., 1996. С. 199.

12.06.2009

Источник: Региональный общественный фонд память мучеников и исповедников Русской Православной Церкви // <http://www.fond.ru>

**Сопоставление подвига мученичества
святых древней Церкви
и новомучеников Российских**

Сопоставляя подвиг древних мучеников и новомучеников Российских, прежде всего сравним отношение к христианам Римской империи и советского государства, ибо каждое из них исходило из своего действующего на тот момент юридического права и закреплённых в юридическом праве обычаев. По мнению церковного историка В.В. Болотова, против христиан в Римской империи выступали три группы: государство, в лице правительства и местных администраций, образованная часть общества и народ. Причем, к счастью для христиан, все эти три группы никогда не действовали одновременно, а всегда порознь, в результате чего у христиан не было врагов в лице всего общества.

Первым выступил против христиан простой народ, обвинив их в непочитании богов: не зная истинного Бога, но видя, что христиане отказываются почитать богов империи, он обвинил их в безбожии; а поскольку христианское богослужение имело тогда закрытый характер, то христиане были заподозрены и в моральных преступлениях, становясь отступниками от признаваемой народом морали и виновниками всех народных бедствий. Не будь Римская империя столько четко организованной юридически, и не ставь она закон почти на уровень божества, христиан ждала бы еще при начале обнаружения их в общественной жизни беспощадная внесудебная расправа.

Однако на первых порах и государство встретило христиан не слишком приветливо. Хотя сами чиновники и образованная часть общества не верили в богов, но поклонение им являлось частью культа, установленного государством, правота которого доказывалась не правотой по существу, а древностью обычая. Причем богами почитались не только герои древности, но и правящие

императоры, которые требовали соответствующего поклонения себе, что для христианина было совершенно неприемлемо. Культ языческих богов с соответствующим им поклонением стал частью римской государственности, и его падение и отмена казались грозящими падением и самой Римской империи. По мнению Сенеки, человек должен соблюдать обряды не потому, чтобы они были угодны Богу, а потому, что так предписывает закон. Правительство совершенно не верило в политическую неблагонадежность христиан, которые в то время индифферентно относились к Римской империи, почитая всякую власть как данную от Бога, не верило оно и в те сплетни, которые распространялись о христианах среди невежественного народа.

Проведение же в жизнь чистого принципа, что все не подчиняющиеся государственному установлению, вне зависимости от его значимости, должны быть убиты независимо от совершенных ими действительных правонарушений, всегда бывает сложно провести до конца в реальной жизни. Поэтому во все время гонений в Римской империи правительство никогда не проводило последовательной политики по отношению к христианам, и сами императоры-гонители чаще всего выступали таковыми только в части времени своего правления. Сами юридические формулировки относительно преследования христиан появились только при императоре Трояне (98-117), когда государство полагало не заниматься специальными розысками христиан, но если уже они попадались и были уличаемы в том, что они христиане, то их следовало казнить за самое имя, т.е. за исповедание ими их веры; спасти жизнь они могли только отказавшись от веры во Христа, доказав это самим делом – принесением жертвы языческим богам.

Историки отмечают, что начальный период гонений, обрекавший христиан на казнь, по преимуществу был овеян славой христианских мучеников, когда отказ от мученичества и отступничество не были характерным явлением, а христианские общины составляли люди убежденные. Условия содержания в тюрьмах тогда были таковы, что уже от недостатка воздуха погибали многие, еще не узнавши пыток. Однако, те, кто выдерживали пытки и уже на себе испытали

всю силу помощи Христовой в перенесении страданий, те показывали поразительную духовную стойкость.

Период гонений на христиан в древности отличался длительными периодами мира между гонениями, краткостью каждый раз времени самих гонений, неодновременностью их на всей территории империи, так что тот или иной епископ мог удалиться со всей своей паствой в пустынное место и оставаться там до окончания гонений, как сделал это святитель Григорий Неокесарийский, удалившийся в 250 году в пустынные места вместе с паствой и вернувшийся по окончании гонений. Всё это было совершенно невозможно во время гонений в советском государстве, где гонения были повсеместными, непрекращающимися, и не было в стране такого места, где христианин мог бы скрыться.

Во времена господства советской власти, против Церкви одновременно было само государство в лице советского правительства, интеллигенция, в значительной степени еще с дореволюционного времени способствовавшая распространению атеизма через учебные заведения и прессу, дореволюционная бюрократия, к христианству относившаяся как к устаревшему обряду, после революции тесно сотрудничавшая с органами советской власти, и часть распропагандированного и воспитанного в безбожии народа. И уже вполне естественной стала картина, когда во время крестного хода во главе с епископом в окружении духовенства и мирян в праздник Богоявления в 1910 году саратовская молодежь стояла по сторонам, уперев руки в бока, в шапках и с папиросами, плевала шелухой семечек и смеялась над ставшим непонятным для нее христианским торжеством. Из среды этой молодежи в скором времени и вышли активные гонители христианства. Вообще во время гонений фактор молодости, незрелости, отсутствия положительного опыта стал одним из решающих. Хохрякову, бывшему членом Екатеринбургского исполкома и отдавшему приказ об убийстве епископа Тобольского Гермогена, было в то время 24 года, Тучкову в начале его деятельности в 1917 году – 25 лет, его заместителю Полянскому во время начала его деятельности в ЧК – 23 года. Это были люди, чьи детство и юность пришлись на время самой оголтелой антирелигиозной пропаганды в период революции 1905–1906 годов и в послереволюционный.

Первое гонение, которое можно было бы назвать общим и которое было инспирировано правительством, но продолжавшееся не более года, было гонение при императоре Декии (250), когда все должны были заявить, остаются ли они в христианской вере или возвращаются к государственной религии Римской империи; сама явка к соответствующему чиновнику была обязательна, причем, нужно было засвидетельствовать свое отречение от Христа перед жертвенником – принесением жертвы богам. *«Действие этой меры на христиан было самое подавляющее, – пишет В.В. Болотов. – Долговременная эпоха мира в значительной степени ослабила то нравственное напряжение, под которым жили христиане первой эпохи гонений. Со своим положением многие из христиан до того свыклись, что не предвидели для себя никакой опасности. Усыпление нравственности, почти совершенный сон религии характеризовал многих христиан того времени. Но следует прибавить и то, что христианская Церковь в то время значительно увеличилась в составе своих членов, потому что христианство в мирную эпоху расположены были принимать и такие, у которых не достало бы мужества примкнуть к этой религии в эпоху преследования. Поэтому гонение Декия отмечено было в некоторых церквях множественном падших»*[1].

Если причиной многочисленных падений в древнем мире было усыпление совести и увеличение числа людей, которые только на словах относили себя к христианам, то это относится и к эпохе новомучеников, ибо те же условия оказались и в советском государстве, образовавшемся после долгого мира и заставшем неготовыми к подвигу многих христиан, бывших таковыми только по имени. Вполне естественным посему был уход многих из Церкви, кто за привычным обрядом не видел Таинств, за внешней формой не видел содержания, кто храм Божий посещал более по привычке, нежели по насущной необходимости и по голосу совести.

Отступниками после гонения императора Декия Церковью считались не только те, кто принес жертву богам, но и те, кто только получил документ, что он принес таковую жертву, или те, кто за взятку был внесен в списки принесших жертву, хотя сам этого и не делал. Покривление совестью и лукавство в

главнейшем жизненном вопросе всегда почитались за большой грех, и не слишком в этом вопросе была важна форма греха. Принесший жертву богам, в которых не верил, как и не принесший, но которому чиновник выписал справку, что он это сделал, мало чем по существу отличались.

В 250 году во время гонения при императоре Декии государством была поставлена задача не столько истребления христиан, сколько их отречения от Христа, и стали применяться пытки уже не как обычная юридическая норма, а как имеющие целью добиться отречения от христианства; в связи с этим были применяемы продолжительные мучения, в частности многодневное лишение пищи и воды, что действительно в иных случаях приводило христиан к отречению, что делает это гонение сходным с гонениями советского времени, с той лишь разницей, что сами трудности жизни при советской власти, созданные в значительной степени правительством искусственно, делали и жизнь на свободе мало чем отличающейся от жизни в узах.

Хотя христианство в Римской империи считалось явлением антигосударственным и на первой же стадии следственного процесса, когда следователь узнавал, что перед ним христианин, тот уже был обречен на казнь или на изгнание, если только он не отрекался, однако в силу юридической практики того времени перед судом должен был предстать и обвинитель, почему в большинстве случаев гонения против христиан возникали в результате заявления частных людей, часто родственников или соседей.

Яркий пример этому случай с мучеником воином Марином и римским сенатором Астурием. *«Марин состоял на военной службе. В том легионе, к которому он принадлежал, оказалось вакантным офицерское место... По своим заслугам более других товарищей имел права на это место Марин... Марин подходил, чтобы получить соответствующие инсигнии, т.е. известный военный пояс и виноградную ветвь, как вперед выступил пред трибуналом другой претендент на это место, соперничавший с Марином. Он сейчас же заявил, что по древним законам... Марин не имеет права занять этот чин, потому что он христианин и не приносит жертвы в честь императора. А место вакантное принадлежит ему – истцу. Судья немедленно спросил Марина, дейст-*

вительно ли он христианин? Марин отвечал: «Да»... Судья тотчас дал Марину на размышление три часа, чтобы по истечении этого времени он отрекся от христианства или ожидал всего худшего за неповиновение государственному закону... Три часа прошли. Марин снова явился пред трибуналом, признал себя христианином и осужден был на усечение мечом... Но в то же время в Кесарии Палестинской проживал один из римских сенаторов Астурий. Тот совершенно открыто показал, что он тоже христианин: он драгоценной одеждой обвил тело пострадавшего мученика и сам на своих плечах нес его. Это было известно целому городу; но обвинитель не выступил, и таким образом, он остался пощаженым»[2].

В советское время именно государство в силу своей идеологической направленности преследовало христиан, и инициаторами практической реализации этой политики были сотрудники государственного аппарата, лишь привлекая свидетелей со стороны для формального оформления обвинения; причем и сами свидетели были часто оплачиваемы государством и выступали или как штатные свидетели или как свидетели по должности, чье мало-мальски начальственное положение предполагало безоговорочное подчинение государственным службам. И если в Римской империи борьба с христианством (за исключением нескольких периодов, когда за это бралось само государство) была частным делом граждан, которые в помощь себе привлекали государство, то в советском государстве борьба с христианством была делом самого государства, которое исполняло его без особого сочувствия к нему самих граждан. При этом советское государство декларировало веротерпимость, и тем самым вынуждено было подыскивать иные формы обвинений для исполнения своих планов по истреблению христиан.

В Римской империи всегда официально объявлялось начало гонений, как это было при императоре Валериане, когда в 257 году последовал указ, запрещающий христианам собираться на богослужение и посещать места погребений, в противном случае их ожидала казнь, и в 258 году, когда последовал другой указ, предписывающий казнить всех клириков, если они не отрекутся, и ссылать в ссылку всех не отрекшихся христиан, если те принадлежали к выс-

шим сословиям. На допросе при первом аресте, в соответствии с императорским указом, все, кто не держится римской религии, должны были возвратиться к ней и принести жертвы. «Что ты на это скажешь?» – спросил проконсул епископа Карфагенского Киприана, объявив ему первый императорский указ. *«Я христианин и епископ: я не признаю никаких других богов, кроме единого Бога»*. – *«При этом намерении и остаешься?»* – *«Да»*. – *«Так не угодно ли отправиться в ссылку в город Куруби?»* – *«Отправляюсь»*[3].

На этом собственно весь допрос и следственная часть и закончились, следователь здесь протоколировал исповедание мученика.

При втором аресте, через год, проконсул, вызвав к себе на допрос епископа Киприана, заявил: *«Императоры приказали тебе принести жертву...»* – *«Не сделаю...»* – *«Подумай о себе...»* – *«Делай, что приказано. В деле столь справедливом нечего раздумывать...»* Проконсул так формулировал обвинение: *«Ты показал себя врагом римским богам и священным законам. Августейшие императоры не могли убедить тебя возвратиться к исполнению римских религиозных обрядов. В предостережение тем, кого ты вовлек в свое преступное сообщество... ты своею кровью заплатишь за нарушение законов»*[4].

Во время правления императора Антонина Пия (138–161) был арестован епископ Смирнский Поликарп, представлявший собой высочайший пример христианского поведения. Когда пришли его арестовывать, *«епископ предложил им ужин... а сам попросил позволения помолиться... На дороге они встретили коляску, в которой ехал один из муниципальных начальников смирнских, так называемый иринарх, вместе с отцом. Они попросили епископа сесть в коляску и начали убеждать его уклониться от угрожающей опасности: «Что худого принести жертву и тем спасти жизнь?» Епископ ответил: «Я не сделаю того, что вы мне советуете». От убеждений эти муниципальные сановники перешли к угрозам и ругательству и, наконец, вытолкнули Поликарпа из кареты. Преклонный старец повредил ногу. Но спокойно продолжал идти по направлению к городу...»*

Поликарп предстал пред лицо находившегося здесь проконсула. Он начал допрос: *«Ты ли Поликарп?»* Когда епископ признал себя Поликарпом, проконсул

обратился к нему с обыкновенными словами: “Пожалей твой почтенный возраст и не доводи дело до своей гибели; поклянись гением кесаря, одумайся, скажи: “смерть безбожным”... Поклянись гением кесаря... и похули Христа”. Поликарп ответил: “86 лет служу я Ему и никакой обиды не потерпел от Него; как же я могу похулить Царя моего, Который спас меня?” Проконсул продолжал склонять Поликарпа к отречению: “Поклянись же гением кесаря и я отпущу тебя”. Тогда Поликарп заметил: “Напрасно ты делаешь вид, что не понимаешь меня, предлагая поклясться гением кесаря. Если ты не хочешь понять меня, я скажу тебе ясно; слушай: я христианин”. – “У меня есть звери, – сказал проконсул, – я им отдам тебя, если не отречешься. А если зверей не боишься, то я сожгу тебя”. Поликарп ответил, что огонь временный, который через несколько часов погаснет, не страшен по сравнению с огнем вечным. “Что ты медлишь? Делай, что тебе угодно”. Тогда проконсул приказал объявить через глашатая: “Поликарп признал себя христианином”. Услышав это, толпа разразилась криками ярости: “Поликарп – учитель нечестия, отец христиан; он отвергает наших богов”»[5].

Следует заметить, что в данном случае представитель государственной власти предлагает епископу самую мягкую форму компромисса. Он не предлагает принести жертву богам и обожествленному императору, а только поклясться его именем и в довольно двусмысленной форме похулить христиан, назвав их безбожниками, как в то время преимущественно и называли христиан, хотя безбожниками были язычники, отрицавшие единого Бога и поклонявшиеся идолам.

Во время гонений в эпоху новомучеников следователи и судьи вынуждены были пропускать начальную форму обвинения, то есть, что человек является христианином. Законодательно признав, что христианская Церковь не является преступным сообществом, а лишь не имеющей юридического лица и собственности, следователи и судьи вынуждены были изобретать иные формулы для обоснования обвинений, как это было во время допроса в суде на процессе по обвинению в сопротивлении изъятию церковных ценностей иеромонаха Макария (Телегина), арестованного при следующих обстоятельствах. Когда один из

представителей властей, уже будучи в алтаре, взобрался на внесенный в алтарь стол, а затем для удобства оперся ногой и на престол, иеромонах Макарий, чьи религиозные чувства были задеты, назвал сделавшего это грабителем и насильником. И тут же был арестован. Однако на суде он попытался обосновать законность своего поведения, как ответ на оскорбление религиозных чувств: *«А что меня побудило, я вам скажу – мое религиозное чувство и пастырский долг, потому что светские люди не имеют права даже входить в алтарь. Но когда они коснулись святыни, то для меня это было очень больно; я, ввиду этих обстоятельств, действительно произнес эти слова, что “вы – грабители, вы – насильники”, ибо они преступность сделали, святотатство и кощунство...»*[6]

Этого объяснения было недостаточно для обвинителей, и они перешли к политическим обвинениям: преследуя по существу за верность вере, власти были вынуждены, в отличие от преследующих христиан римских властей, формулировать обвинения в области политической.

«– Вы считаете, что при монархизме духовенству лучше было? – спросил судья иеромонаха Макария, задавая по сути посторонний всему делу вопрос.

– Как то есть лучше? Жизнь была лучше, значит, хорошо.

– Сейчас тяжелее?

– Да, теперь все тяжелее.

– Значит, при монархизме было лучше?

– Да, всем было хорошо, потому что было изобилие, а теперь мы видим, к чему страна идет и к чему пришла, – что об этом говорить.

– Вы монархист?

– Да, по убеждению.

– Скажите, точка зрения христианская с точкой зрения монархической совпадает?

– При чем тут монархизм и христианство? Христианство своим порядком, монархизм своим порядком.

– Вы можете ответить на вопрос? С точки зрения христианской допустимо быть монархистом?

- Допустимо.
- Значит, из всех видов властей вы сочувствуете только монархической?
- Я всем сочувствую хорошим.
- Советская власть – хорошая власть?
- Если где хорошо делает – хорошая, а плохо – плохая. Что же мы будем рассуждать. Мое убеждение такое, а ваше другое – и ничего не получится.
- Что значит, что вы остались монархистом?
- Что мои такие убеждения, и я в настоящее время противного не агитирую, а живу, как все смертные живут на земле.
- Что же тогда вы представителей советской власти ругаете?
- Это при условии, когда затронули чувства религиозной святыни.
- Вам известно, что патриарх считает существующие власти как бы от дьявола? Известно это? Вы его послания читаете, послания 19-го года, где он сказал, что власть советская есть исчадие ада?
- Я теперь понимаю и вижу, что вы люди неверующие.
- Отвечайте на вопрос, если хотите. Если не можете, то скажите: от Бога или от дьявола?
- От Бога.
- Как же вы говорите, что признаете только монархическую власть, как это примирить?
- Ведь я вашей власти ничего оскорбительного не делаю.
- Нет, вы уже нанесли оскорбление.
- Я при условии нанесения оскорбления святыни.
- Вы знаете, что монархисты – это враги? Вы считаете себя принадлежащим к шайке врагов рабочего класса?
- У меня врагов нет, я за них молюсь. Господи, прости их.
- Не очень вы, кажется, молились за советскую власть.
- Нет, я и сейчас молюсь. Господи, дай им прийти в разум истины. Все люди стремятся к хорошему... И я смотрю на вас, что желания ваши – устроить по-хорошему, и мне это нравится, но я вижу, что вы стремитесь собст-

венными силами, и я не вижу здесь Бога. А раз нам Бог сказал, что без Меня невозможно...

Но безбожники не захотели слушать слова о Боге, и обвинитель с раздражением прервал отца Макария:

– Вы мне читаете лекцию, а я вам задаю вопрос: вы считаете монархизм врагом трудящихся?

– Я вам говорю – у меня врагов нет.

– Вы историю знаете, что у монархизма были и дурные стороны?

– Да, известно.

– Если бы власть такого дурного монархизма учинила бы кощунство... и изъятие святыни, вы бы промолчали?

– Я все равно не промолчал бы – святыня выше всей власти. Такие чувства самые дорогие.

В день окончания процесса в последнем своем слове, предавая свою жизнь в руки Божию, иеромонах Макарий кротко сказал: “Аще имеете вы судить по вашим законам, то судите”. Находясь в тюрьме, он говорил заключенным вместе с ним священникам: “Жду не дождусь встречи с Господом моим Христом”»[7].

Когда В.И. Ленин задумал поход на Церковь под предлогом изъятия у нее ценностей для помощи голодающим, то направленные в Шую представители Политбюро не могли публично обвинить шуйского священника протоиерея Павла Светозарова и палехского священника Иоанна Рождественского в таком преступлении, как принадлежность их к Православной Церкви. И встает вопрос, чего же от них хотели власти, почему расстреляли, в какой форме выразилось исповедничество священников? Как это видно из судебного расследования власти хотели, прежде всего, чтобы обвиняемые с ними сотрудничали, то есть, поддержали выдвинутые ими обвинения об оказании сопротивления при изъятии церковных ценностей. Для протоиерея Павла это означало признать вину и покаяться перед судом, публично выставив Церковь бессердечной злохранильницей, злостно не желавшей помочь умирающим от голода людям.

Священнику Иоанну Рождественскому следовало бы, по мнению властей, подобно Иуде, для сохранения собственной жизни назвать имя человека, который принес ему для зачитания в храме послание Патриарха Тихона. То есть, сделать то, что делали обновленцы. Таким образом дело шло уже об отстаивании христианских принципов на практике.

В России в начале XX столетия к власти пришли люди, о которых было известно, что они являются непримиримыми противниками религии вообще, а православия в особенности. Эта была личная позиция основателя советского государства В.И. Ленина, не допускавшего существования христианства, но такова была и коммунистическая доктрина, не оставлявшая религии в конечном счете никакого места, полагавшая, что религия сама собой и с помощью государства исчезнет.

Одним из первых декретов советской власти был декрет об отделении Церкви от государства, в который наряду с полным запретом благотворительной, просветительской и миссионерской деятельности, в чем-то сходной с позицией некоторых римских императоров, вводился и такой пункт, как лишение Церкви юридического лица, т.е. упразднение ее не только как организации, но и реквизиция всего ее имущества, включая богослужебные предметы, и соответствующая выдача этого имущества «по особым постановлениям местной или центральной государственной власти в бесплатное пользование соответственных религиозных обществ»[8]. Вполне естественно, что Поместный Собор Российской Православной Церкви в своем постановлении от 25.01.1918 года расценил этот указ, как «злостное покушение на весь строй жизни Православной Церкви и акт открытого против нее гонения»[9]. Следствием указа сразу же после его принятия стали многочисленные жертвы при захвате церковного имущества как в центральных городах, например, в Александро-Невской Лавре в Петрограде, так и в глухой провинции, как Ферапонтов монастырь в Новгородской епархии.

Гонения в XX веке в России от гонений в Римской империи отличались и по длительности. Гонения при советской власти начались сразу, т.е. в 1918 году и продолжались почти всё время ее правления, разделяясь на два периода – ис-

ключительно мученический, начавшийся в 1918 году и продолжавшийся приблизительно до 1939 года, и последовавший за ним – исповеднический. Причем второй период был связан не с переменой отношения гражданских властей к Церкви в сторону смягчения, а с массовым и повсеместным истреблением христиан в первом периоде, так что оставшиеся виделись государству как идейные и религиозные противники слабыми и не опасными.

В Римской империи христианство не входило в разряд разрешенных религий, было антигосударственно и преступно, и потому одного признания человеком принадлежности к христианству было достаточно, чтобы приговорить его к смертной казни или к длительной ссылке. В советском государстве дело обстояло иначе. Время существования Православной Церкви в России было настолько длительно, христианство оказало настолько значительное влияние на все стороны жизни народа, что одномоментное упразднение его казалось властям невозможным по непрогнозируемости последствий. Однако государство вступало в противоречие с принятыми им же решениями: лишая Церковь статуса юридического лица, оно фактически упраздняло ее, и одновременно оно на весь мир заявляло, что не преследует Церковь, а те, кого оно подвергает разного рода репрессиям, провинились не исповеданием Христа, а преступлениями государственными. Это противоречие проходит через все допросы новомучеников: сотрудники НКВД за пределами протокола спрашивали о вере, но в протокол записывали только то, что могло иметь отношение к взгляду исповедника на государство, на проводимые им мероприятия и на государственных вождей.

Исповедницу Хионию (Архангельскую) на первом же допросе 1937 года спросили, верит ли она, что Бог провел евреев через Красное море, потопив фараона. Ее утвердительного ответа было достаточно, чтобы объявить ее «троцкисткой» и «врагом народа». На другом допросе следователь стал угрожать ей, что он упечет ее в лагерь, рассчитывая, что угрозы подействуют, но она вместо того, чтобы искать ответ нужный следователю, заявила: *«Воля ваша. А я жизнь жила, грешила и должна понести наказание за грехи»*. Это вызвало бурную реакцию следователя, который в ответ на ее готовность пострадать закричал: *«Враг! Враг! Самый настоящий враг!»* И уже окончательно определил ей си-

деть под замком в заключении: она была приговорена к восьми годам заключения в исправительно-трудовом лагере.

На вопрос следователя в 1931 году иноку Феодору (Никитину) о его вере и контрреволюционной деятельности, тот прямо ответил: *«Виновным себя в предъявленном обвинении не признаю. В Бога верую крепко до сих пор и готов умереть за Бога и Христа. Мероприятия советской власти я не разделяю, так как все они направлены на уничтожение веры в Бога, религии, храмов Божиих и святых мест... Я из дома выселен и постоянного места жительства не имею, хожу по дворам и проповедую слово Божие, а это я не считаю преступлением перед Богом, а как это называет советская власть мне безразлично»*[10]. Он был приговорен к десяти годам заключения в концлагерь.

Язычники, представители властей Римской империи, не интересовались внутренним строем Православной Церкви, их интересовал только факт принадлежности человека к христианскому обществу, а также выяснение некоторого круга вопросов, имеющих нравственный характер. Это последнее, то есть, насколько человек по-христиански себя держит в условиях гонения, делает сходной позицию древних мучеников и новомучеников как со стороны вопросов следствия, так и со стороны ответов исповедников. На допросе в 257 году проконсул, выяснив, что Киприан является христианином и епископом, заявил ему: *«Указ касается не только епископов, но и пресвитеров. Кто пресвитер в этом городе?»* – *«У вас есть прекрасный закон, запрещающий доносы, и я не стану доносить об них»*, – ответил священноисповедник. На допросе в 1941 году следователь потребовал от иеромонаха Феодора (Богоявленского): *«Назовите ваших знакомых, у которых вы останавливались в селах Волоколамского района и в Волоколамске после того, как вам было запрещено пребывание в Московской области»*. – *«Я считаю невозможным называть этих людей и впутывать их в свое следственное дело и поэтому называть их не хочу»*, – ответил тот.

Советское государство в отличие от Римской империи активно вмешивалось во внутренний строй Церкви, и положение исповедника во время гонения при советской власти становилось значительно сложнее – гонители преследовали не только прямую цель уничтожения христианства, но и уничтожение его

с помощью самих же членов Церкви, используя для этого свои знания церковного организма и пользуясь услугами тех, которые, преследуя корыстные цели, готовы были тесно сотрудничать с государством, как показал это обновленческий раскол. Представители советской власти активно и достаточно умело склоняли православных клириков к расколам, старались разбить их на враждующие группы. Так было создано обновленчество и григорианство.

Подобного же рода предложения в виде требования подписать соответствующую декларацию и быть более активным в обсуждении с представителями властей планов, каким образом строить взаимоотношения Церкви и государства, склонявшихся к падению Церкви, делались и архиепископу Илариону (Троицкому). И для исповедника оказалось важно не только выразить свою веру на словах, но и разгадать хитросплетения врагов Церкви, пытавшихся под предлогом оказания ей помощи принести вред. В этом и выразился исповеднический подвиг архиепископа Илариона, любившего Бога и созданную Им Церковь, для которого воплощение в своей жизни, в слове и в деле верности Церкви и было исповеданием веры. Тучков видел это, видел, что его планы по разрушению Церкви исповеднику видны и понятны, и отправил его на новый срок в Соловецкий концлагерь. С точки зрения церковного сознания архиепископа Илариона, он стал бы предателем Церкви, если бы согласился на предложения Тучкова. Избрав другой путь, он тем самым избирал себе и мученический конец, потому что для советского государства отказывающийся в те годы от тесного сотрудничества был обречен на смерть в заключении.

Поскольку христианство явилось следствием спасительной миссии Самого Творца и прямым действием Промысла Божия и созидалось на Откровении, то естественно оно ничего общего не имело с миром сим, и тем более с языческим миром, к началу христианской эпохи погрязшим во всякого рода пороках. Оно не являлось и продолжателем древней языческой культуры ни в социальном, ни в собственно культурном смысле; и потому оно было совершенно равнодушно к политической и культурной жизни империи. Плоды христианской культуры были им еще не выработаны, а языческие чужды. Христиане были равнодушны ко всему строю жизни империи и в первую очередь к политиче-

скому, они были готовы признать любую власть, как данную от Бога, все императоры были им идейно чужды, выполняя лишь внешние функции упорядочения гражданского строя жизни. Христиане еще не имели на земле ничего своего, для них светил только свет Невесты Христовой – Церкви, на всем же остальном лежал лишь тусклый отблеск Божественной благодати, самим собой не смогший привести человека по точному суждению апостола Павла к познанию Бога.

Христиане, жившие в начале XX века, воспринимали политическую жизнь в России, как следствие долгой христианской эпохи, где политические учреждения были созданы христианами, в которых они и участвовали как христиане. После революции 1917 года и прихода к власти большевиков, христиане оказались вычеркнуты из политической и культурной жизни страны, так как вся она стала связана с членством в коммунистической партии, которая исповедовала атеизм как религиозное учение, для христиан стало невозможно занятие многих административных должностей. Кроме того, сами новые учреждения, которые создавались государством, такие казалось бы чисто экономические, как колхозы, имели в строе своей жизни антирелигиозную подкладку, выражавшуюся в частности в том, что члены колхозов часто были обязаны работать в воскресные дни, христианами отводившиеся для посещения церкви. Христиане были осведомлены о связанности экономической составляющей таких образований, как колхозы, с религиозной, знали они и об общей антихристианской направленности советского государства. Тем более были осведомлены об этом представители государства и в соответствии с этим почти всегда обвиняли христиан в сопротивлении созданию колхозов и в агитации против них.

Христианство было объявлено властями частным делом, но на практике такое частное дело, как христианская жизнь, в тоталитарном государстве не так-то легко было реализовать, так как для этого нужно было, чтобы оставались хотя бы какие-то сферы независимой от государства социальной жизни. Такой независимой от государства формой было в первые годы советской власти ведение личного крестьянского хозяйства, но после массовой коллективизации в 1931 году и оно стало почти невозможным; и практически все сферы народной

и социальной жизни оказались подчинены государству, которое заявляло свои права и в деле воспитания человека и его дальнейшего социального устройства.

Сами обязанности христиан перед советским государством в начальный период его существования стали трактоваться не однозначно, что в значительной степени делает их позиции сходными с позициями христиан при последнем гонении при императоре Диоклетиане.

Историк В.В. Болотов, приводя такие случаи, пишет: *«В 295 году... в африканском городе Тевесте производился набор солдат. Между новобранцами обращал на себя внимание один христианин по имени Максимилиан. Этому молодому человеку был 21 год и его призывали к военной службе. Проконсул Дион, заведовавший набором, приказал осмотреть этого Максимилиана... но... он заявил: “Мне нельзя служить... потому что я христианин”... Дион приказал надеть на него значок воина – свинцовое ожерелье. Но Максимилиан отвечал, что если наденут ему это ожерелье, он все равно сбросит его: он не может служить. “Отчего это?” – спросил проконсул. “Потому что я христианин”, – был ответ: “не могу служить...”. Проконсул возразил: “В войске государей наших, священных императоров Диоклетиана и Максимиана, есть много воинов христиан и они даже служат в лейб-гвардейском корпусе”. Но Максимилиан стоял на том, что он не может служить, потому что не может делать зла. “Да разве служить в военной службе значит делать зло?” – спросил проконсул. “Ты сам знаешь лучше”, – ответил Максимилиан. Тогда проконсул за такое упорство приказал казнить его мечом...»[11]*

Этот поступок был расценен христианами далеко не однозначно, и многие воины-христиане продолжали служить в войсках языческого императора, нимало не подвергаясь гонениям. Сам же приговор был квалифицирован официальными властями, как нарушение воинской дисциплины.

Такое явление мы можем наблюдать в эпоху страданий новомучеников, но только лишь в начальный период советской власти, до окончания Гражданской войны, когда советское правительство многими не воспринималось как правительство законное, каковым оно по существу и не было, представляя собой всего лишь одну из насильственно пришедших к власти групп, сразу же и

заявившей о своем воинственно-отрицательном отношении к Церкви, так что оказавшийся в Красной армии в 1918 году силой обстоятельств, мог тут же оказаться и убийцей христиан. Кроме того, 15 (28) февраля 1918 года было издано постановление Святейшего Патриарха и Синода, в частности, гласившее, что *«все восстающие на Святую Церковь, причиняющие поругание святой православной вере и захватывающие церковное достояние, подлежат, невзирая на лица, отлучению церковному»*[12]. Действуя в соответствии с этим церковным постановлением, насельники Белогорского Свято-Николаевского монастыря – монахи Иоанн (Ротнов), Аркадий (Носков), Гермоген (Бояршинов), Евфимий (Шершилов) и послушники Иаков (Старцев), Александр (Арапов) и Иаков (Данилов) отказались идти служить в Красную армию, куда их советские власти попытались насильственно рекрутировать, и тогда же были замучены с разной степенью жестокости. Впоследствии, по окончании Гражданской войны и победы одной политической партии, мы уже не встречаем случаев отказа от службы в советской армии по соображениям церковным.

Если мы сравним условия нахождения человека под следствием в древности и в первой половине XX столетия, то большую жестокость и «зверскость» следовало бы признать за древностью, когда пытки применялись в качестве законной составляющей следственного процесса; и поэтому вполне естественно, что тысяченачальник Клавдий Лисий, желавший узнать, почему иудеи столь неистово кричали против апостола Павла, повелел для выяснения истины подвергнуть того бичеванию. К новомученикам пытки применялись только периодически – в период общего ожесточения общества во время Гражданской войны и в период массовых репрессий, когда применение пыток в том или ином виде санкционировало само государство; так было во время коллективизации в 1929-1931 годах, так было во время так называемого Большого террора в 1937-1938 годах, когда ведение ускоренного следствия и запланированное большое число жертв предполагало любые формы воздействия на человека, чтобы добиться хотя бы от части обвиняемых признания в несовершенных ими преступлениях. Здесь применялся по преимуществу «конвейер», когда следователи менялись, а обвиняемому не давали спать в течение многих суток. Но это было

страшно тогда, когда человек намеревался выдержать следствие не для спасения своей души, а чтобы выжить, но совсем не так было, когда человек имел лишь одно намерение *разрешиться и быть со Христом (Флп. 1: 23)*. Христианская истина имеет неотмирное происхождение, она абсолютна и не может меняться в зависимости от внешнего давления. Для христианина, который предполагает пережить следственный процесс и заключение и, может быть, даже доказать свою невиновность и освободиться, и для которого самозначима именно эта земная жизнь, пытки типа «конвейера» очень страшны, так как каждый раз отдаляют искомую цель – внешнюю свободу; но для человека, предполагающего умереть, и разрешиться, и быть со Христом, они даже менее страшны, чем пытки, которые пришлось испытать мученикам в древности.

Если христиане и испытывали трудности в перенесении следствия, то это зависело не столько от его тяжести, сколько от неготовности христианина умереть христианином, не от тяжестей пыток, а от двоящихся мыслей. Те, кто был верен Христу, кто сохранял в своем сердце представление о христианском идеале, а значит и христианской смерти, у тех не было больших проблем со следствием или с гонителями. Они сохраняли и во время следствия мирное расположение духа, каковое и должно было оставаться у христианского исповедника во время испытаний.

По записи мученических актов, приведенных В.В. Болотовым, мы читаем о мученической кончине хорошо образованной матроны Перпетуи и рабы Фелицитаты в 203 году. *«Перпетуя вместе с Фелицитатой были отданы на растерзание свирепой корове... и здесь христианская мученица заявила в себе необыкновенную идеальную чистоту женщины... эта корова бросала несколько времени Перпетую рогами, и, наконец, она упала на арену. Но хотя она была ранена и обливалась кровью, ее первая мысль была о том, что рога коровы разорвали ее тунику и обнажили ее тело, и потому с необыкновенными усилиями воли она оправила разорванную одежду и прикрылась. Затем она вспомнила еще, что у нее растрепались волосы. Так как растрепанные волосы были символом траура, а она считала мученическую кончину особенно радостною, то она собрала настолько силы, что поправила свои волосы и приколола их булава-*

кою. Затем, когда она могла подняться, то подошла к Фелицитате и, подав ей руку, помогла встать... Еще молодой и неопытный гладиатор, на которого выпало покончить с мучениками, дрожащею рукою нанес Перпетуе несколько ран, и, наконец, она сама собралась с силами, чтобы направить нож в свое горло»[13].

Из новомучеников с таким же достоинством и спокойствием умирал в 1918 году архиепископ Пермский Андроник (Никольский), который при угрозе смерти, и смерти мучительной, такой как погребение заживо, не утратил мирного состояния духа и способности к рассуждению и держал себя так, как будто ему ничего не угрожало от жестоких мучителей. Стоя на краю могилы, он спокойно молился, благословил свою не ведающую о близкой смерти своего архипастыря паству и сам сказал мучителям, что готов принять смерть. И в этой его готовности умереть за Христа и внутреннем спокойствии было столько красоты и духовной силы, что это устрашало мучителей.

Священник Михаил (Накаряков) при предложении конвоиров отпустить его, сам им сказал, чтобы они делали то, что им было приказано (1918 год), и даже тогда, когда он был ранен и ему конвоирами вновь было предложено отпустить его, он отказался, более стремясь достичь жизни вечной, чем остаться в земной.

Таким был митрополит Петроградский Вениамин (Казанский), которого и угроза смерти нисколько не поколебала остаться верным церковным решениям и не признать церковно-законным обновленческого движения, навязанного атеистическими властями. За несколько дней до расстрела он писал из тюрьмы: *«В детстве и отрочестве я зачитывался житиями святых и восхищался их героизмом, их святым воодушевлением. Жалел всю душою, что времена не те и не приходится переживать, что они переживали.*

Времена переменились. Открывается возможность терпеть ради Христа от своих и чужих.

Трудно, тяжело страдать, но по мере наших страданий избыточествует и утешение от Бога. Трудно переступить этот рубикон, границу и всецело предаться воле Божией. Когда это совершится, тогда человек, избыточест-

взя утешением, не чувствует самых тяжелых страданий. Полный среди страданий радости и внутреннего покоя, он других влечет на страдания, чтобы приложить[14] то состояние, в каком находится счастливый страдалец.

Об этом я раньше говорил другим, но мои страдания не достигали полной меры. Теперь, кажется, пришлось пережить почти всё: тюрьму, суд, общественное заплевание, обречение и требование этой смерти под якобы народные аплодисменты, людскую самую черную неблагодарность, продажность, непостоянство и т.п., беспокойство и ответственность за судьбу других людей и даже самую Церковь.

Страдания достигали своего апогея, но увеличивалось и утешение. Я радостен и покоен, как всегда. Христос наша жизнь, свет и покой. С Ним всегда хорошо...»[15]

Все и древние мученики и новомученики сумели сохранить высокие христианские идеалы и в самой своей смерти более приобретали, нежели теряли.

В заключение следует сказать, что сквозь всю дилемму сохранения верности Христу или отказа от Него всегда проходят страсти и привязанности человека, когда за стяжанием через мученичество небесного приходится отказываться от привычного и любимого земного. И близкие и сродники или утяжеляли исповеднический крест или помогали его нести. Это было и у мучеников древних, и у мучеников в XX столетии.

Отец матроны Перпетуи был язычником и для него весь смысл жизни заключался в земных привязанностях и семье, куда он хотел вернуть свою дочь через ее отказ от Христа, используя для этого самое естественно-дорогое для женщины – любовь к ребенку. Она «выдержала тяжкую внутреннюю борьбу со своими семейными привязанностями. Когда все эти христиане были взяты, еще до допроса явился к Перпетуе отец ее – язычник и умолял ее не признавать себя христианкою. Но Перпетуя отклонила этот совет... и он решился подвергнуть дочь одному из самых утонченных нравственных мучений: она была замужем и еще кормила грудью сына; отец решился не давать ей ребенка. И в темничном заключении... самую тяжкою пыткой для нее была именно мысль, что сын ее остается в то время голодным... Перед допросом опять посетил

Перпетую ее отец, но уже чрезвычайно смягченный и растроганный. Он теперь думал не угрожать, а умолять свою дочь. Старик плакал, умолял пощадить свои собственные седины и положение всей семьи, которая не перенесет такого позора, что из их рода будет человек, казненный как уголовный преступник. Он умолял вспомнить о сыне, который может жить только ею. Он бросался к ногам дочери, обливал их слезами и целовал ее руки, называя ее не дочерью, а госпожой... Но Перпетуя стояла твердо и на все увещания отвечала: “Воля Господня да будет...”

Наконец допрос состоялся; отец присутствовал здесь. Он сначала показывал сына и умолял сжалиться над ним. И сам судья... убеждал Перпетую пожалеть отца и младенца и совершить жертвоприношение во здравие императора. Но Перпетуя сказала: “Не сделаю”. – “Ты христианка?” – спросил тогда прокуратор. Она ответила: “Я христианка”. Таким образом, участь Перпетуи... была решена»[16].

Священнику Петру Грудинскому, расстрелянному в 1930 году, незадолго до его мученической кончины супруга писала в тюрьму: «Прошу тебя... если ты жалеешь меня, откажись от своих ничего никому не дающих убеждений... Если согласишься со мной, я поеду с тобой хоть на край света, не боясь нужды. Но при мысли продолжать быть попадьей я вся содрогаюсь – не могу. Ответь мне, как быть?»[17]

«Дорогая Ирочка, – писал ей из тюрьмы отец Петр, – твое письмо ошарашило меня более ареста, и только сознание, что оно продиктовано горем и нуждой, несколько успокоило меня... Я никогда не стеснял своей совести, – зачем же ты, пользуясь тяжелыми обстоятельствами, толкаешь меня на бесчестный поступок... Отречься от веры во Христа, Который составляет смысл всей моей жизни, от Которого я видел столько благодеяний, и оставить Его в то время, когда я приближаюсь к могиле?! Я не могу, и не сделаю этого даже ради тебя, которую всегда любил и люблю»[18].

Священник Валериан Новицкий, также расстрелянный в 1930 году, писал из тюрьмы своей супруге Домнике: «Мне для сохранения жизни предложили отречься от Бога и от священнического сана. Я отказался. Как ты справишь-

ся одна с детками?»[19] В ответ она написала ему: «Не отрекайся ни от Бога, ни от священнического сана. Мне поможет Господь»[20].

Источники

В.В. Болотов. Лекции по истории древней церкви. Т. II. История церкви в период до Константина Великого. М., 1994.

Реутов православный. № 2 (4) апрель. 2004. Священник Максим Максимов. Гонения на христиан в Римской империи и в России. Историко-сравнительный анализ. С. 3-11.

Жития новомучеников и исповедников Российских XX века, составленные игуменом Дамаскиным (Орловским). Книги: Январь-Июнь. Тверь. 2005-2009.

Примечания

[1] В.В. Болотов. Лекции по истории древней церкви. Т. II. История церкви в период до Константина Великого. М., 1994. С. 118.

[2] В.В. Болотов. Лекции по истории древней церкви. Т. II. История церкви в период до Константина Великого. М., 1994. С. 136-137.

[3] В.В. Болотов. Лекции по истории древней церкви. Т. II. История церкви в период до Константина Великого. М., 1994. С. 127.

[4] В.В. Болотов. Лекции по истории древней церкви. Т. II. История церкви в период до Константина Великого. М., 1994. С. 128-129.

[5] В.В. Болотов. Лекции по истории древней церкви. Т. II. История церкви в период до Константина Великого. М., 1994. С. 93-94.

[6] Жития новомучеников и исповедников Российских XX века, составленные игуменом Дамаскиным (Орловским). Май. Тверь, 2007. С. 101.

[7] Жития новомучеников и исповедников Российских XX века, составленные игуменом Дамаскиным (Орловским). Май. Тверь, 2007. С. 101-104.

[8] Русская Православная Церковь в советское время (1917-1991). Материалы и документы по истории отношений между государством и Церковью. Составитель Герд Штриккер. Книга 1. М., 1995. С. 114.

[9] Русская Православная Церковь в советское время (1917-1991). Материалы и документы по истории отношений между государством и Церковью. Составитель Герд Штриккер. Книга 1. М., 1995. С. 115.

[10] Государственный архив Липецкой обл. Ф. Р-2210, оп. 1, д. 2240, л. 76.

[11] В.В. Болотов. Лекции по истории древней церкви. Т. II. История церкви в период до Константина Великого. М., 1994. С. 138-139.

[12] Акты Святейшего Тихона, Патриарха Московского и всея России, позднейшие документы и переписка о каноническом преемстве высшей церковной власти. 1917-1943 гг. Сост. М.Е. Губонин. Изд-во ПСТБИ. М., 1994. С. 98.

[13] В.В. Болотов. Лекции по истории древней церкви. Т. II. История церкви в период до Константина Великого. М., 1994. С. 110-111.

[14] В смысле преумножить.

[15] С.А. Зегжда. Александро-Невское Братство. СПб., 2009. С. 6-7.

[16] В.В. Болотов. Лекции по истории древней церкви. Т. II. История церкви в период до Константина Великого. М., 1994. С. 108-109.

[17] Жития новомучеников и исповедников Российских XX века, составленные игуменом Дамаскиным (Орловским). Февраль. Тверь, 2007. С. 184-185.

[18] Жития новомучеников и исповедников Российских XX века, составленные игуменом Дамаскиным (Орловским). Февраль. Тверь, 2007. С. 184-185.

[19] Жития новомучеников и исповедников Российских XX века, составленные игуменом Дамаскиным (Орловским). Февраль. Тверь, 2007. С. 187.

[20] Жития новомучеников и исповедников Российских XX века, составленные игуменом Дамаскиным (Орловским). Февраль. Тверь, 2007. С. 187.

XVIII Международные Рождественские образовательные чтения. Доклад на второй конференции «Прославление и почитание святых». 10.02.2010

Источник: Региональный общественный фонд память мучеников и исповедников Русской Православной Церкви // <http://www.fond.ru>

1937 – год свидетельства о Христе

- Отец Дамаскин, в годы репрессий было много страшных и поразному страшных лет. Но 1937 – особый год. По количеству и жестокому характеру репрессий? Или еще по каким-то своим чертам?

- Да, 1937-й был особый год. Прежде всего, конечно, по количеству и размаху репрессий. Если с 1921 по 1940 год осужденных за так называемые «контрреволюционные преступления» было 3 080 574 человека, то в одном только 1937 году по знаменитой 58-й статье было арестовано 790 665 человек. И, конечно, год был особым по жестокости репрессий. Огромное число одновременно арестованных людей и сокращенные сроки проведения следствия сопровождалось во многих случаях мучительными условиями содержания в тюрьме, превращавшимися в особого рода пытку, избиениями во время следствия и разного рода угрозами. Безусловно, мы не можем утверждать, что пыточное следствие было применено ко всем этим сотням тысяч людей. Во многих случаях следователи ограничивались показаниями свидетелей, которые оговаривали человека, и следователь всегда мог написать, что обвиняемый такой-то не признал себя виновным, но уличается показаниями свидетелей. Для упрощенного «судопроизводства» при помощи троек при управлениях НКВД, рассматривающих дела списочным порядком, такой процедуры было вполне достаточно. Это объективные внешние характеристики 1937 года – избиение властью собственного народа – большое число арестованных, следствие, вынесенное за границы всех правовых норм, и упрощенное судопроизводство. Но для человека по настоящему страшно оно было тем, что почти никто из тех арестованных людей не представлял, что такое вообще может быть. За годы советской власти, будучи уже арестованным один раз или два, человек свыкался с мыслью, что таков стиль управления страной у новой власти – арест, приговор, освобождение после определенного срока, немного жизни на свободе, снова

арест, приговор и так без конца. Люди не могли себе представить, что наступит юбилейный революционный год, который будет характеризоваться массовым избиением, где все арестованные будет расписаны по двум категориям: 1-я, – те, кого надлежало расстрелять и 2-я – которых следовало приговорить к 10 годам заключения, а если выживут, то через 10 лет снова сослать, о чем конечно жертвы тогда не догадывались.

Что это означало для человека и, в особенности, для христианина, для которого представление о смерти неразрывно связано с представлением о покаянии? Человек, которого арестовывали в 1937 году должен был готовиться уже не к жизни и не к тому, как он будет жить в заключении после приговора, а к смерти. Самое страшное было – обреченность на насильственную смерть при незнании этого. Отсюда иногда малодушие и какие-то сделки со следствием: люди рассчитывали жить, а их уже почти приговорили к смерти. Каковы же были переживания человека, когда он об этом узнавал за полчаса до смерти – и ничего уже нельзя было сделать?! Для христианина урок: на земле надо готовиться не к жизни, а к смерти. Большинство арестованных в тот год уже при самом аресте были обречены на расстрел, у них оставалось время только для подготовки к смерти – иногда это была всего одна неделя от дня ареста, иногда месяц или два. Но они об этом не знали. Страшно то, что у человека отнималось время для покаяния. При всем этом нельзя не сказать и того, что этот год, почти прекративший физическое существование Церкви в России, умножил число ее святых.

- В предисловии к третьему тому Вашего семитомного труда Вы пишете о том, что репрессии 1937 года связаны с результатами состоявшейся в начале 1937 года переписи населения СССР. Пожалуйста, расскажите нам, читателям, о результатах этой переписи и о том, как они связаны с репрессиями.

- Еще в 1935 году Сталину и секретарям ЦК ВКП(б) А.А. Андрееву и Н.И. Ежову, которому и предстояло организовать репрессии в 1937 году, стало известно, что проводимая в стране антирелигиозная политика малоуспешна. Например, в Ивановской области на 2000 молитвенных зданий оставалось 2500

священнослужителей, в Горьковском крае было до 1500 молитвенных зданий и более 1500 священнослужителей. А по «всей стране, – по вычислениям властей, – насчитывалось не менее 25000 молитвенных зданий (в 1914 году церковью было до 50000)». В начале 1937 года по инициативе Сталина состоялась всесоюзная перепись населения, в которую Сталиным же были и внесены вопросы о принадлежности к общественным группам и, в частности, к так называемым «служителям культа», а также вопрос о религии.

Из 98,4 миллиона людей старше 16 лет, отвечавших на этот вопрос, верующими себя назвали 55,3 миллиона, неверующими – 42,2 миллиона, и не ответивших на этот вопрос было 0,9 млн. Из верующих подавляющее большинство – 41,6 миллиона – назвали себя православными. Перепись свидетельствовала о провале плана уничтожить религию с помощью антирелигиозной пропаганды и «мягкого насилия» – лагерей и ссылок. Осуществление данного плана стало проводиться с помощью террора в 1937 году.

- В нашем разговоре мы не можем не коснуться личности И.В. Сталина. Скажите, пожалуйста, отец Дамаскин, какие есть свидетельства его личной инициативы в уничтожении Церкви в нашей стране в течение 1930-х годов?

- Еще при Ленине, в 1922 году, когда Московский ревтрибунал приговорил не виновных ни в чем перед советской властью священников к расстрелу и их судьбу решало Политбюро, именно Сталин, разослав всем членам Политбюро записку, написал: «Я лично голосую против отмены решения суда», т.е. за расстрел. И во всех случаях, когда судьбу духовенства решало Политбюро, Сталин всегда выступал исключительно за расстрел.

20 мая 1937 года Сталин распорядился через Маленкова обсудить предложение – упразднить церковные двадцатки и органы управления церковными приходами, что можно было сделать только, если приходы перестанут существовать. В ответ на это предложение 26 мая глава НКВД Н.И. Ежов предложил вообще упразднить существовавшее тогда законодательство о культах и создать комиссию при ЦК ВКП(б), которая напишет новое законодательство. И Сталин-практик, не любивший излишней писанины, 3 июля 1937 года направил Ежову

и всем секретарям обкомов и крайкомов и ЦК нацкомпартий простенькое и краткое распоряжение: представить в пятидневный срок «в ЦК состав троек, а также количество подлежащих расстрелу, равно как и количество подлежащих высылке». 30 июля был принят оперативный приказ НКВД за № 00447, в котором ставилась «задача – самым беспощадным образом разгромить всю эту банду антисоветских элементов». В их число входили, по тогдашней терминологии властей, и «церковники». Так за подписью Сталина начался террор 1937 года. К концу террора из 25000 храмов осталось 1277, причем неизвестно, совершалось ли в них богослужение. Потери 1937 года для Церкви и для народа в целом оказались невосполнимы, и неизвестно, будет ли когда-нибудь преодолен тот ущерб, который нанес Церкви Сталин.

- Таким образом, изменение политики в отношении к Церкви, происшедшее в 1943 году, было лишь тактическим шагом?

Что касается изменения политики по отношению к Церкви после 1943 года, то это изменение преследовало единственную цель – использование Церкви государством в его внешнеполитической деятельности. В связи с этим прекратилась оголтелая антирелигиозная пропаганда. Но храмы так же, как и раньше, продолжали закрываться с ведома и под контролем Сталина. В частности, в «соответствии с Постановлением СНК СССР от 1 декабря 1944 № 1643-48/с <...> производилось изъятие у религиозных общин общественных зданий, занятых ими в период оккупации под молитвенные дома, исходя из возврата этих зданий советским органам». Здания, о которых шла речь, это здания храмов, переданные после их закрытия в 1930-х годах колхозам, а в период оккупации приведенные верующими в порядок, так что в них стало возможно совершать богослужения. К 1 октября 1949 года из 1701 здания было изъято 1150. За этим процессом внимательно наблюдал Сталин, о чем свидетельствуют его пометки на документах. Регулярно глава МГБ отчитывался перед ним об арестах священнослужителей и мирян. Известно, например, что с 1 января 1947 года по 1 июня 1948 года в Советском Союзе было арестовано 679 человек православных церковников. В заключении в лагерях на 1 октября 1949 года находилось 3523

священника. Такова была в те годы политика государства, руководимого Сталиным, по отношению к Русской Православной Церкви.

- А как Вы относитесь к почитанию Сталина в церковной среде?

- Русский человек почти всегда находился в оппозиции к существующей власти. Ему не нравилась абсолютистская монархия, несшая в своем стиле управления элементы немецкой бюрократии. Она сменилась коммунистической диктатурой. Коммунистическая диктатура даже в своем ослабленном виде перед ее крушением вызывала справедливый протест. Она сменилась новой формой, которая воспринимается русским человеком в значительной степени, как чужеземная. Эта форма также видится ныне русским человеком исчерпавшей свои возможности. А поскольку в мире уже нет политических моделей, которые можно было бы заимствовать, все «иностранное платье» ношено-переношено и ни одно не подошло, то иной церковный человек, оглядываясь в поисках идеала назад, и извлекает из прошлого в качестве «политического идеала» Сталина. Но опасен такой подход. Вместо того, чтобы исследовать, размышлять и, наконец, искать причины, почему у нас были проблемы в прошлом, беспристрастно изучать свою историю, мы предпочитаем снова бездумно кланяться мертвой политической схеме, в данном случае в виде диктатуры Сталина. Вольно кланяться политическому кумиру, когда он в далеком прошлом, но не так-то легко жить у его подножия, при его жизни. Если мы спросим себя, довольны ли были жившие в 1930-х годах церковные люди Сталиным, то легко ответим, что никто из церковных людей, находясь в здравом рассудке и памяти, не сказал бы тогда, устлая своими телами рвы Бутовского полигона или ожидая ареста, что он доволен диктатором. Небезызвестен и факт, что именно церковное общество во время Второй мировой войны колебалось, не зная, какую диктатуру выбрать. Выбирая, хотя бы и на словах, в качестве политического идеала Сталина, человека, который принес страдания миллионам людей, в том числе и церковных людей, мы оказываемся солидарными не с теми, кто страдал, а с теми, кто приносил страдания. Не могу назвать иной причины этого странного сталинофильства, как нежелание думать о прошлой, трагичной истории нашей страны. Но сейчас не время поиска политической схемы или челове-

ческого идеала, идеал у нас уже есть – это Господь. И сейчас пришло время труда и размышлений, может быть, самого тяжелого труда для современного человека, потому что слишком долго нас отучали думать.

- Отец Дамаскин, перед Вашими глазами находились тысячи следственных дел, Вы стали свидетелем тысяч трагических человеческих судеб. Расскажите, пожалуйста, о тех случаях, когда исповедание веры во Христа запомнилось Вам наиболее ярким образом.

- Это, конечно, архиепископ Пермский и Кунгурский Андроник (Никольский), созидавший церковное дело, несмотря на беспощадные гонения; стоя перед могилой и зная, что будет закопан живым, он сохранил мир, глубокий молитвенный настрой и доброжелательность к своим убийцам.

О его подвиге со страхом и удивлением свидетельствовали впоследствии сами гонители. И любезный сердцу архиепископа Андроника Варсонофий (Лебедев), епископ Кирилловский, мужественно прошедший свой прекрасный путь на Голгофу. Только древние мученики могли бы перед смертью сказать: «Я не боюсь насильственной смерти, но я не смею думать, чтобы Господь нашел меня достойным мученической кончины». И глядя на место мучений отметить, что духовному лицу надо на смерть идти не боясь, с веселием, как на брачный пир. И многодетная, имевшая с мужем (священномучеником Тихоном, расстрелянным в октябре 1937г.) восемнадцать детей, Хиония Архангельская, не уклонившаяся от страданий, когда пришло время, но смело пошедшая вслед за мужем-священником в тюрьму, сумевшая и в тюрьме сохранить мир, веру, воспринявшая и заключение со смирением, и на угрозу следователя сказавшая: «Воля ваша. А я жила, грешила и должна понести наказание за грехи».

- А что бы Вы могли рассказать о случаях отречения от Христа? Как часто они имели место? Известны ли Вам случаи последующего покаяния после отречения?

- Христиане в XX веке в советской России жили в несколько иных условиях, нежели древние мученики в Римской империи. В Советском Союзе существовала конституция, в которой была прописана свобода исповедовать любую религию. И следователи могли мучить человека, спрашивая о вере разве что

тайно, не фиксируя это в протоколах допросов. В те годы безбожная власть хотела от человека несколько большего, чем словесное отречение, она хотела, чтобы человек на практике сотрудничал с нею, подтвердил свое неверие делом. Считаем ли мы Александра Введенского, бывшего протоиерея, предавшего властям на смерть митрополита Петроградского Вениамина (Казанского), и его соратников по войне с Церковью отрекшимися от Христа или нет? Или Михаила Галкина, бывшего протоиерея, воевавшего с Церковью под псевдонимом Горев. Однако, и разовых отреченцев было достаточно. В те годы, скорбные для Церкви, их списки обильно печатались в газетах. Открываем и читаем: Акилычев, священник, прослуживший в храме 23 года, Барминский, священник, Бестужев, диакон, Богословский, священник, Виноградов, священник, Востоков, диакон, Дельфонцев, диакон, Знаменский, священник, Киреев, священник, Корякин, диакон, Крылов, диакон, Лебедев, протоиерей, Малыгин, священник, Невский, священник, Сперанский, священник, Троицкий, священник, Шепетов, священник, и т.д., и т.п., с указанием полных имен, отчеств и места служения. Конечно, возвращающиеся к церковному служению были, но это возвращение происходило под бдительным наблюдением соответствующих органов, так что это нельзя вполне назвать покаянием, как это было в древности. Но бывали случаи, когда священнослужитель, по малодушию соглашаясь предавать своих братьев, затем раскаивался. В иных случаях остались письменные свидетельства его покаяния. Протоиерей Николай Тохтуев, сделав такой выбор, писал начальнику местного НКВД: «Гражданин начальник!.. Что вы от меня требуете, то я сделать не могу... Хотя я и семейный человек, но ради того, чтобы быть чистым перед Богом, я оставляю семью ради Него... меня подкрепляет и ободряет дух мой Тот, ради Которого я пойду страдать, и я уверен, что Он меня до последнего вздоха не оставит, если я Ему буду верен, а отчет мы все должны дать, как жили мы на земле... И вам не могу услужить, как вы хотите, и перед Богом кривить душой. Так я и хочу очиститься страданиями, которые будут от вас возложены на меня, и я их приму с любовью». Протоиерей Николай был отправлен в концлагерь и скончался в заключении.

- Отец Дамаскин, среди мучеников 1937 года сияют такие личности, как митрополит Петр (Полянский), митрополит Кирилл (Смирнов), митрополит Серафим (Чичагов). Но, может быть, по Вашему мнению, есть и еще кто-то, кто несомненно заслуживает внимания, но незаслуженно забыт, хоть и прославлен Церковью?

- Те, о ком мы можем сказать, что это люди святой жизни, проявившие постоянство и твердость в исповедническом подвиге и мужество в мученичестве, но на жизнь которых не обращается достаточно внимания, довольно многочисленны. Кроме тех, кого я уже называл, можно назвать также следующих. Священномученика Фаддея (Успенского), архиепископа Тверского, подвижника от юности и человека святой жизни, безупречного во всех отношениях и христианина во всех обстоятельствах, самого смиренного архиерея Русской Церкви тех лет. Священномученика Петра (Зверева), архиепископа Воронежского, архипастыря-подвижника. Священномученика пресвитера Иоанна Восторгова, сделавшего при жизни для Церкви столько, сколько могли бы сделать сотни людей и десятки церковных учреждений. Мученицу Татиану Гримблит, благотворившую многим архипастырям и пастырям Русской Церкви. И блаженную Нину Кузнецову, подвижницу и мученицу.

Иеромонаха Феодора Богоявленского, преподобномученика, изображенного на картине П. Корина «Русь уходящая», материалы следствия которого свидетельствуют, что никакое следствие ничего не может сделать с человеком против его воли, а следователи не могут составить протоколы допросов не в соответствии с тем, с чем человек согласился – он может их просто не подписать. Блаженную Матрону Белякову, Анемнясевскую подвижницу и исповедницу, чей христианский подвиг можно сравнить разве что с подвигом древних подвижников. Она была слепа – и в протоколе допроса следователь мог написать, что угодно, а послушные следователю понятые могли это подписать, но этого не произошло, коряво по стилю, но по существу верно они отразили в протоколе допроса то, что она говорила. Это и протоиерей Николай Лебедев, подъявший задолго до революции подвиг по борьбе с пороком пьянства и устроивший приют для бездомных детей – при советской власти ставший исповедником и

скончавшийся в ссылке. Это и протоиерей Иоанн Стеблин-Каменский, священномученик, который заключение его в Соловецкий концлагерь переживал как благодатную весну для души. И многие, и многие другие. Все они заслуживают внимания церковных людей, а в богослужении – торжественных служб и печатания имен жирным шрифтом в церковном календаре, хотя бы как напоминание об этом. И, прежде всего, потому, что их подвиг и их молитвы важны для всей Русской Церкви.

Есть случаи, когда тот или иной священномученик не прославлен, но, несомненно, вызывает глубочайшее уважение – например, владыка Феодор (Поздеевский) или владыка Арсений (Жадановский). (И они также являются мучениками 1937 года). Пожалуйста, поясните, почему нас не должно смущать то, что такие лица не прославлены.

Нас это смущает наверно потому, что мы рассматриваем мнение Синодальной комиссии и решение Священного Синода о внесении имени того или иного человека в святцы, как некий суд, и невнесение его – как приговор. Но это совершенно не соответствует действительности. Комиссия рассматривает лишь имеющиеся в документах препятствия к канонизации в соответствии с принятыми Церковью критериями. Однако есть много святителей, подвижников благочестия, церковных ученых, понесших много трудов на благо Церкви, и их имен нет в святцах, а мы пользуемся их трудами. И это нас не смущает. Не должно смущать и в данном случае.

- Что, Вы думаете, является необходимым для того, чтоб почитание новомучеников стало актуальной потребностью наших православных соотечественников?

- О них надо читать, их жизнь изучать, сверять с нею и свою жизнь, сравнивать, что для нас важно и существенно, и что было важно и существенно для мучеников. Одними ли ценностями мы с ними живем, на достижение сходных ли целей настроены. Это ведь важно – сравнить их и нас, и прежде всего потому, что зачастую им не было оставлено гонителями ничего, кроме веры в Христа. Они были лишены всего, но могут многим нас обогатить. Если говорить о практическом пути актуализации почитания новомучеников, то вероятно нуж-

ны, кроме отдельных, издаваемых ныне житий новомучеников, посвященные им главы в учебниках и хрестоматии.

Интервью в интернет-издании «Татьянин День»

09 августа 2012 года

Источник: <http://www.taday.ru/text/1750816.html>

**Курская митрополия:
изучение истории
пострадавших
в Курском крае
духовенства и мирян
в годы гонений**

Историческая секция

Всероссийских Знаменских чтений:

Дамиановские чтения

В рамках Всероссийских научно-образовательных Знаменских чтений в Курской государственной сельскохозяйственной академии им. проф. И.И. Иванова работает историческая секция «Дамиановские Чтения: Русская православная церковь и общество в истории России и Курского края». Первые Дамиановские чтения проходили в 1998 году в Доме Знаний, вторые – в 2000 году в Курском государственном педагогическом университете. С 2006 года Чтения традиционно организуются кафедрой истории государства и права при содействии Курского Свято-Троицкого женского монастыря, а с 2008 года и Историко-архивной комиссией по изучению материалов о репрессированных священно-(церковно-)служителях Курской епархии.

Дамиановские чтения посвящены памяти нашего земляка – священномученика Дамиана (Воскресенского), архиепископа Курского и Обоянского, расстрелянного 3 ноября 1937 года.

Основные доклады научно-практических Чтений раскрывают тему новомучеников и исповедников Российских, историю массовых гонений на Русскую Православную Церковь в годы репрессий XX века. Кроме того, обсуждаются проблемы изучения источников церковной истории Курского края, духовно-нравственного воспитания молодёжи и религиозного образования, культурно-просветительской и благотворительной деятельности Церкви и православных организаций, судьбы храмов Курской области.

Высокий научный уровень Дамиановских Чтений поддерживается благодаря ежегодному участию историков-специалистов из Москвы, а так же секретаря Синодальной комиссии РПЦ по канонизации святых игумена Дамаскина (Орловского).

О ежегодных результатах работы Историко-архивной комиссии по изучению материалов о пострадавших в годы репрессий духовенства и мирян Курского края докладывает председатель комиссии иерей Владимир Русин.

На конференции также представляются доклады исследователей, помогающих в работе Историко-архивной комиссии.

Стало доброй научно-просветительской традицией проведение в рамках Дамиановских чтений *молодежной секции*. Студенты академии собирают историко-краеведческий материал и выступают с докладами и сообщениями.

За последнее время научно-практическая конференция «Дамиановские чтения» стала значительным научным форумом.

Историко-архивная комиссия по изучению материалов о репрессированных священно-(церковно-)служителях Курской епархии

Историко-архивная комиссия по изучению материалов о репрессированных священно-(церковно-)служителях Курской епархии создана по распоряжению архиепископа Курского и Рыльского Германа 29 мая 2008 года.

Комиссия состоит из председателя, членов и добровольных помощников и насчитывает 11 человек.

Председатель: иерей **Владимир Русин**, настоятель Покровского храма с. Кунье Горшечного района Курской области

Члены комиссии:

– игуменья Курского Свято-Троицкого женского монастыря **Сусанна** (Барыкина),

– **Ильина Зинаида Дмитриевна**, профессор, доктор исторических наук, зав. кафедрой истории государства и права Курской государственной сельскохозяйственной академии имени проф. И.И. Иванова (Курская ГСХА),

– монахиня **Иустина** (Трофимова), секретарь комиссии, архивариус Курского Свято-Троицкого женского монастыря,

– инок **Александр (Зимин)**, насельник Знаменского мужского монастыря.

Деятельность комиссии проводится по трем основным направлениям: научно-исследовательскому, просветительскому и информационно-организационному.

Главную часть научно-исследовательского направления составляет архивная работа в архивах УФСБ по Курской и Белгородской областям, в Госархиве Курской области и Архиве Курской епархии. Она заключается в сборе, обработке и систематизации архивного материала о духовенстве и мирянах, пострадавших в годы репрессий. Кроме того, собирается фототека.

На базе Курского Свято-Троицкого женского монастыря, где Комиссия располагается, начала формироваться единая база данных о репрессированных священно- и церковнослужителях Курской епархии и мирянах. Создан Синодик пострадавших в годы репрессий в Курском крае. По результатам архивно-исследовательской работы подготавливаются научные сообщения на Дамиановские чтения и публикации.

С **просветительской** целью ежегодно с 2008 года в день памяти священномученика Дамиана 3 ноября в Свято-Троицком женском монастыре совершается **панихида по репрессированному в XX в. духовенству Курской епархии**. Поминование проходит с благословения митрополита Курского и Рыльского Германа по инициативе членов Историко-архивной комиссии. На панихиду приглашаются сотрудники кафедры истории государства и права Курской ГСХА, которые занимаются исследованием документов по массовому уничтожению духовенства, а также преподаватели КГУ, ЮЗГУ, МЭБИК, сотрудники Общества «Знание» и «Фонда мира» и другие представители науки и культуры.

Во время панихиды поминаются репрессированные священно-, церковнослужители, имена которых удалось выявить в ходе исследований. По окончании панихиды произносится проповедь о значении подвига пострадавших за веру.

Направление **организационно-информационное** включает в себя: взаимодействие с Синодальной комиссией по канонизации святых РПЦ, взаимодействие с другими епархиальными комиссиями по канонизации, заседания Комиссии, освещение на сайтах Митрополии и Курского Свято-Троицкого женского монастыря мероприятий Комиссии.

Историко-архивная комиссия приглашает к сотрудничеству всех заинтересованных в этой работе людей.

Просим присылать на адрес электронной почты (kstgm.@mail.ru) комиссии материалы о репрессированных в советское время духовенстве и мирянах.

Заключительное слово на V Дамиановских чтениях

...Название конференции всем известно – это «Дамиановские чтения». Доклады на этой конференции посвящены исторической тематике. Но эта тема неисчерпаемая.

Особенно нуждаются в исследовании революционные годы, 20-е – 30-е гг. XX в. Это был самый трагический период в истории России, когда разрушались ее основы, ее многовековая культура, уклад жизни, быт народа, когда миллионы людей пострадали. Для Церкви это был особенно трудный период репрессий и уничтожения. Практически все епископы были расстреляны или находились в тюрьмах и ссылках, духовенство было арестовано. Чудом не закрытые храмы были обложены каким-то невероятным налогом. Когда само по себе – быть верующим человеком и ходить в храм, – было небезопасно.

У нас еще много работы по выявлению имен невинно пострадавших в годы репрессий, этих страдальцев, которые, несмотря на ужасные условия, заточения, тюрьмы, лагеря, аресты, допросы сумели сохранить облик истинного человека и показать великий пример терпения, мужества и верности своей вере и долгу. Здесь нельзя не упомянуть о расстрелянных курских архиепископах священномучениках Дамиане и Онуфрии. Когда была канонизация, то в их биографии не нашлось ни одной «черточки», которая заставила бы усомниться в их святости, в их страданиях, в подвиге, который они явили в те страшные годы миру и России...

Работа, которая проводится в стенах сельхозакадемии на кафедре истории, – очень ценная и полезная. Нам нужно вместе – и священнослужителям и Епархии – больше трудиться особенно, над выявлением имен пострадавших во время репрессий, чтобы их подвиги, их имена стали известны людям, известны Церкви, известны миру.

Я благодарю [участников] Дамиановских чтений за интересные содержательные доклады... Благодарю за понимание, за сотрудничество. И всем вам желаю добра, радости и здоровья.

27 марта 2008 года

Архив Курского Свято-Троицкого женского монастыря

Слово на открытии VI Дамиановских чтений

...Именно здесь в стенах сельхозакадемии в рамках Дамиановских чтений несколько лет назад начала проводиться очень большая, важная, кропотливая работа по изучению сложного и трагического периода в жизни нашей страны – репрессий 20-30-х гг. XX в. Здесь началось выявление имен многих мучеников и страдальцев за веру. На Дамиановских чтениях были представлены первые работы по истории подвига, жизни и страданий священномучеников архиепископов Курских, которые возглавляли Курскую Епархию, церковную жизнь в страшные 30-е годы. Духовный подвиг священномучеников Дамиана и Онуфрия начался в Курске. Владыка Онуфрий был архиепископом Старооскольским. А последние годы священномученика Онуфрия проходили в Курске, здесь же он был и арестован. Отсюда начался его страдальческий путь на свою Голгофу.

Почему важно для нашего времени говорить о духовном подвиге российских новомучеников и исповедников? Потому что они показали великий пример веры, мужества, великий пример стояния в Правде, великий пример жертвенности, героизма даже до смерти. За свою веру, за свою идею, за Истину, за Правду Божию, не боясь никаких прельщений, не боясь никаких страданий, не дорожа ничем, даже своей жизнью. Это великие люди, это Святые люди. Их пример очень важен для нас, людей XXI века. Дабы мы все тоже укреплялись их молитвами, их примером, укреплялись в добродетели, в вере, укреплялись в своей жизни, которая должна быть доброй, полезной, исполненной хорошими делами, смыслом и содержанием...

Я сердечно приветствую гостей нашей конференции, которые прибыли из различных регионов нашей страны. И я думаю, что все, кто причастны к этой теме по изучению жизни и страданий новомучеников российских, получают немалую пользу для своей души.

Я желаю всем собравшимся успешной и плодотворной работы, интересных докладов, доброго человеческого общения. Помощь Божия да сопутствует всем вам.

18 марта 2009 года

Архив Курского Свято-Троицкого женского монастыря

Священник Владимир Русин

*настоятель Покровского храма с. Кунье Горшечного района Курской области,
председатель историко-архивной комиссии по изучению материалов
о репрессированных священно-(церковно-)служителях Курской епархии*

Куряне – новомученики

В Соборе новомучеников и исповедников Российских поименно прославлено 1 765 человек. Есть в этом сонме и святые, земная жизнь которых была связана с Курским краем. Одни из них здесь родились, другие проходили на территории Курской епархии чреду церковного служения или же трудились на ином поприще. Как, к примеру, святитель-исповедник Лука (Войно-Ясенецкий), который до принятия священного сана был одно время практикующим врачом в Фатежском уезде.

Курянам, живущим полнокровной церковной жизнью, думаю, хорошо известны жития святых Курских архиереев: священномученика Дамиана (Воскресенского) и священномученика Онуфрия (Гагалюка). Значительно реже вспоминаются нами имена иных курских новомучеников. А есть и такие уже прославленные во святых куряне, икон которых нет ни в одном курском храме.

В этой заметке, не претендующей на полноту освещения предложенной темы, а преследующей цель лишь привлечь внимание к вопросу почитания наших новомучеников, хотелось бы просто немного рассказать о некоторых малоизвестных курянах-мучениках.

В первую очередь о четырех святых, пострадавших на печально знаменитом Бутовском полигоне под Москвой.

Священномученик Афанасий Васильевич Докукин родился 18 января 1899 года в селе Верхний Любаж Курской губернии. С 1914 года был псаломщиком в одном из храмов Фатежского уезда. В 1923г. митрополитом Назарием (Кирилловым) рукоположен в сан диакона к Михаило-Архангельской церкви в селе Линцы Фатежского района, в 1925г. – во священника к Введенской церкви

села Кочетно Льговского района. В 1933 году арестован за неуплату налогов, приговорен к трем годам. В 1935г. освобожден. Служил в Московской области. Расстрелян 9 октября 1937 года и погребен на полигоне Бутово.

Священномученик Павел Аркадьевич Андреев родился в деревне Аннино Тимского уезда Курской губернии в 1880 году. Учился в Курской Духовной семинарии и Санкт-Петербургской Духовной академии. Был законоучителем и заведующим церковноприходской школой в Екатеринославской губернии. С 1920 года в Мариупольской губернии. В 1923 году возведен в сан протоиерея. В 1929 году назначен настоятелем церкви Воскресения Словущего, что на Остоженке в Москве. В том же году назначен ключарем московского Богоявленского кафедрального собора, что в Драгомилове, и награжден митрой. 21 марта 1932г. арестован и заключен в Бутырскую тюрьму. 10 мая 1932 года приговорен к трем годам ссылки в Казахстан и отправлен в Алма-Ату. В 1935году вернулся из ссылки и назначен настоятелем храма в Теряевой слободе Волоколамского района. В 1937 году протоиерей Павел Андреев назначен настоятелем храма Рождества Богородицы в селе Возмище Волоколамского района Московской области и благочинным православных приходов Волоколамского, Шаховского и Лотошинского районов. 7 октября 1937 года арестован и заключен в тюрьму в Волоколамске. 16 ноября 1937 года расстрелян и погребен на полигоне в Бутово.

Преподобномученица Анна Афанасьевна Ефремова родилась 25 марта 1882 года в деревне Гнездилово Курской губернии в семье крестьян. В 1903 году была послушницей Московского Скорбященского монастыря. После окончательного закрытия обители в 1928 году проживала в Москве. На допросе сказала: *«Я считаю, что арестована за то, что являюсь монахиней, которых сейчас арестовывают без всякой вины»*. Расстреляна 17 февраля 1938 году на полигоне в Бутово.

Преподобномученица Александра (Мария Афанасьевна Червякова), схимонахиня. Родилась в 1873 году в Курске в семье эконома Дворянского собрания. Расстреляна 13 октября 1937 года на полигоне Бутово.

Более подробные жития курян, пострадавших в Бутово, составлены игуменом Дамаскиным (Орловским) и протоиереем Максимом Максимовым.

В Казахстане православные свято хранят память о преподобномученике Пахомие (Прохоре Петровиче Русине). Родился будущий святой в селе Генеральшино Курской губернии в 1880 году. Но большая часть его жизни была связана с Казахстаном, куда он уехал еще до Первой Мировой войны. Поначалу отец Пахомий подвизался в Иссык-Кульском Свято-Троицком мужском миссионерском монастыре, а в период гонений до своего ареста жил отшельником в горах. Расстрелян иеромонах Пахомий в Алма-Ате в 1938 году.

В 1920-е годы в Обояни в храме Смоленской иконы Божией Матери служил священник Петр Федорович Григорьев. Родился он в 1895 году в семье личного дворянина. В 1916 году, окончив учебу в Курской Духовной Семинарии, поступил в Санкт-Петербургскую Духовную Академию. Через год вынужден был покинуть революционный Петроград и вернуться в Обоянь к матери. Поступил псаломщиком в Смоленскую церковь. В 1919 году рукоположен в сан священника. В первые годы советской власти отец Петр сумел собрать при храме, в котором служил, крепкую общину. Среди народа он пользовался заслуженным вниманием и уважением. К нему за советом и утешением приходили из окрестных сел. Бывала в его квартире и молодежь.

В феврале 1930 года отец Петр был арестован и обвинен в «антисоветской и антиколхозной агитации». Но через четыре месяца дело против священника было прекращено «из-за недостаточности материалов». Иерей Петр Григорьев продолжил служение в храме Смоленской иконы Божией Матери в Обояни. В октябре 1931 года его арестовали вторично. В этот раз обвинители подготовились более основательно. Вместе с отцом Петром по делу проходили еще 35 человек, которые, по версии следствия, составляли «церковно-монархическую контрреволюционную организацию». Иерею Петру Григорьеву отвели в ней роль руководителя Обоянского филиала. Обвиняли его в связях с контрреволюционным духовенством и монашеством, а также в сборе средств для находившегося в заключении архиепископа Курского Дамиана (Воскресенского). В апреле 1932 года Тройка при ПП ОГПУ по Центрально-Черноземной

области признала отца Петра виновным и вынесла суровый приговор – 10 лет концлагерей. Первую часть срока он отбывал на печально известном строительстве Беломорканала. В начале 1937 года иерея Петра Григорьева перевели из Белбалтлага в Волголаг. Здесь на него завели новое и последнее дело. Его обвинили в создании в лагере церковно-монархической группы, в организации коллективного чтения молитв и в исполнении религиозных обрядов. На допросах отец Петр проявил твердость. Не упомянул никого из знакомых и решительно отверг обвинения в контрреволюционной деятельности. Кто-то из сотрудников НКВД даже сделал на его деле пометку «*Вербовке не поддается*». 23 сентября 1937 года священник Петр Федорович Григорьев, заключенный ИЗО 3-го отделения Волголага (Угличский р-н Ярославской обл.), был расстрелян...

Это судьбы лишь некоторых новомучеников Курских. А сколько их всего? Вопрос остается открытым. Разумеется, еще не все имена наших святых земляков внесены в Собор новомучеников и исповедников Российских.

В 2008 году архиепископом Германом была создана Историко-архивная комиссия, перед которой была поставлена задача – изучить материалы о репрессированных священно- (церковно-) служителях Курской епархии.

К началу 2012 года сотрудниками комиссии было изучено более сотни следственных дел из архивов УФСБ по Курской и Белгородской области. Но основная работа – впереди.

Хотелось бы, чтобы в ней приняли участие и настоятели храмов нашей епархии, и прихожане. Наверняка, в каждом приходе сохранились какие-то сведения о периоде гонений. Иногда известно просто имя священника, обстоятельства борьбы местных жителей за открытие храма, печальная участь тех, кто принимал участие в богоборческих акциях. Все это может направить ход наших исследований. Ведь подробная история репрессий против Церкви в нашем крае еще не написана.

**Священномученик Онуфрий (Гагалюк)
и епископ Вениамин (Иванов)**

О жизни епископа Саратовского Вениамина (Иванова) сохранились самые скудные сведения. Мельком о нем упоминается в некоторых трудах, посвященных истории Русской Православной Церкви в XX веке. Несколько фактов из биографии владыки сообщила сотрудникам Православного Свято-Тихоновского Гуманитарного Университета его невестка Аида Иосифовна Иванова.

Но есть еще один ценный исторический источник, позволяющий уточнить и дополнить жизнеописание епископа Вениамина новыми деталями. Это «Слово при пострижении в монашество иеромонаха Вениамина», опубликованное в двухтомном собрании творений священномученика Онуфрия (Гагалюка). Ведь именно владыка Онуфрий по благословению Митрополита Сергия (Страгородского) совершил постриг в монашество священника Виктора Иванова.

Виктор Ананьевич Иванов (будущий епископ Вениамин) родился 10 сентября 1866 года в Одессе. В Казанскую Духовную Академию он поступил уже в зрелом возрасте. В 1913 году отец Виктор окончил учебу в академии и был назначен епархиальным миссионером Херсонской епархии.

Священномученик Онуфрий, прослеживая жизнь священника, отметил, что тот давно *«тосковал об ангельском образе»* и мысль *«стать иноком всегда была его «тайным желанием»*.

«Между тобою и мною есть немало нитей духовного единения, – говорил владыка Онуфрий новопостриженному иеромонаху. – Это прежде всего покойный святитель Преосвященный епископ Анастасий. В 1913 году он был ректором Казанской Духовной академии, - тогда ты в ней учился, и желал он постричь тебя в монашество с именем Вениамина. В конце 1913 года Владыка

Анастасий стал ректором Петроградской Духовной академии, и в октябре 1913 года облек в ангельский облик меня, убогого, тогда юного студента...».

Вспомнил священномученик Онуфрий и первую свою встречу со священником Виктором Ивановым, произошедшую в Григорие-Бизюковом монастыре около 1915 года: *«Ты, пастырь-миссионер, привез в святую обитель из Одессы чудотворный Касперовский образ Царицы Небесной. Твой кроткий вид и воодушевленная проповедь сделали тебя моим искренним другом».*

С 1917 по 1926 год отец Виктор служил в Одессе, а затем переехал в Курскую губернию. Более трех лет владыка Онуфрий, будучи епископом Елисаветградским, управлял Одесской епархией и, по собственному признанию, радовался о священнике Викторе Иванове как о лучшем пастыре.

«Наконец, совершенно неожиданно для нас обоих, – продолжил священномученик Онуфрий, – ты оказался под моим омофором опять, когда я был епископом Старооскольским, и Первосвятителем поручено было мне постричь тебя в монашество».

Описал владыка и само пострижение, назвав его скромным торжеством: *«Такого ли пострига ты ожидал? В твоих юношеских мечтах о пострижении рисовался тебе благолепный храм, торжественная архиерейская служба, множество зажженных свечей, масса товарищей-студентов с радостными лицами, сонм иночествующей братии... А что ты видишь ныне? – Убогая келья, два стула, кровать, один чтец-певец... И весь чин свершаем мы в страхе, «дверем затворенным» (Ин. 20.19)».*

Утешил владыка инока напоминанием, что Сам Господь в этот момент с ангелами и святыми угодниками посетили эту келью, не погнушавшись ее убогостью. Как не погнушался Спаситель и бедных вифлеемских яслей.

«Постоянно молись Богу, при всяком случае, – наставлял архиерей иеромонаха. – Молитва – дыхание инока. Без молитвы он – труп... Никогда не надейся на себя, а лишь на помощь Божию... Твой новый небесный покровитель – святой мученик Вениамин – был диаконом и пострадал за проповедь христианской веры. Подражай ему в верности Христу Богу и в святом деле благовестничества. Ты не только инок, но и пастырь. Господь наделил тебя даром слова.

Благовествуй же день от дня спасение Бога нашего! Все твои таланты отдай на служение Христовой Церкви...».

За неимением иконы мученика Вениамина владыка Онуфрий благословил иеромонаха Вениамина (Иванова) Казанским образом Божией Матери и добавил: *«Не забывай о том святом, возвышенном, прекрасном, что дала тебе Казань. Не заглушай в себе святого юношеского идеализма. Непреклонно верь в торжество истины над тьмою, святыни над пороком...»*

Сотрудники ПСТГУ относят этот постриг к 1933 году. «Слово при пострижении...» не датировано. Но в самом тексте указывается, что постриг совершался в день памяти святого великомученика Димитрия, то есть 8 ноября. Следовательно, в 1933 году он совершаться не мог, так как в этом году 27 августа иеромонаха Вениамина уже рукоположили в сан епископа. Логично предположить, что описываемое событие произошло в 1932 году. Если это предположение верно, то «убогая келья», в которой отец Вениамин приносил монашеские обеты еще цела. Находится она в Старом Осколе на улице Пролетарской в доме №47, где проживал священномученик Онуфрий в бытность свою епископом Старооскольским. То, что в этом доме владыка совершал постриги в монашество, факт общеизвестный.

Божественная Литургия, во время которой иеромонах Вениамин (Иванов) был рукоположен в сан епископа, проходила в Москве в Елоховском соборе. Возглавлял службу Заместитель Местоблюстителя Патриаршего Престола митрополит Сергей (Страгородский). Ему сослужили Афанасий (Малинин), только что назначенный на Саратовскую кафедру, и другие архиереи.

Сам епископ Вениамин получил назначение в Омскую епархию на викарную кафедру в город Петропавловск. В январе 1936 года владыка Вениамин по неизвестным причинам был отстранен от управления епархией, а 23 сентября назначен в Саратов.

В 1937 году его арестовали и 20 октября приговорили к высшей мере наказания – расстрелу.

27 сентября 1961 года Президиум Северо-Казахстанского облсуда реабилитировал епископа Вениамина (Иванова). В том же году родственники влады-

ки получили справку о том, что он якобы умер в лагере от цирроза печени 13 марта 1945 года.

В кратком жизнеописании епископа отмечается, что он *«был прекрасным проповедником»*. За проповедь христианской веры он и пострадал, как и его небесный покровитель – святой мученик Вениамин.

Священник Владимир Русин

Протоиерей Алексей Дяконов из Замостья (1863-19..?):

Протоиерей Алексей Григорьевич Дяконов три десятка лет служил в Преображенском храме села Замостье в пригороде Суджи. Родился он в 1863 году в семье священника села Никольское Фатежского уезда. После окончания учебы в Курской духовной семинарии вернулся в родной уезд и два года служил псаломщиком в селе Смородное. В эту пору псаломщик Алексей женился на девице Пелагее. Брак их впоследствии был осчастливлен рождением пятирех детей.

9 мая 1890 года состоялось рукоположение А.Г. Дяконова во священники. Назначен он был во Флоровскую церковь села Ветреное Льговского уезда. Затем служил в храме Рождества Пресвятой Богородицы села Гuevo Суджанского уезда. И, наконец, получил назначение в церковь Преображения Господня в селе Замостье. С 1913 года священник исполнял обязанности благочинного Суджанского округа.

В 1917 году отец Алексей Дяконов (уже в сане протоиерея) приютил в своем приходе известного петербургского церковного писателя и редактора газеты «Трезвость» протоиерея Петра Полякова. Дети священников (Симеон Поляков и Нина Дяконова) поженились в 1914 году, поэтому их связывали, помимо дружеских, еще и семейные отношения.

После революционных потрясений отец Петр, как лицо, стойко ассоциирующееся с царской эпохой, вынужден был оставить столицу и искать прибежища в Курской губернии, уроженцем которой он был. Таким образом, Замостье в первые годы советской власти получило двух крепких в вере пастырей, сумевших не только сохранить приход в Гражданскую войну, но и позаботиться о благолепии церковного здания. Роспись храма в Замостье была завершена

в 1922 году, невзирая на то, что в том же году Преображенскую церковь не обошли стороной члены комиссии по изъятию церковных ценностей. И некоторые, намеченные к изъятию предметы богослужебного характера, приходу пришлось выкупать. К примеру, храмовую икону Преображения Господня и две иконы из иконостаса[1].

Сохранились две надписи, сделанные на стенах алтаря по завершению росписи. Первая гласит: *«Расписан сей Храм при настоятеле протоиерее Алексее Дяконове и его помощнике протоиерее Петре Полякове, при церковном старосте Н.Р. Солонинкине, усердием церковного совета, общины сестер Христианского делания и Боголюбивых прихожан Святого Храма сего».*

Вторая надпись сохранила точную дату завершения работ: *«С Божией помощью расписан сей Храм Преображения Господня в лето от Р.Х. 1922 художником-академиком П.К. Лихиным при участии художника-академика Ф.П. Нестерова и С.В. Клименко при Святейшем Патриархе Тихоне, при Митрополите Курском Назарии и Преосвященнейшем Павлине, Епископе Рыльском октября месяца 11 дня»*[2].

Год 1922 – последний год в биографии протоиерея Петра Полякова. Умер он от заражения крови и похоронен у южной стены храма.

А отец Алексей еще семь лет окормлял свою паству, пока Господь не позвал его к страдальчеству.

17 октября 1929 года состоялось заседание Президиума Суджанского Райисполкома, посвященное хлебозаготовкам. На нем было принято постановление следующего содержания (приведем текст этого документа без правки и сокращений, чтобы передать колорит эпохи):

«Принимая во внимание отсутствие наличия складочных помещений для хранения не менее 206 пудов зерна предположенного к поступлению в ближайшие дни, поставить вопрос перед Суджанским Горсоветом и Замостяньским сельским советом о подготовке первого здания соборной и второму здания замостянской церкви для временного занятия под ссыпку поступающего по плану хлебозаточки зерна»[3].

Замостянский сельсовет в категоричной форме потребовал церковный совет Преображенского храма в двухдневный срок подготовить церковное здание к ссыпке хлеба *«на время, до особого на то распоряжения»*. В обращении к верующим власти утверждали, что для задуманного плана *«никаких препятствий быть не может»*. Однако коса нашла на камень...

Весть о том, что храм в Замостье собираются закрывать облетела село в одночасье. Люди, обеспокоенные дальнейшей судьбой церкви, священника и прихода в целом, встревожились. Беспокойство передалось и самим сотрудникам силовых органов, а это всегда чревато опасными последствиями. У храма собралось много народа. Кто-то не сдержал эмоций, кого-то потянули за язык, а кому-то почудились выстрелы. В результате вопрос о засыпке храма хлебом пришлось отложить и дать ход уголовному делу. Главным обвиняемым выбрали, естественно, священника. Мишень-то крупная. Церковник с большим стажем. К тому же уже был судим в 1923 году за проведение церковного собрания без разрешения властей. Тогда легко отделался. Всего четыре месяца в заключении пробыл.

Нарследователь 5-го участка Льговского округа, автор обвинительного заключения, так описал в своем произведении инцидент в Замостье:

«Обвиняемый Дяконов, будучи священником замостянской церкви, имел недовольство за то, что церковь должна быть временно закрыта под ссыпку хлеба...

20 октября сего года обвиняемый Дяконов в замостянской церкви служил обедню, во время которой было много молящихся. По окончании обедни он начал служить молебн, посвященный незакрытию церкви, и, читая Евангелие, внушил толпу к недопущению закрытия таковой. Присутствующие граждане пришли в волнение и 21 октября вечером с целью сбора народа без разрешения сельсовета, по инициативе обвиняемого Дяконова, был произведен набатный звон. Для вынесения протеста против закрытия церкви сошлась большая толпа народу. Дяконов начал служить вечерню внутри церкви. Прибывшие на место работники милиции пытались прекратить начавшееся было волнение. В это время из толпы стали бросать камни. Кроме того, из толпы неизвестно

кем был произведен выстрел. Благодаря таким действиям, вопрос о временном закрытии церкви под ссыпку хлеба был сорван...»

Ряд свидетельских показаний позволяет нам дополнить описание нарследователя еще некоторыми деталями. По оценкам очевидцев, вечером 21 октября у церкви собралось около 500 человек. Милиция подъехала к собравшимся на конях. Из толпы стражам порядка предлагали спешиться и даже пригрозили стащить их на землю. Кто-то выкрикнул: *«Не давайте арестовывать пона!»* А две комсомолки заявили своей наставнице, что они не желают больше быть в комсомоле. Словом, если бы верующие не разошлись, появились бы в Замостье и желающие выйти из партии.

Протоиерей Алексей Диаконов на допросе сообщил, что о готовящемся собрании ничего не знал. Набата никакого не было, звонили, как обычно звонят перед вечерней службой. Не знал отец Алексей и о распоряжении сельсовета засыпать церковь зерном. Но если бы и знал, то все равно *«службу совершать продолжил»*.

«Со своей стороны в отношении временного занятия церковного помещения под хлеб я ничего не имею, – сказал священник. – При условии, чтобы в таком не ругались, не курили, не входили в шапках и не занимали бы алтарей».

Виновным себя в предъявленном обвинении протоиерей Алексей не признал.

Помимо него, к ответу в качестве обвиняемых привлекли церковного ктитора Ивана Владимировича Гетманова, жену эмигрировавшего купца Екатерину Еремеевну Несмачную и модистку Екатерину Федоровну Клименко. Последних, видимо, за степень их церковности, в деле называли «монашками».

Чувствовалось, что следствие забуксовало. И Прокурор Львовского округа счел целесообразным подстегнуть нарследователя: *«Предлагается срочно окончить расследование о созвании собрания посредством набатного звона...»*

В декабре следствие завершилось. Но заседание Тройки ОГПУ, на котором определялась мера наказания, состоялось лишь 1 марта 1930 года. Ктитор и

жена купца были освобождены из-под стражи. А отец Алексей и Екатерина Клименко получили по 5 лет лагерей. Учитывая, что священнику в ту пору уже было 67 лет, можно предположить, что послужить в родном замостьенском храме ему уже не довелось. Во всяком случае, о дальнейшей судьбе протоиерея Алексия Дяконова архивные документы молчат.

Колокола после ареста священника заставили замолчать навсегда, сбросив их с колокольни.

21 апреля 1934 года власти посчитали, что церковная община в Замостье окончательно распалась и передали часть здания храма в аренду Суджанскому Заготзерну. *«С августа 1937 года храм был полностью закрыт ввиду отсутствия священнослужителя»*[4]. А в 1940 году возникла идея переоборудовать здание церкви *«под культурные цели»*. Но во время оккупации богослужebная жизнь в Замостье возобновилась.

Преображенский храм в селе Замостье сохранился до наших дней. И не просто как безжизненный недоразрушенный памятник архитектуры, а как живая память, как один из духовных центров Курской епархии.

Несколько лет назад потомки протоиерея Петра Полякова отыскали место его захоронения и благоустроили могилу. Где покоятся останки протоиерея Алексия Дяконова, неизвестно. Да и едва ли это можно теперь узнать. Но память о нем должна быть жива. Так же как и память о многих других священно- и церковнослужителях Курской епархии, пострадавших за веру в годы гонений на Церковь.

Примечания

[1] Из истории храмов Курской епархии. Обоянский и Суджанский районы. Под ред. В.Л. Богданова, М.М. Литвиновой. – Курск. 2008. – с.172. – с.78.

[2] Цит. по Павлова-Пономаренко Т.М. «Хотел гореть пред Богом, как свеча...» // Поляков Петр, протоиерей. Православие как основа жизни. СПб.: Общество памяти игумении Таисии, 2008. – 216 с. – с.31.

[3] Архив УФСБ РФ по Курской обл. Архивно-уголовное дело № П-11901. Лист без номера.

[4] Из истории храмов Курской епархии. Обоянский и Суджанский районы. Под ред. В.Л. Богданова, М.М. Литвиновой. – Курск. 2008. – с.172. – с.78.

2012 год

Священник Владимир Русин

Священник Христофор Мартынов из Средних Опочек

18 октября 1929 года на имя Среднеапоченского участкового милиционера Колесникова поступило заявление от местного 23-летнего комсомольца Петра Абрамовича Т. Заявитель сообщал, что получил сведения об антисоветской деятельности священника среднеапоченской церкви Христофора Мартынова. Сам комсомолец антисоветских высказываний от батюшки не слышал, но двое местных жителей якобы поведали ему, что обиженный властями священник *«называет всех уполномоченных грабителями»*. Петр Абрамович привел это и еще несколько обвинений, попросил направить его заявление *«по принадлежности»* и *«повести допрос по этому делу»*.

Просьба комсомольца имела силу закона. Уже на следующий день по делу отца Христофора были допрошены 9 свидетелей. Часть из них изначально относилась к духовенству недоброжелательно. А других следствие запугало.

26 октября допросили первый раз и самого обвиняемого. Через три дня взяли с него подписку о невыезде из села. Еще через два дня арестовали. А 2 ноября священник был уже узником Старооскольского Домзака.

Священника Христофора Алексеевича Мартынова жители Средних Опочек и окрестных деревень знали хорошо. Его папа Алексей Петрович около сорока лет был настоятелем храма святого Димитрия Солунского. Отец Христофор родился 13 апреля 1860 года в Средних Опочках. Отсюда уехал учиться в Курскую духовную семинарию. В 1886 году, после рукоположения в сан священника, он получил назначение в храм села Бочечки Путивльского уезда Курской губернии. А в 1905 году сменил в Средних Опочках своего родителя.

С 1908 года отец Христофор состоял в «Союзе русского народа». Но политическая деятельность его не отвлекала от главного – от служения Богу. За 24 года службы в Средних Апочках батюшка крестил более двух тысяч человек. Среди них, вероятно, был и будущий советский министр Григорий Золотухин, один из самых известных уроженцев села. К сожалению, подтвердить эту версию документами нет возможности, поскольку метрические книги за 1911 года, в который родился Григорий Сергеевич, сохранились фрагментарно. Утеряна как раз та часть книг, где была информация о родившихся.

Нет полных сведений в архивах края и о семье отца Христофора. Известно, что к моменту ареста он уже был вдов. В анкете из следственного дела указано, что к 1929 году сын священника Алексей, сорока четырех лет, работал учителем в школе в Уфе.

Отец Христофор жил в Средних Апочках с братом Платоном, шестидесяти четырех лет, который занимался сельским хозяйством.

Священника Христофора Мартынова уже однажды судили – в 1926 году «за преподавание детям Закона Божия». Тогда его приговорили к шести месяцам принудительных работ, но затем заменили наказание штрафом.

Весной 1929 года священник вновь проявил себя как ревностный пастырь, не испугавшийся возвысить свой голос в защиту веры. Накануне Светлого Христова Воскресения редакция среднеапоченской стенной газеты «Смычка» подготовила спецвыпуск, «*исключительно антирелигиозного содержания*». Так охарактеризовал его сам редактор издания Федор Сергеевич Кривоплясов.

Отец Христофор не оставил выпад воинствующих безбожников без ответа. Свое обращение к верующим он так же прикрепил к стене, но на церковной территории – у входа в храм. Правда, власти не позволили ему собрать большую читательскую аудиторию. Участковый милиционер Колесников, уже знакомый нам по выше цитированному документу, снял обращение. Позднее, оно было подшито к следственному делу священника, но, по неизвестным причинам, исчезло. Остался лишь пустой конверт.

Редактор «Смычки» Кривоплясов признался, что не читал обращения. Сам отец Христофор утверждал на допросах, что ничего контрреволюционного

в написанном им тексте не было. В постановлении на арест батюшки приведены всего две цитаты из утерянного документа: *«Люди изменили Богу и впали в заблуждение... Отступники от веры с яростью ренегатов нападают на Церковь Христову и хулят Бога и святых»*.

До 1929 года среднеапоченский священник исправно платил все налоги, но внезапно их сумма существенно возросла. Батюшка не смог в установленные властями сроки погасить задолженности, и было принято решение о продаже его имущества в уплату долгов. Это дело поручили уполномоченному Ястребовского Райисполкома товарищу Прошину.

Уполномоченный при первой же встрече со священником заявил ему, что *«мы идем к уничтожению религии»*. Прошина, по всей видимости, увлекала не столько экономическая часть поручения, сколько возможность козырнуть своими атеистическими убеждениями. Отец Христофор не скрывал на допросе, что отвечал на нападки антирелигиозно настроенного уполномоченного, не давая ему спуска.

Прошин, почувствовав, что на идеологическом фронте он успехов не добьется (пожилого священника уже не перековать), бойко распродал все его имущество: от кровати, сундука, книжных полок и часов до подушки, лампы, самовара и двух ряс, черной и белой. За все проданное государство выгадало 515 рублей 10 копеек. А сумма невыплаченного отцом Христофором налога составляла 558 рублей 30 копеек.

Батюшка хотел вести свой учет проданного, как он сам объяснил, *«из-за привычки к точности, а отчасти и для возможности справок при часто возникающих недоразумениях»*. Прошин позволил ему записывать, что именно продано и за сколько, запретив указывать имена купивших. Но «недоразумения» продолжали возникать. Попытку священника записать имена покупателей расценили, как угрозу и даже вложили в уста отца Христофора гневные фразы, которых он не произносил.

Еще среднеапоченского батюшку обвинили в организации подписей в защиту храма и сопротивлении засыпке его зерном. *«К сбору подписей я никого*

не побуждал... и меня удивляет эта ложь!» - ответил отец Христофор. Но власти не хотели верить, что значительная часть народа еще готова встать на защиту церкви. Активное участие в сборе подписей принимали две женщины: Мария Феокистовна Ишкова и Ефросиния Никоноровна Сверчкова.

«О закрытии церкви под ссыпункт я узнал после того, как она была засыпана хлебом», – сообщил следователю священник и признался, что стал жертвой обмана. Уполномоченный Прошин обещал занять храм зерном дня на четыре и высыпать его таким образом, чтобы осталось место для проведения служб. *«На деле вышло другое»,* – сетовал отец Христофор, которого арестовали, когда он пришел из церкви в сельсовет, чтобы напомнить представителям власти о данном обещании.

Все пункты предъявленного обвинения священник отверг и виновным себя не признал. Любопытно, что в ходе следствия шел поиск фактов антисоветской деятельности священника, а в анкете, составленной накануне вынесения приговора, указано, что подследственному предъявлено обвинение в *«религиозной агитации»*.

Фельдшер Михаил Павлович Топоров, осматривающий обитателей Старооскольского Домзака, нашел шестидевятилетнего священника из Средних Апочек вполне здоровым.

23 ноября 1929 года Особое Совещание при Коллегии ОГПУ постановило выслать Мартынова Христофора Алексеевича в Северный край сроком на 3 года.

Трудился батюшка в ссылке на лесопилке. Не забывал своих прихожан, писал им письма. А те отправляли ему на север посылочки. Но затем переписка прервалась.

Согласно документам из архива УФСБ по Курской области, отцу Христофору 26 ноября 1932 года было предоставлено право свободного проживания по всему СССР. Однако, неизвестно, сумел ли он этим правом воспользоваться.

Рассказывают, что настоятель Ильинского храма в Старом Осколе протоиерей Владимир Отт встречался с отцом Христофором в ссылке. Он и сообщил жителям Средних Апочек о смерти батюшки в Северном крае.

Но с оперативного учета спецслужб иерей Христофор Мартынов был снят лишь 13 мая 1958 года.

Примечания

Очерк написан по материалам следственного дела №6929 из архива УФСБ по Курской области.

2012 год

**Изъятие церковных ценностей
в одном, отдельно взятом, уезде**

История взаимоотношений Церкви и советского государства похожа на роман, начавшийся с развода. При чем сам развод, то есть Декрет об отделении Церкви от государства, принятый в январе 1918 года, был не самым драматическим событием в этом романе. О завершении выполнения этого декрета в Старооскольском уезде отчитались уже 7 ноября 1920 года, в Белгородском – 26 апреля 1921 года, в Курском – только 26 июня 1921 года[1].

Но изгнав Церковь из всех систем государственной власти, советы не успокоились. Они хотели взять под жесткий контроль всю церковную жизнь и, в конце концов, умертвить Церковь. Внутри Центрального Комитета большевистской партии, определявшего государственную политику того времени, в этом вопросе царил единодушие. Споры касались только тактики, – каким образом убить Церковь: сразу задушить или немного помучить. Поэтому периоды грубого давления на священнослужителей и верующих мирян порой сменялись периодами напускного равнодушия или даже всплесками якобы искреннего сочувствия. Один из них случился в первой половине 1921 года.

Органы советской власти неожиданно заинтересовались нуждами храмов и любопытствовались, что в церквях есть, а чего там не хватает для нормальной жизни. Священнослужители, еще не забывшие старые добрые царские времена, когда государство чутко прислушивалось к церковным проблемам, расценили большевистское любопытство как предложение о помощи и завалили местные власти своими просьбами.

Старооскольские церкви нуждались во многом. Ведь вся церковная инфраструктура была разрушена революцией, войной и новыми порядками. Свечные заводы и склады церковной утвари были экспроприированы. Не хватало

вина для Евхаристии, лампадного масла, свечей (или хотя бы просто воска, свечи тогда умели делать и самостоятельно). Не хватало дров для отопления храмов. Клирики Крестовоздвиженского храма в Ямской слободе заикнулись о том, что пора провести серьезный ремонт церковных печей. Из Вознесенского храма Казацкой слободы поступила просьба о приобретении двух выносных подсвечников. А настоятель Покровского храма в селе Кунье о. Петр Дагаев попросил советский исполком помочь пошить облачения для диакона и псаломщика.

Только братия Курского Знаменского монастыря во главе с наместником игуменом Иеремией (Куркиным) обратилась к органам власти с просьбой иного рода. *«/Мы/ ничем не пользовались и не пользуемся от государства, – писали они. – Просим оставить общину в прежнем виде».*

Однако, у значительной части духовенства жива еще была надежда на то, что все в отношениях Церкви и государства наладится и будет почти, как прежде. Курское губернское советское начальство подыграло такому настроению. Двум монастырям (мужскому Знаменскому и женскому Троицкому) к Пасхе было выдано по бутылке вина и по два пуда муки для выпечки артосов. Старооскольцам радушно сообщили, что *«свечи можно получить из свечного склада завода, находящегося в ведении совнархоза»*, а *«для получения церковной утвари общинам необходимо явиться в ГубЗАГС»*, имея при себе заявление, заверенное в уездном отделе правления.

Государство повернулось лицом к Церкви. Но не для того, чтобы обнять и взять под свое крыло, а для того, чтобы нанести новый удар. Нужен был только предлог. Его не пришлось долго искать.

Неурожай 1921 года – не единственная причина голода, охватившего многие районы Поволжья, Урала, Казахстана и Украины. Свою лепту в ослабление хозяйственного организма страны внесли и гражданская война, и экономические эксперименты «военного коммунизма», и недовольство крестьян новыми порядками, вылившееся в крестьянские восстания. Уже в марте В.И. Ленин, предвидя надвигающийся продовольственный кризис, решил пожертво-

вать крестьянством в пользу пролетариата, советских служащих и бойцов Красной Армии. *«Крестьянин должен несколько поголодать, – говорил он, – чтобы тем самым избавить от полного голода фабрики и города»*[2].

Голод был неизменным попутчиком революционных преобразований. Уже в 1918 году в советских газетах можно было встретить оптимистические заявления, типа: *«Из Курска сообщают, что заготовка конины для Москвы идет довольно успешно»*[3]. А через четыре года газета «Правда» печально констатировала: *«Людоедство и трупоедство принимает массовые размеры»*. По признанию советских историков, склонных к преувеличению завоеваний коммунизма и преуменьшению коммунистических неудач, осенью 1921 г. – весной 1922 г. в СССР от голода страдало около 22 миллионов человек. К маю 1922 года свыше миллиона из них были мертвы[4].

Что характерно, борьбу с голодом начало не партийное правительство, правившее от имени народа, а беспартийный Всероссийский комитет, объединивший врачей, учителей, писателей. А правительство обещало не мешать. Но не сдержало своего обещания.

В августе 1921 года Всероссийский церковный комитет помощи голодающим основал патриарх Тихон. Свое обращение он адресовал не только к чадам православной Церкви, но и ко всем народам мира. *«Помогите стране, кормившей многих и ныне умирающей от голода, – просил Святейший, завершая свое прошение молитвой. – К Тебе, Всеблагий, простирает согрешивший народ Твои руки свои и мольбу: прости и помилуй»*[5]. Ни разные политические взгляды, ни конфессиональные различия не стали препятствием для благого дела – спасения голодающих. Святейший патриарх Российский просил о помощи Восточных Патриархов, папу Римского, архиепископа Кентерберийского и епископа Нью-Йоркского.

Однако большевистский ВЦИК, испугавшись укрепления авторитета Церкви, поспешил упразднить созданный ею благотворительный комитет. А 23 февраля 1922 года и вовсе издал декрет «О порядке изъятия церковных ценностей, находящихся в пользовании верующих групп»[6]. Этот документ положил начало широкомасштабной антицерковной кампании. Власти перенесли центр

тяжести *«с добровольного участия духовенства и мирян в помощи голодающим на насильственное изъятие властью церковных ценностей»*[7]. Унизить Церковь для партии было важнее, чем спасти людей от голодной смерти.

19 марта 1922 года в строго секретном письме членам Политбюро В. И. Ленин призывал *«провести изъятие церковных ценностей с самой бешеной и беспощадной энергией и не останавливаясь перед подавлением какого угодно сопротивления... Чем большее число представителей реакционного духовенства ... удастся нам по этому поводу расстрелять, тем лучше»*[8]. Здесь же он назвал Церковь (а не голод!) главным противником, у которого нужно отобрать несколько сотен миллионов (а может и миллиардов) золотых рублей. За счет обдирания храмов и монастырей Ленин собирался вести государственную работу, хозяйственное строительство и отстаивать свою позицию на Генуэзской конференции. *«Ужасы голода рассматривались В. И. Лениным лишь как обстоятельство, способствующее осуществлению таких планов»*[9], – пишет А.Н.Кашеваров.

До Старооскольского уезда кампания по изъятию церковных ценностей докатилась 14 марта 1922 года. В этот день состоялось первое заседание наскоро созданной уездной подкомиссии по изъятию под председательством Н. Фоменко. В нее так же вошли П. Чакрыгин и Н. Дружинин. Заседавшие решили затребовать у всех церковных советов уезда копии описей церковного имущества. Несмотря на то, что комиссии не хватало эксперта для определения качества драгоценных металлов и камней, а так же хорошего технического работника, решено было приступить к работе в этот же день. Товарищ Фоменко предложил начать изъятие с городских храмов. И в первую очередь, с Богоявленского собора. Однако, изъятие началось только 3 апреля и с Успенского храма. Комиссарам пришлось подкорректировать свои планы.

25 марта в уездную подкомиссию поступила информация, что настоятель Троицкого храма Стрелецкой слободы о. М. Павлюк прячет дома церковные сосуды, которые взял в одной из церквей во время отступления большей части Старооскольского духовенства с «белыми бандитами». Подкомиссия постано-

вила: *«Поручить уполномоченному ГПУ произвести обыск у священника Павлука с целью выиски сосудов, каковые в случае обнаружения изъять и передать под расписку церковному совету слободы Стрелецкой. О результатах обыска сообщить подкомиссии»*[10].

29 марта председатель уездной подкомиссии Н.Фоменко инициировал собрание благочинных. Он заключил, что отношение благочинных к изъятию хорошее, поскольку они *«попросили оставить один сосуд (наверное, просили «хотя бы один» – прим. автора) в каждой церкви для совершения богослужения»*. Н.Фоменко по-отечески посоветовал отцам-благочинным *«впредь подбирать церковную утварь из менее ценного материала»*. Мол, сами виноваты[11].

С 31 марта в городе началась усиленная агитация за изъятие церковных ценностей. Со 2 апреля агитаторы отправились по селам уезда. С 3 апреля началось само изъятие.

Протоколы *«изъятия церковных ценностей (храмов, монастырей, молелен, часовен, синагог и пр.) на предмет их реализации с целью оказания помощи голодающим Поволжья»* составлены по образцу, который не сообщает обстоятельств, сопутствующих самому процессу изъятия. Но по другим документам (отчетам губернских исполкомов в особую комиссию при ВЦИК) мы знаем, как это все было. О грядущем изъятии церковный совет либо вообще не предупреждали, либо ставили в известность перед самым началом. Члены подкомиссий прибывали в назначенный храм тайно, сотрудники ГПУ были одеты только в гражданскую одежду. Храм запирался изнутри. Транспортное средство для вывоза изъятого оставлялось на соседней улице. К дверям храма оно подъезжало в самый последний момент. Комиссары, обещавшие изымать только то, что *«не может существенно затронуть интересы самого культа»*[12], оставляли предметы лишь малых размеров – самые малые кресты, чаши и прочее. А формулировка *«во временное пользование»* не давала церковному совету гарантии, что комиссары в скором времени не вернуться за новой партией церковных ценностей. Хотя, как правило, за каждый оставленный предмет, будь то потир или

лжица, прихожане сполна расплачивались с подкомиссией. По сути, выкупали их, спасая церкви от полного разграбления.

В храмах изыматели вели себя, как дома. Ведь они представляли государственную власть, которая милостиво позволяла верующим арендовать здания церковей для служб. Свои подписи под договорами об аренде зданий в Курской губернии в 1921 году поставили 2 710 355 верующих. Из них католиков – до двух тысяч человек; иудеев – около полутора тысяч; лютеран – не более половины тысячи; магометан – две сотни; старообрядцев, баптистов и представителей мелких сект – в общей сложности 2 200 человек. Остальные все православные[13].

Церковные общины были лишены права юридического лица. Печати и бланки было велено сдать новой власти. Еще раньше из церковных хранилищ в местные ЗАГСы перенесли метрические книги.

4 июля 1921 года из центра в Губисполком поступило распоряжение: внести *«в договоры о передаче храмов группам граждан особые пункты о праве использования храмов во внебогослужебное время на общекультурные цели для лекций, митингов и концертов»*. Приближались лихие года, когда храмы использовались не только на «общекультурные цели», но и на хозяйственные нужды: для склада удобрений, ремонта техники, содержания животных или в качестве строительного материала для новых объектов советского быта.

При процедуре изъятия для формального соблюдения законности должны были присутствовать «представители группы верующих». Однако в некоторых протоколах эта графа осталась незаполненной. Забыли изыматели впопыхах записать имена или просто орудовали без свидетелей? Священники храмов старались успеть к началу изъятия, хотя их не очень-то и дожидались.

Итак, первый визит старооскольская уездная подкомиссия по изъятию церковных ценностей нанесла в Успенский храм. Ее встретил сам настоятель весьма уважаемый (но не большевиками) протоиерей Николай Мячин. Тяжело было ему, уже далеко не молодому человеку, сдерживать напор не в меру энергичных комиссаров.

Отец Николай был родом из села Малый Змиивец Щигровского уезда. Закончив Московскую духовную академию со степенью кандидата богословия и правом искать степень магистра, Н. Мячин в 1885 году был рукоположен в священный сан и определен в московский Иверский храм, что на Ордынке. В этой церкви он служил 35 лет. Отец Николай преподавал в Московском реальном училище, состоял членом ревизионного комитета МДА по проверке экономических сумм, с 1914 года нес послушание благочинного Замоскворецкого округа, занимался миссионерской работой, в 1916 году был избран председателем Совета Братства св. равноапостольной Марии Магдалины. В июле 1917 года на свои средства достроил каменную трехпрестольную церковь в родном селе, которое находилось на границе Курской и Орловской губерний. В 1920 году решил остаток своих дней посвятить родному Курскому краю [14].

Прихожане старооскольского Успенского храма единогласно избрали о. Николая своим настоятелем. Он оставил Москву и переехал в Старый Оскол, получив на это благословение самого Святейшего патриарха Тихона. Но в маленьком Старом Осколе пожилому священнику жилось еще беспокойнее, чем в свое время в огромной Москве. Куда бы ни ехал в ту пору священнослужитель, везде он оказывался на передовой. Наступление на религию шло по всем фронтам. Пережив кампанию по изъятию церковных ценностей, о. Николай с благословения священноначалия в октябре 1923 года перевелся на службу в родное село. Позволили ему там умереть от старости или удостоили мученического венца – нам неизвестно.

Из Успенского храма было изъято 47 разных серебряных предметов и одна золотая лжица. Из Богоявленского собора (там изъятие происходило в присутствии священника Иоанна Матушинского) изъято 53 предмета. Из Казанско-Николаевского (в присутствии священника Василия Попова) – 67 предметов. Из Благовещенского-Михайловского (в присутствии священника Иоанна Мазалова) – 42 предмета. Из Покровского (в присутствии священника Вячеслава Переяславского) – 27 предметов. Дойдя до Ахтырской кладбищенской церкви уездная подкомиссия вынуждена была сделать перерыв до 20 апреля, «*ввиду усиленной службы в церквях перед праздником Святой Пасхи*». За время выну-

жденной остановки нашелся и эксперт по оценке драгоценных металлов и камней – гражданин П.Г. Постников Его оформили задним числом (с 1 апреля), пообещав ежемесячно платить за услуги по пять миллионов рублей.

Процесс изъятия продолжился 27 апреля. Вероятно, комиссары не отважились атаковать храмы и в Светлую Седмицу. Но зато второй этап изъятия церковных ценностей шел более стремительно. Схема была отработана, недостатки учтены, действия оптимизированы. В среднем ежедневно члены подкомиссии вывозили ценности из трех-четырех храмов. Все изъятые свозилось в Старооскольский уездный финотдел.

Слободские и сельские храмы были значительно беднее, чем городские. В Александро-Невской церкви Гуменской слободы комиссары нашли пригодными для изъятия только 11 предметов, в Кресто-Воздвиженской – и того меньше – 10. В основном это были серебряные ризы с икон, кресты, диски, звезды, тарелочки, оправы с Евангелия. В Гуменском храме после ухода изыmateлей остался один сосуд серебряный с приборами да дарохранильница. Настоятелю Крестовоздвиженского храма о. Леониду Астанину и председателю церковного совета М.Н. Игумнову удалось отстоять, помимо диска, звезды и лжицы, еще и одну серебряную ризу с храмовой иконы Воздвижение Животворящего Креста Господня. Все оставленное они от имени прихожан обязались заменить «домашними вещами личного употребления»[15].

Во время изъятия ценностей в Никольской церкви села Незнамово случился инцидент. Комиссары здесь обнаружили, что вместо двух серебряных крестов, указанных в описи 1920 года, на престоле есть только один. А второй напестольный крест – медный. Священник О.М.Праведников разъяснял изыmateлям, что в описи была допущена ошибка. Они занесли его слова в протокол и, изъяв всего четыре предмета, удалились в следующий храм.

26 мая Н. Фоменко и П. Чакрыгин отчитались о проведении процедуры изъятия в 51 храме уезда. А 11 мая церковные ценности были изъяты из всех 74 храмов, которые имелись тогда в Старооскольском уезде. Последней в этом

списке обобранных храмов оказалась домовая Преображенская церковь Дома ребенка в селе Салтыково. А Дом этот носил имя... Ленина[16].

О том, как распорядилась советская власть очередной порцией награбленного, ходили разные слухи. Когда в скором времени советы пустили в обращение серебряные монеты, многие говорили: *«С лампадочек, с иконочек коммунисты денег начеканили»*[17]. Н. Троцкая, заведовавшая Главмузеем, неоднократно напоминала о нерациональном использовании изъятых ценностей. Она советовала не спешить выковыривать драгоценные камни из шедевров ювелирного искусства. В неизувеченном виде они выше ценятся, а следовательно и продать их на мировом рынке можно подороже. Немало средств из фонда Помгола ушло и на агитационные мероприятия в поддержку изъятия, на издание листовок и брошюр, разоблачающих «воровство попов».

Кампания по изъятию церковных ценностей добавила к миллиону погибших от голода многие тысячи погибших в ходе сопротивления ограблению храмов. Стоит вспомнить события в Шуе, процесс по делу священномученика Вениамина (Казанского), митрополита Петроградского и Гдовского и многое другое. По замечанию Санкт-Петербургского церковного историка протоиерея Георгия Митрофанова, *«1922-1923 годы унесли духовенства на тот свет столько же, сколько унесли годы Гражданской войны»*[18].

Составители вышедшего не так давно сборника документов, свидетельствующих о том, как процесс изъятия церковных ценностей проходил в Москве, проследили судьбы наиболее активных столичных изымателей. За редким исключением, все они были расстреляны 1936-1940 гг. Исключение составляют те, кто умер в ГУЛАГе или покончил собой[19]. А как завершили свой жизненный путь члены Старооскольской уездной комиссии по изъятию церковных ценностей? Этот вопрос пока остается без ответа.

В ходе кампании по изъятию шла подготовка к обновленческому расколу Церкви. Власти искали среди епископата и священства людей, способных на большое предательство. Некоторые исследователи утверждают, что именно в результате кампании по изъятию церковных ценностей *«клирики Курской епар-*

хия расколись на два враждебных лагеря – сторонников патриарха Тихона, которого поддерживал клир во главе с епископом Рыльским Павлином, и обновленческого Высшего Церковного Управления, в юрисдикцию которого перешли клирики, возглавляемые епископом Белгородским Никоном»[20].

Однако, документальная база, позволяющая подробно описать взаимоотношения православных и обновленцев в Старооскольском уезде, до настоящего времени не выявлена. Но это не означает, что ее нет.

Примечания

[1] ГАКО. Фонд Р-323. Опись 1. Дело 640.

[2] М. Вострышев. Патриарх Тихон. - М., Молодая гвардия. 1997. - С. 166.

[3] А. Мариенгоф. Циники.- М., Современник. 1990. - С. 26.

[4] История СССР с древнейших времен до наших дней. Т. VIII. - М., 1967. - С. 585.

[5] Акты Святейшего патриарха Тихона и позднейшие документы. - М., ПСТБИ, 1994. - С. 177.

[6] Русская Православная Церковь в советское время. (1917-1991). Составитель Г. Штриккер. Книга 1. - М. Пропилеи. 1995. С. - 148.

[7] Кашеваров А. Н. Православная Российская Церковь и советское государство (1917-1922). - М., Издательство Крутицкого подворья. 2005. -С. 233.

[8] Русская Православная Церковь и коммунистическое государство. 1917-194: Документы и фотоматериалы.- М., ББИ. 1996. - С. 89, 91.

[9] Кашеваров А. Н. Указ. соч. - С. 237.

[10] ГАКО. Фонд Р-323. Опись 1. Дело 689.

[11] ГАКО. Фонд Р-323. Опись 1. Дело 689.

[12] Русская Православная Церковь в советское время. Книга 1. М. 1995. С. - 148.

[13] ГАКО. Фонд Р-323. Опись 1. Дело 640.

[14] ГАКО. Фонд 750. Опись 1. Дело 417.

[15] ГАКО. Фонд Р-323. Опись 1. Дело 689.

[16] ГАКО. Фонд Р-323. Опись 1. Дело 689.

[17] Русская Православная Церковь и коммунистическое государство - С. 145.

[18] Митрофанов Георгий, протоиерей. История Русской Православной Церкви. 1900-1927. - С-П., Сатис. 2002. - С. 222.

[19] Изъятие церковных ценностей в Москве в 1922 году. - Сборник документов из фонда Реввоенсовета Республики. - Составители: диакон Александр Мазырин, В.А. Гончаров, И.В. Успенский. - М. ПСТГУ. 2006. - С. 28.

[20] Бунин А. Ю. Деятельность православного духовенства Курского края в 1905-1929 гг. Автореф. Дис. канд.ист.наук - . Курск, 2005. – С. 20.

Монахиня Иустина

архивариус Курского Свято-Троицкого женского монастыря

Образ православной семьи (на примере святых новомучеников Российских)

«Укрепляй семью, потому что она – основа всякого государства»

*(Завет Императора Александра III сыну Николаю,
будущему Императору Николаю II)[1]*

Все происходит по Божию Промыслу. Двадцатый век, ознаменованный для нашей Родины падением самодержавия и повсеместным вероотступничеством, поразил весь мир гигантским преступлением против своего народа и Православной Церкви – массовым уничтожением святителей, просвещенных и ревностных пастырей, множества подвижников благочестия. Из народа была выбрана соль, что поставило его в угрожающее положение разложения[2]. Семья, как созидаящая государство ценность, была сброшена с пьедестала. И как извратилось само понятие семьи в наши дни! Мы приведем пример того, какой должна быть семья.

Брак установлен Самим Богом. Бесспорно, идеалом брачного союза является христианская семья, ибо только она способна хранить и созидать общество через воспитание понятий о добре и зле, через исполнение заповедей Божиих. Главные вопросы в семье – воспитание детей на христианских идеалах, связь поколений, сохранение и передача духовно-нравственных традиций. Отсюда постоянное попечение родителей о благочестии общества. Христианский идеал устоял во время страшных гонений XX века, что труднее всего, и в этом его истинность.

Для современного верующего человека важно, чтобы церковные идеалы, в том числе семейные, были близки и понятны. Таково наследие новомучеников – наших современников. Они являются для нас и грядущих поколений об-

разцами христианского поведения. Новомученики восхищают своим целомудрием, неустрашимой решимостью безропотно и до конца нести крест жизненных страданий ради Господа[2*].

Гонения при советской власти начались сразу, то есть в 1918 году, и продолжались почти всё время ее правления.

Те новомученики, о которых пойдет речь, находились в браке, и их жизнь и мученическая смерть подтверждают истинность христианских семейных идеалов. Сохранилось множество примеров подобных семей. Однако достаточно рассмотреть несколько описаний житий этих святых. Назовем их имена:

– Священномученик *Тихон* и исповедница *Хиония Архангельские*[3],

– Священномученик *Валериан Новицкий* и его супруга Доминика Игнатьевна[4],

– Священномученик *Александр Парусников* и его жена Александра Ивановна, урожденная Пушкарева[5],

– Священномученик *Николай Восторгов* с супругой[6].

Исследовательской базой для данной темы послужили Жития новомучеников, составленные игуменом Дамаскиным (Орловским), членом Синодальной комиссии Московского Патриархата по канонизации святых. Игумен Дамаскин – автор научной методики комплексного изучения материалов, относящихся к мученическому и исповедническому подвигу святых XX века. Он продолжил прерванную в XX веке житийную традицию, восстановив ее на принципах раннехристианской агиографии, когда жития создавались на основе официальных документированных и устных свидетельств[7].

Священномученик Тихон и исповедница Хиония (Архангельские)

Священномученик Тихон родился 30 мая 1875 года в селе Больше-Попово Воронежской губернии в семье священника Иоанна Архангельского. Родители умерли рано, и младших детей – Тихона и его сестру – воспитывали их двоюродная сестра Зинаида и ее муж Петр. В свое время они отдали Тихона учиться в Духовную семинарию, по окончании которой он женился на благочестивой девице Хионии. Она родилась 8 апреля 1883 года в селе Новый Копыл Воронежской губернии в семье священника Иоанна Дмитриева. Впоследствии у

отца Тихона и Хионии Ивановны родилось восемнадцать детей; первая дочь родилась в 1901 году, а последняя – в 1923-м. Из всех детей выжили девять: шесть дочерей и трое сыновей, остальные умерли в младенчестве. Вскоре после венчания Тихон Иванович был рукоположен в сан священника ко храму в селе Троекурово Воронежской епархии, неподалеку от города Лебедянь.

Преследование властями, гонения, скитание по разным приходам по причине закрытия храмов. 9 августа 1937 года арест о.Тихона. Протоиерей Тихон Архангельский был расстрелян 17 октября 1937 года и погребен в общей, ныне неизвестной, могиле в Липецке.

31 декабря 1937 года тройка НКВД приговорила Хионию Ивановну к восьми годам исправительно-трудовых лагерей. Заключение она была отправлена отбывать в тюрьму в городе Шацке Рязанской области. 20 мая 1938 года тюремные врачи составили акт о состоянии ее здоровья и предложили освободить ее в соответствии с законом, так как обследование показало, что она не может обходиться без посторонней помощи. Однако уполномоченный НКВД потребовал не рассматривать вопрос о ее досрочном освобождении ввиду ее резких по отношению к советской власти высказываний.

Хиония Ивановна была освобождена в конце 1944 года после того, как стал очевиден смертельный исход ее болезни. Первое время она жила у дочери Юлии в Мичуринске, а когда приехала другая дочь, Вера, Хиония Ивановна поселилась возле села Тютчево в деревне Кривушке, где ее дочь Ирина купила за две пары галош небольшую избушку. Доехав до дома, Хиония Ивановна совсем разболелась и почти не вставала с кровати, но, несмотря на это, она взялась подрабатывать шитьем. Скончалась Хиония Ивановна в декабре от рака. Похоронили ее на местном кладбище 22 декабря 1945 года.

Новицкие Валериан и Доминика. Священномученик Валериан родился в 1897 г. в семье сельского священника Василия Новицкого, служившего в Свято-Троицкой церкви в селе Телядовичи Минской губернии. О детстве Валериана Новицкого известно мало. Он рос в обычной обстановке, свойственной семье духовного звания того времени. Регулярно посещал церковь, прислуживал в ней своему отцу, пел в церковном хоре. Затем он окончил Духовное училище

и поступил в Минскую Духовную семинарию. Завершить в ней обучение ему не удалось. В 1918 г. семинария была закрыта. Через три года юноша поступает на юридический факультет Белорусского государственного университета, но и здесь учиться ему пришлось недолго. Умирает отец Валериана, и в тяжелейших условиях тех лет, когда Церковь стала “изгоем”, юноша принимает непростое решение посвятить себя служению Богу в сане священника. По воспоминаниям матушки отца Валериана Доминики Игнатьевны, он объяснил свой выбор словами: «Надо спасти веру». С 1923 г. он стал служить в Свято-Троицкой церкви села Телядовичи, где до недавнего времени служил его отец.

По свидетельству прихожан, «отец Валериан был очень добр. Прекрасный проповедник, он вернул к вере в Бога немало односельчан», прослужив в Телядовичах всего семь лет. Его арестовали 14 января 1930 года. Отцу Валериану вменялось в вину то, что он высказывался против колхозов. 23 февраля отец Валериан был приговорен к расстрелу. Один из палачей рассказал впоследствии, как ему пришлось вести троих приговоренных к расстрелу в лес. Двое из них были священниками, и один из них отец Валерина. Перед расстрелом священникам еще раз предложили отказаться от веры в Бога и от сана. После того как они отвергли это предложение, им приказали собственноручно вырыть себе могилу, а затем расстреляли.

Александр Парусников. Священномученик Александр родился 13 октября 1879 года в селе Троицко-Раменском Бронницкого уезда Московской губернии в семье священника Сергея Алексеевича Парусникова, служившего в этом селе в Троицкой, при озере Борисоглебском, церкви.

Александр Сергеевич, не намереваясь становиться священником, поступил в Высшее техническое училище в Москве. До окончания училища оставался один год, когда отец сообщил ему, что предполагает выйти за штат, и призвал сына принять сан священника и занять его место. Александр Сергеевич согласился и, оставив техническое училище, сдал экстерном экзамены за весь семинарский курс.

В Раменском он познакомился со своей будущей **женой, Александрой Ивановной Пушкаревой**. Она родилась 9 апреля 1886 года. Отец Александры

умер рано, и она жила с бабушкой Варварой и матерью Надеждой Алексеевной, которая работала на бумагопрядильной фабрике Малютиных. Сестра хозяина фабрики преподавала в школе в деревне Дергаево, в которой училась Александра. Она обратила внимание брата на способную девочку, сказав ему: «У меня в классе есть хорошенькая девочка и очень способная. Хотелось бы, чтобы она продолжила свое образование». Брат согласился, и при поддержке Малютиных Александра Ивановна окончила Филаретовское епархиальное училище в Москве, после чего получила место учительницы начальных классов в сельской школе неподалеку от Раменского.

В 1908 году Александр Сергеевич был рукоположен во священника к Троицкой церкви, в которой прослужил до своей мученической кончины. Кроме служения в церкви, он преподавал Закон Божий в частной гимназии Гроссет в Раменском.

24 марта 1938 года отца Александра арестовали. Незадолго до его ареста лжесвидетелями были даны необходимые следователям показания. 26 марта начальник районного НКВД Элькснин допросил отца Александра.

2 июня 1938 года тройка НКВД приговорила отца Александра к расстрелу. В это время он находился в Таганской тюрьме в Москве. Протоиерей Александр Парусников был расстрелян 27 июня 1938 и погребен в безвестной общей могиле на полигоне Бутово под Москвой.

Николай Восторгов. Священномученик Николай родился 21 ноября 1875 года в селе Никологорском Вязниковского уезда Владимирской губернии в семье псаломщика Евдокима Восторгова и Анны Александровны. Получив образование во Владимирском Духовном училище, Николай стал служить псаломщиком в Николаевском храме на погосте Горицы.

В 1915 году Николай Евдокимович был рукоположен во диакона и направлен в село Дедово Муромского уезда. Там он прослужил до 1927 года, когда уже всюду шли гонения, и в апреле этого года он был рукоположен во священника к церкви села Голянищево. Через год отец Николай переехал служить в село Чулково Вагского района Нижегородской области и прослужил здесь до дня и часа своего ареста. В середине июля 1929 года местные власти объявили

священнику, что он будет непременно выселен из церковного дома. Прихожане, однако, выразили протест против незаконных действий властей, тем более что дом священнический был построен самими крестьянами, и они подали прошение с ходатайством не выселять священника. Власти расценили эти действия как бунт народа против коммунистической власти и в начале августа арестовали священника и вместе с ним двух крестьян, заключив их в тюрьму в городе Муроме.

20 ноября 1929 года Особое Совещание при Коллегии ОГПУ приговорило отца Николая к трем годам заключения в концлагерь, а двух крестьян – к шести месяцам лишения свободы. Священник был заключен в 4-ю роту Соловецкого концлагеря на Большом Соловецком острове. Вскоре после прибытия в лагерь он заболел тифом и был помещен в лагерную больницу.

Священник Николай Восторгов скончался на главном Соловецком острове в центральной больнице Соловецкого лагеря особого назначения 1 февраля 1930 года.

Биографии новомучеников схожи. Все они происходили из семей сельских священно- и церковнослужителей. Родились в 70–90-е гг. XIX века. В родительских домах бережно хранились и передавались христианские традиции воспитания детей. Отец и мать были для детей примерами для подражания. *Священномученик Николай Восторгов оставил следующее воспоминание о родных: «Остаюсь благодарен...и всегда вспоминаю своих родителей за их доброе воспитание, которым пользуюсь я и в настоящее время, воспитывая своих детей»*[8].

Будущие священномученики получили духовное образование, приняли священнический сан. В их семьях было много детей. В годы репрессий батюшки претерпели гонения со стороны властей, аресты или ссылку, однако решительно встали на путь исповедничества, не отреклись от веры и сана (излюбленный прием палачей: принуждение к отречению от священнического сана взамен на сохранение жизни). Кончина священномучеников и исповедников последовала либо в результате расстрела, либо болезни в лагерях в возрасте от 38 до 62 лет. Со стороны супруги во всем выражалась жертвенная помощь и

поддержка. Семьи священников также подвергались беспощадным гонениям и лишениям. Священномученики и исповедники канонизированы Русской Православной Церковью в 2000–2001 годах.

Изучив жития священномучеников, приведем обобщенные качественные характеристики **супруга-священника**:

- заботливый муж, любящий отец;
- образованность;
- доброта, ласковость, приветливость, отзывчивость, миролюбие;
- терпеливость, смирение, покорность;
- нестяжательность, трудолюбие, добросовестность;
- немногословность, сдержанность;
- пастырство, обращение в веру, воспитание прихожан на собственном примере, любовь к молитве, молитвенность, ревностность, благоговение к богослужениям:

Священномученик Николай Восторгов писал из тюрьмы родным: «Приходят великие праздники, а мне приходится быть без службы – как это для меня тяжело и больно; чуть услышишь звон, и невольно сердце обливается кровью; погрустишь и в душе помолитесь, и тем довольствуешься. К счастью моему, в камере нашей собрались все верующие, так что и помолитесь иной раз, как и дома, и не слышишь со стороны никаких насмешек»[9];

- решительность, твердость, смелость, отвага; сознательное принятие священства в годы гонений:

Священномученик Валериан Новицкий принимает священство в 1923 году, мотивируя свой выбор так: «Надо спасать веру!»[10];

- на допросах отрицание вины в «антисоветской деятельности», отстаивание достоинства Церкви и своих христианских принципов, свидетельствование своей веры; не отрекались от священства во время испытаний:

9 августа 1937 года сотрудники НКВД пришли арестовывать отца Тихона (Архангельского). Один из них спросил батюшку:

- *Оружие есть?*
- *Есть! – ответил священник. – Крест и молитва!*[11]

По ночам отца Александра Парусникова часто вызывали в НКВД и однажды сказали:

– Уходи из церкви, ведь у тебя десять детей, а ты их не жалеешь.

– Я всех жалею, но я Богу служу и останусь до конца в храме, – ответил священник[12].

Священномученик Валериан Новицкий писал родственникам, живущим в Западной Белоруссии: «У меня нет мысли бросать священство, но страшит близкое будущее – голод для детей...Страшен день будущий, но с Божией помощью надеемся выйти из нищеты и голода, от сана не отказавшись»[13].

4 октября 1937 года тройка НКВД приговорила отца Тихона (Архангельского) к расстрелу. Приговоренных к расстрелу казнили за окраиной города Липецка. Перед расстрелом сотрудник НКВД спросил отца Тихона:

– Не отречешься?

– Нет, не отрекусь! – ответил священник. Протоиерей Тихон (Архангельский) был расстрелян 17 октября 1937 года и погребен в общей, ныне безвестной, могиле[14].

В образе **супруги-матушки** подтверждается Евангельское положение о том, что муж и жена одна плоть, ибо она вместе с мужем разделяет гонения и страдания. Она до конца верна супругу, так же как и верна Христу и Православной Церкви до смерти. Она хозяйственна, заботлива, несет ответственность за сохранение родного очага. Во время испытаний, жизненно важных обстоятельств супруга решительно и бесстрашно принимает исповедничество, свидетельствует о своей вере, о принадлежности Православной Церкви, то есть, по сути, жертвует собой:

Приведем два примера из Жития священноисповедницы Хионии Архангельской: «Надо собираться, – сказала она. – Я уже чувствую, что возьмут. А я прятаться ведь не буду. И уж раз вызывали, я сама лучше пойду к ним». Она оделась; приготовившись к аресту, собрала необходимые вещи, и они вместе с дочерью Еленой пошли в сельсовет. Это был вечер 12 декабря 1937 года[15].

Следователь обвинял матушку Хионию:

– Вы сектанты, не велели Ждановой идти в колхоз, и она не пошла.

– Я говорю, что это все ложь, никому я этого не говорила, пусть будет мне очная ставка, я лжи не боюсь, а мой муж сам против сектантов выступал[16].

Жена священника покорна воле Божией, смиренна, кротка, терпелива, незлобива, совестлива:

Хиония Архангельская безропотно приняла тюремное заключение: «Теперь я на себе испытала, как слово Спасителя ни едино не пройдет не исполнено. Я в жизни своей имела всегда грех судить, других осуждала без всякого на то права, и вот теперь сама попала под суд, а если б никого не судила, была бы не судима. Была властна, все делала, как мне угодно, вот теперь лишили свободы, без разрешения и на двор не ходим, а терпим от раннего вечера до полного рассвета, что некоторым мучительно, поэтому приходится больше говорить и меньше есть и пить»[17].

На очередном допросе следователь пригрозил Хионии Ивановне:

– Вы у меня дождетесь лагеря, я вас в лагерь упеку!

– Я говорю: «Воля ваша, а я жизнь жила, грешила и должна понести наказание за грехи».

– Но начальник зашумел: «Враг! Враг! Самый настоящий враг!»[18]

Жития святых новомучеников дают целостное представление о **христианском воспитании** детей в своих семьях. Укажем эти **принципы**:

– пример христианской жизни – родители, а дети – их подражатели и продолжатели;

– воспитанием детей занималась, как правило, мать;

– религиозность – основа семьи. Родители закладывали в детях любовь к Богу и Церкви, к ее таинствам. Молиться Богу, посещать богослужения, жить церковной жизнью, читать религиозные книги в кругу семьи считалось основным занятием:

В семье Архангельских воспитанием детей занималась Хиония Ивановна. Она была женщиной глубоко религиозной и благочестивой и научила детей молиться и при всех трудностях обращаться к единому Богу. Во все большие и малые церковные праздники дети вместе с нею шли в церковь. Она приучила их

поститься в соответствии с церковным уставом. В посты откладывалось чтение светских книг и читался лишь Закон Божий. Прочитанное дети рассказывали отцу или матери[19];

– с раннего детства в детях воспитывались трудолюбие, хозяйственность, бережливость:

Отцу Тихону (Архангельскому) выделили землю, и большая семья жила тем, что они получали от занятий сельским хозяйством. Участок земли был не лучшим, засорен камнями, и пришлось приложить много труда, чтобы его очистить. На земле работали все старшие дети, что приучило их ко всякого рода труду и помогло впоследствии перенести обрушившиеся на них испытания[20].

Матушки Хиония Архангельская писала своим детям и внукам из тюрьмы: «Ребятки пусть берегут свою обувь; детки, все башмаки блюдите в порядке. Коля, те ботиночки с галошами, дорогой, найди и рыбьим жиром намажь, они сохранятся должее»[21];

– детям прививалась искренность, простота в отношениях, рассудительность;

– любовь к детям выражалась не в избалованности, а в строгости:

Священник Николай Восторгов оставил для детей как назидание воспоминания о своем детстве. Он писал: «В семействе меня очень любили, так как я из всей семьи был один только сын, а были четыре сестры, и вот потому-то меня очень любили, но надо сказать, что баловства никакого мне не позволяли, так как отец и мать были очень религиозные и строгие в дело, но никак не зазря. Никогда они не позволяли мне и прочим сестрам, чтобы прогулять все-нощную или проспять заутреню и обедню, это было недопустимо. Хотя, действительно, иногда и не хотелось вставать рано, но, боясь гнева родителей, встаешь и идешь»[22];

– родители готовили детей к жизненным испытаниям через трудолюбие, кротость, смирение и верность Богу, воспитывали веру в помощь Божию и благодарение Богу не только за хорошее, но и за попускаемое зло:

Семья священника Александра Парусникова держала корову, которая, как и во многих семьях тогда, была кормилицей. Однажды представители властей увели ее со двора. Отец Александр был в это время в храме. Вернувшись домой, он увидел пришедших в смятение близких и спросил, что случилось. Александра Ивановна сказала:

– Корову увели у нас со двора.

– Корову увели? Пойдемте быстренько, все детки, вставайте на колени. Давайте благодарственный молебен отслужим Николаю Чудотворцу.

Александра Ивановна с недоумением посмотрела на него и воскликнула:– Отец?!

– Сашенька, Бог дал, Бог взял. Благодарственный молебен давайте отслужим.

С тех пор как у них не стало коровы, каждый день на крыльце появлялась корзинка с бутылкой молока и двумя буханками хлеба. Старшие дети долгое время дежурили у окна, выходящего на крыльцо, чтобы узнать, кто приносит им хлеб и молоко. Бывало, до глубокой ночи высматривали, но так им и не удалось увидеть благодетеля. Это чудо помощи Божией по молитвам святителя Николая Чудотворца продолжалось в течение довольно долгого времени[23];

– старшие дети должны были подавать пример младшим, а младшие слушаться старших. Ребята обязаны были заботиться о родителях и друг о друге:

Вот что писал отец Александр Парусников своим деткам из тюрьмы: «Дети мои, всех вас целую и крепко прижимаю к сердцу. Любите друг друга. Старших почитайте, о младших заботьтесь. Маму всеми силами охраняйте. Бог вас благословит»[24];

– родители проявляли заботу о настоящем и о будущем детей; давали им целомудренные наставления в отношении супружества; заботились о нравственности и целомудрии (то есть о чистоте души и тела ребенка); с жалостью относились к детям, избравшим богоборческий путь:

Матушка Хиония Архангельская писала деткам из тюрьмы: «Дорогих Мишу и Володю очень жалею, но если они женятся в такое трудное время, то

еще больше жалею; но если не могут не жениться, то выбирайте жену с благословения Божия, а по-собачьи не сходитесь»[25].

Отец Николай Восторгов, еще будучи дьяконом, в силу обстоятельств, поселился в доме невесты еще до свадьбы. «Хотя и неудобно было, – пишет он, – но не было квартиры, так как погост Горицы находился отдельно от селений, здесь жило одно духовенство: священник, диакон, псаломщик; была церковная сторожка и более домов никаких – ввиду этого и пришлось стать в дом невесты. Очень, очень неудобно было проживать, но, благодаря братьям невесты, привык, хотя глупостей ни с той, ни с другой, впрочем, стороны не было, а жили так, как и подобало по всем правилам закона жить: честно, благородно и богобоязненно»[26].

Мученичество, исповедничество, смерть за Христа – это логическое завершение жизни российских новомучеников, это прямой путь к святости, это блаженство. А если супруги вместе избрали кратчайший путь ко спасению, то они и вместе достигли Славы Небесной. Для нас же это дух захватывающий пример того, как можно и нужно любить Христа Спасителя. Наши новомученики и исповедники – это наши национальные герои, фундамент для возрождения религиозной и национальной жизни русского народа[27].

Священник Валериан Новицкий, расстрелянный в 1930 году, писал из тюрьмы своей супруге Доминике: «Мне для сохранения жизни предложили отречься от Бога и от священнического сана. Я отказался. Как ты справишься одна с детками?» В ответ она написала ему: «Не отрекайся ни от Бога, ни от священнического сана. Мне поможет Господь»[28]. Это были последние слова, с которыми они обратились друг к другу в земной жизни.

Священномученик Александр Парусников писал из тюрьмы своей супруге: «Дорогая Саша, спасибо тебе за то счастье, которое ты мне дала. Обо мне не плачь, это воля Божья». 2 июня 1938 года тройка НКВД приговорила отца Александра к расстрелу. В это время он находился в Таганской тюрьме в Москве. Протоиерей Александр был расстрелян 27 июня 1938 и погребен в безвестной общей могиле на полигоне Бутово под Москвой[29].

Священномученик Тихон Архангельский был расстрелян 17 октября 1937 года. Перед расстрелом палачи предложили ему отречься от сана, батюшка категорически отказался. 31 декабря 1937 года тройка НКВД приговорила Хионию Ивановну, супругу отца Тихона, к восьми годам исправительно-трудовых лагерей. Заключение она отбывала в тюрьме города Шацка Рязанской области. Вскоре тюремные врачи поставили ей диагноз – рак. Не смотря на это, ее освободили только в конце 1944 год, после того, как стал очевиден смертельный исход болезни. Скончалась Хиония Ивановна в декабре 1945 года[30]. В их лице Церковь прославила не только духовный подвиг верности Христу в гонениях, но и подлинно христианские супружеские отношения, когда муж и жена воистину становятся единой душой и единой плотью, как это заповедано от Бога...

<...>

Примечания

1. Житие Святых Царственных мучеников. Акафист. М., 2001. С. 9.
2. Игумен Дамаскин (Орловский). Гонения на Русскую Православную Церковь в советский период. http://www.goldentime.ru/nbk_22.htm
- 2*. Мученица Татиана (Гримблит). Мне бы жизнь за Тебя положить. Стихотворения. Храм Казанской иконы Божией Матери. Реутов. 2008. С. 4.
3. Игумен Дамаскин (Орловский). Мученики, исповедники и подвижники благочестия Русской Православной Церкви XX столетия. Жизнеописания и материалы к ним. Книга 5. Тверь, «Булат», 2001. С. 280-291.
4. Жития новомучеников и исповедников Российских XX века, составленные игуменом Дамаскиным (Орловским). Февраль. Тверь, «Булат», 2007. С. 185-187.
- 5 Жития новомучеников и исповедников Российских XX века, составленные игуменом Дамаскиным (Орловским). Июнь. Тверь, «Булат», 2008. С. 205-215.

6 Жития новомучеников и исповедников Российских XX века, составленные игуменом Дамаскиным (Орловским). Январь. Тверь, «Булат», 2005. С. 162-186.

7. Зинаида Петрова. Агиографический труд игумена Дамаскина (Орловского) о мучениках и исповедниках XX века – исторический источник по истории России. <http://voskres.ru/literature/critics/damaskin.htm>.

8. Жития новомучеников и исповедников Российских XX века, составленные игуменом Дамаскиным (Орловским). Январь. Тверь, «Булат», 2005.С. 164.

9. Жития новомучеников и исповедников Российских XX века, составленные игуменом Дамаскиным (Орловским). Январь. Тверь, «Булат», 2005.С. 184.

10. Новицкий, Валериан Васильевич – Википедия. ru.wikipedia.org/wiki/Новицкий_В.

11. Игумен Дамаскин (Орловский). Мученики, исповедники и подвижники благочестия Русской Православной Церкви XX столетия. Жизнеописания и материалы к ним. Книга 5. Тверь, Булат, 2001. С. 284.

12. Жития новомучеников и исповедников Российских XX века, составленные игуменом Дамаскиным (Орловским). Июнь. Тверь, «Булат», 2008. С. 211-212.

13. Жития новомучеников и исповедников Российских XX века, составленные игуменом Дамаскиным (Орловским). Февраль. Тверь, «Булат», 2007. С. 186.

14. Игумен Дамаскин (Орловский). Мученики, исповедники и подвижники благочестия Русской Православной Церкви XX столетия. Жизнеописания и материалы к ним. Книга 5. Тверь, «Булат», 2001. С. 285.

15. Игумен Дамаскин (Орловский). Мученики, исповедники и подвижники благочестия Русской Православной Церкви XX столетия. Жизнеописания и материалы к ним. Книга 5. Тверь, «Булат», 2001. С. 287.

16. Игумен Дамаскин (Орловский) Мученики, исповедники и подвижники благочестия Русской Православной Церкви XX столетия. Жизнеописания и материалы к ним. Книга 5. Тверь, «Булат», 2001. С. 290.
17. Игумен Дамаскин (Орловский) Мученики, исповедники и подвижники благочестия Русской Православной Церкви XX столетия. Жизнеописания и материалы к ним. Книга 5. Тверь, «Булат», 2001. С. 288.
18. Игумен Дамаскин (Орловский) Мученики, исповедники и подвижники благочестия Русской Православной Церкви XX столетия. Жизнеописания и материалы к ним. Книга 5. Тверь, «Булат», 2001. С. 290.
19. Игумен Дамаскин (Орловский) Мученики, исповедники и подвижники благочестия Русской Православной Церкви XX столетия. Жизнеописания и материалы к ним. Книга 5. Тверь, «Булат», 2001. С. 280.
20. Игумен Дамаскин (Орловский) Мученики, исповедники и подвижники благочестия Русской Православной Церкви XX столетия. Жизнеописания и материалы к ним. Книга 5. Тверь, «Булат», 2001. С. 280.
21. Игумен Дамаскин (Орловский) Мученики, исповедники и подвижники благочестия Русской Православной Церкви XX столетия. Жизнеописания и материалы к ним. Книга 5. Тверь, «Булат», 2001. С. 290.
22. Жития новомучеников и исповедников Российских XX века, составленные игуменом Дамаскиным (Орловским). Январь. Тверь, «Булат», 2005. С. 164.
23. Жития новомучеников и исповедников Российских XX века, составленные игуменом Дамаскиным (Орловским). Июнь. Тверь, «Булат», 2008. С. 210-211.
24. Жития новомучеников и исповедников Российских XX века, составленные игуменом Дамаскиным (Орловским). Июнь. Тверь, «Булат», 2008. С. 215.
25. Игумен Дамаскин (Орловский) Мученики, исповедники и подвижники благочестия Русской Православной Церкви XX столетия. Жизнеописания и материалы к ним. Книга 5. Тверь, «Булат», 2001. С. 288.

26. Жития новомучеников и исповедников Российских XX века, составленные игуменом Дамаскиным (Орловским). Январь. Тверь, «Булат», 2005. С. 181.

25. Вступительное слово игумена Дамаскина (Орловского) перед началом работы секции «Святые мученики, исповедники и подвижники благочестия нового времени» на XI Рождественских международных образовательных чтениях. 29 января 2003 года. http://fond.centro.ru/zvuk/damask_xi.htm.

28. Жития новомучеников и исповедников Российских XX века, составленные игуменом Дамаскиным (Орловским). Февраль. Тверь, «Булат», 2007. С. 187.

29. Жития новомучеников и исповедников Российских XX века, составленные игуменом Дамаскиным (Орловским). Июнь. Тверь, «Булат», 2008. С. 215.

30. Игумен Дамаскин (Орловский) Мученики, исповедники и подвижники благочестия Русской Православной Церкви XX столетия. Жизнеописания и материалы к ним. Книга 5. Тверь, «Булат», 2001. С. 285, 291.

Дамиановские чтения. 2010 год

Источник: Сайт Курского Свято-Троицкого женского монастыря // <http://kursksestry.ru/letopis/Novomucheniki.php>